

ВЕСТНИК

Череповецкого государственного университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

*Основан
в 2002 году*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

ИСТОРИЯ

2 / 2008

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в декабре 2002 г.

№ 2 (17) • 2008 • ИЮНЬ. Выходит четыре раза в год.

Направление: **ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИНГВИСТИКА, СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ
ИСТОРИЯ**

УЧРЕДИТЕЛЬ: ГОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–26579 от 20 декабря 2006 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Н.И. ШЕСТАКОВ, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.В. БАБИЧЕВА, д-р филол. наук, проф. (ВГПУ);

Н.В. ВОЛОДИНА, д-р филол. наук, проф. (ЧГУ);

Ю.В. ДОМАНСКИЙ, д-р филол. наук, проф. (ТвГУ);

В.П. КОРОВУШКИН, д-р филол. наук, проф. (ЧГУ);

А.В. КОЧЕТКОВА, канд. соц. наук, доцент (гл. ред. журнала «Лаборатория рекламы, маркетинга и PR МГИМО);

С.Ю. ЛАВРОВА, д-р филол. наук, проф. (ЧГУ);

Р.М. ЛАЗАРЧУК, д-р филол. наук, проф. (ЧГУ);

Ю.Б. ОРЛИЦКИЙ, д-р филол. наук, проф. (гл. ред. журнала «Вестник гуманитарных наук», РГГУ);

А.А. РЫБАКОВ, д-р искусств. проф. (ЧГУ);

Е.К. СОЗИНА, д-р филол. наук, проф. (УрГУ);

С.Н. ЦЕЙТЛИН, д-р филол. наук, проф. (ЧГУ);

А.В. ЧЕРНОВ, д-р филол. наук, проф., зам. гл. ред. (ЧГУ);

М.А. ЧЕРНЯК, д-р филол. наук, проф. (РГПУ);

Г.Н. ЧИРШЕВА, д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)

РЕДАКТОР:

Н.С. МЕНЬКИНА

КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ:

М.Н. АДЮХОВА

Адрес редакции: 162600, г. Череповец, пр. Луначарского, 5, тел. (8202) 55-31-91

Раздел 1

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1(091) «19»

И.А. Птицын
Череповецкий государственный университет

ХРИСТИАНСКАЯ СИМВОЛИКА В СТИХОТВОРЕНИИ «ДУРНЫЕ ДНИ» Б. ПАСТЕРНАКА

В первой части «Дурных дней» (строфы 1 - 5) описан триумфальный вход Христа в Иерусалим и события, предшествовавшие Его аресту. Во второй части (строфы 6 - 9) повествуется о жизни и деяниях Христа, начиная с бегства в Египет и до воскрешения Лазаря.

Уже в первой строфе Пастернак отступает от буквальной точности при описании поступков Христа. Согласно Евангелиям, Иисус въехал в Иерусалим на осле: «На другой день множество народа, пришедшего на праздник, услышав, что Иисус идет в Иерусалим, взяли пальмовые ветви, вышли навстречу ему и восклицали: Осанна! Благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев! Иисус же, найдя молодого осла, сел на него... (Иоанн 12: 12 - 14).

Очевидно, что Пастернак здесь продолжает свою линию противопоставления активности и пассивности. У него Иисус входит в Иерусалим Сам, и люди не выходят Ему навстречу, а бегут за Ним вслед:

Когда на последней неделе
Входил Он в Иерусалим,
Осанны навстречу гремели,
Бежали с ветвями за Ним.

В следующих четырех строфах обрисовывается ситуация, в которой оказался Христос

после входа в город. В «Дурных днях» нет описания конкретных сцен пребывания Христа в Иерусалиме. Однако возникает трагическое ощущение приближающейся катастрофы:

А дни все грозней и суровой,
Любовью не тронуть сердец...

В последующих трех строфах Христос как действующее лицо практически отсутствует. Вместо этого подробно и с отрицательными коннотациями даны Его антагонисты:

...Искали улик фарисеи,
Юля перед Ним, как лиса...

И темными силами храма
Он отдан подонками в суд...

Толпа на соседнем участке
Заглядывала из ворот,
Толклись в ожиданьи развязки
И тыкались взад и вперед.

Пастернак деперсонализирует врагов Христа, что передается также и безличными конструкциями («Любовью не тронуть сердец», «толклись... и тыкались»).

Вторая же часть стихотворения «Дурные дни» начинается с третьей строки шестой строфы:

И бегство в Египет, и детство
Уже вспоминали, как сон.

Христос в ожидании суда вспоминает различные эпизоды из Своей жизни. Он пришел на землю, чтобы прожить жизнь ребенка, юноши, взрослого человека, а затем мучительно умереть на кресте. Умереть потому, что земным политикам («темным силам храма») и религиозным фанатикам («фарисеям») не по душе Его зов к беспредельному человеколюбию. Еще хуже ведет себя «толпа»:

И с пылкостью тою же самой,
Как славили прежде, кланут (III, 535).

В седьмой строфе Пастернак впервые после описания входа в Иерусалим вводит конкретную деталь:

Припомнился скат величавый
В пустыне, и та крутизна,
С которой всемирной державой
Его соблазнял сатана.

Искуситель хочет вызвать Христа на то, чтобы Он прибегнул к Своей сверхъестественной силе для служения чисто человеческим целям, таким, как утоление голода, приобретение славы, удовлетворение честолюбия (Матфей 4: 1 – 10). Однако в этой строфе Пастернак актуализирует только одно из искушений: искушение «всемирной державой».

В восьмой и девятой строфах перечислены чудеса, совершенные Иисусом на свадьбе в канне Галилейской, на водах Генисаретского озера и при воскрешении Лазаря. Однако наше внимание здесь сразу привлекает христианский символ свечи, играющий важную роль в контексте всего романа «Доктор Живаго». «Дурные дни» завершаются следующими строками:

И сборище бедных в лачуге,
И спуск со свечою в подвал,
Где вдруг она гасла в испуге,
Когда воскрешенный вставал...

Свеча гаснет не от дыхания человека или дуновения ветра, а в испуге, когда Лазарь «восстает из мертвых». Значит, со свечой происходит то же, что и с бесплодной смоковницей из стихотворения «Чудо», — она гаснет из-за «безверия» в жизнедающую силу Христа.

«Горящая свеча» — один из центральных христианских символов. Смысл этого выражения раскрывается в Нагорной проповеди. Христос говорит: «Вы свет мира. Не может укрыться город, стоящий наверху горы. И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике и светит всем в доме. Тоже да будет свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего небесного» (Матфей 5: 14 - 16).

В комментариях к роману указано, что «Свеча горела» было еще одним предполагаемым названием романа «Доктор Живаго». Но используя традиционную интерпретацию христианского символического образа, Пастернак и здесь находит возможность продемонстрировать свое понимание Христа — активного, деятельного, борющегося со смертью. Конечно, ситуация богооставленности доводится до предела и разрешается в стихотворении «Гефсиманский сад», но в «Дурных днях» обращает на себя внимание сцена «спуска со свечою в подвал» Христа, которой нет в Новом Завете. По Иоанну, Христос не входил в пещеру, где находилось тело Лазаря: «Итак, отняли камень от пещеры, где лежал умерший. Иисус же... воззвал громким голосом: Лазарь! Иди вон. И вышел умерший...» (Иоанн 11: 41 – 44).

Зато в православном богословии весьма важным является мотив сошествия Христа в ад, и в архиве Пастернака есть выписка из литургического текста, показывающая возможный ход мысли поэта: «Снизшел еси в преисподняя земли и сокрушил еси верей вечныя...»¹.

Поэтому «спуск в подвал» в последней строфе «Дурных дней» может быть понят не только как конкретное деяние Христа, воскрешающего Лазаря, но и как символ сошествия Христа в ад, которым Он освобождает людей от вечной власти смерти и ада. Пастернаку особенно близка христианская идея о том, что смерть теперь, после Воскрешения Христова, имеет над нами лишь временную силу. В стихотворении «Дурные дни» Пастернак говорит, что ад может нас поглотить лишь по нашей собственной глупости, а также по злобе и жестокости «темных сил»: «фарисеев» и «подонков из толпы».

Примечания

¹ Святая и Великая неделя Пасхи, канон, глас 6.

РУССКИЕ ВСТРЕЧИ НА АФОНЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА

Святая Гора Афон находится под особенным покровительством Пресвятой Богородицы. Церковное предание повествует, что Божия Матерь, приняв Благодать Святого Духа, готовилась по жребию отправиться в Иверскую землю, но получила известие от Архангела Гавриила, что труд апостольства ей предстоит совершить в другой стране. Корабль, на котором Божия Матерь с апостолами направлялась на остров Кипр к епископу Лазарю, попал в бурю и причалил к Афону. Народ языческий принял Божию Матерь, слушал Ее проповедь и крестился. С тех пор Афон вступил в эру христианской истории: появились монастыри, расцвело иночество.

Святая Гора Афон была во все времена училищем православного подвижничества. Основателем монашества на Святой Руси явился преподобный Антоний Печерский, который по воле Божией был послан на Русь игуменом одного из афонских монастырей. Сейчас на Афоне «17 греческих монастырей, 3 славянских, 12 скиотов и до 6000 отшельнических келий»¹.

Традиция описания Святой Горы двухвековая. Одно из наиболее известных сочинений, изданное в 1850 г. в Санкт-Петербурге, - «Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской» иеросхимонаха Сергия (Веснина).

Философ К.Н. Леонтьев четыре раза побывал на Афоне и посвятил следующие статьи и мемуарные очерки Святой Горе: «Четыре письма с Афона 1872 года» (1912), «Панславизм на Афоне» (1873), «Пасха на Афонской Горе» (1882), «Воспоминания об архимандрите Макарии, игумене русского монастыря св. Пантелеимона на Горе Афонской» (1889), «Мое обращение и жизнь на Святой Афонской Горе» (1900). В XX в. свои впечатления от паломничества на Афон с замечательной художественной силой отобразил в книгах «Иверская Богоматерь» (Белград, 1932), «Афонские рассказы» (Париж, 1950) прозаик В.А. Маевский.

Б.К. Зайцев считал паломничество на Святую Гору Афон в мае 1927 г. важнейшим событием в своей жизни. На путешествие Б. Зай-

цева вдохновил князь Д.А. Шаховской, который пробыл на Афоне два месяца по благословению епископа Вениамина (Федченкова) и 5 сентября 1926 г. принял монашеский постриг с именем Иоанн: «С Афона я уехал в новую жизнь в новой одежде»². Свой жизненный путь известный писатель, богослов Иоанн Шаховской завершил в сане архиепископа Сан-Францисского.

Итогом поездки Б.К. Зайцева стала книга «Афон», главы которой печатались в газете «Последние новости» с 16 июня по 2 октября 1927 г. и в газете «Возрождение» с 11 октября по 11 декабря 1927 г. Первое издание увидело свет в Париже в 1928 г. с посвящением митрополиту Евлогию (Георгиевскому).

В путевом очерке Б. Зайцев творчески развивает традиции жанра хождения, сложившегося в древнерусской литературе. Игумен Даниил - автор знаменитого хождения, совершенного в Иерусалим в 1106 - 1108 гг., во вступлении просит прощения у читателей за «художество и грубость» и для всех будущих паломников дает наставление: «Кто путешествовал со страхом Божиим и смирением, тот не погрешит никогда против милости Бога»³. Следуя завету своего далекого предшественника, Б. Зайцев в предисловии характеризует свое сочинение как «небольшую книжку», в которой он «пытается дать ощущение Афона» (выделено мной. - М.Т.), как он его «видел, слышал, вдыхал»⁴. Он сознает, что «тема огромна» и «ученого, философского или богословского» (с. 76) в его писании нет. Но по духовному закону сила Божия в немощи совершается, и трезвая оценка своих способностей не исключает в самом тексте глубокого, проникновенного постижения жизни этого уединенного острова молитвы.

По наблюдению автора, «в монастыре происходит наибольший расцвет лучших человеческих свойств» (с. 94). Действительно, даже краткое (17 дней) пребывание Зайцева в стране Христа, где при встрече произносят слова пасхального приветствия: «Христос Воскресе!» - «Воистину Воскресе!», одухотворяет, возвышает процесс творчества. В душе паломника незримо и гармонично соединяются «право-

славный человек и русский художник». Важно подчеркнуть, что уже в Древней Руси «при посещении одних и тех же мест, при описании одних и тех же святынь писатели-путешественники не повторяли друг друга. В каждом хождении проглядывает индивидуальный нравственный облик писателя, сказывается степень его литературной одаренности и глубины мысли»⁵. Именно на уровне содержания и стиля были заложены динамические перспективы данного жанра.

В древнерусской литературе жанр хождения занимает пограничное положение между церковными и светскими жанрами. Паломник описывал святыни, а также быт и нравы других народов.

Художественное сознание Б. Зайцева открыто «чужой» культуре Италии (образ Данте, цитаты из «Божественной комедии») и Греции, имеющей три временных пласта: дохристианскую Элладу, золотой ковчег древностей и святынь Византии и современное монашество (Лавра св. Афанасия, Пантократор, Ватопед, Иверский монастырь).

В греческих монастырях автор испытывает радость образованного человека: осматривает фрески в соборах, библиотеки, прикладывает к мощам святых. Ключевыми словами в описании являются: древний, старинный, вековой, тысячелетний. Взгляд автора направлен в историческое прошлое: «...весь собор таков, что излучает *старинные*, ладанно-сладковатые запахи. Когда после службы мы прикладывались в алтаре к бесчисленным святыням, это загадочное благоухание мощей, кипарисов, *вековых* ларцов – всюду сопровождало нас» (с. 139); «...Святые, *века*, императоры, ювелиры, художники – все как будто колеблется и течет» (с. 139).

В первой главе автор дает контрастное описание двух встреч с греческим и русским Афоном. На официальном приеме в Карее – административном центре Афона – состоялась важная церемония получения нового паспорта с прекрасной печатью – Девой Марией с Младенцем.

Торжественная ритуальность заседания «думы монашеской республики» (с. 81) противопоставлена веселой и непринужденной встрече на пристани, где русский монах «нашего калужского вида» (с. 78) о. Петр задает вопрос герою – своеобразный пропуск в новый мир – «Ваше святое имя?» (с. 78).

В русском монастыре св. великомученика Пантелеимона героя называют не паломником, а «поклонником». В этом подчеркивается молитвенное общение с Богом и святыми, благо-

говейное преклонение. Для автора поклонение святым местам неотделимо от церковной жизни, поэтому он подробно останавливается на изображении продолжительных ночных богослужений, размышляет о значении монастырского ритма, передает свои переживания на особенно трогательной службе – акафисте Пресвятой Деве, во время чтения которого образ Богородицы, написанной на тонком, «золотеющем платке», тихо и медленно спускается, все ниже и ниже, развевая легкую ткань своего омофора. Богоматерь «с честным своим омофором», в облике «полувоздушном, златисто-облегченном сама является среди своих верных» (с. 103).

Автор не рассказывает о говении и причастии, о советах о. Кирика – духовника обители, в сокровенной глубине сердца он бережно сохраняет полученную благодать.

Духовная настроенность писателя-эмигранта, беседы с иноками, чтение Афонского патерика становятся основой дружеских отношений: душевная связь установилась с архимандритом о. Кириком, библиотекарем иеромонахом Иосифом, о. Пинуфрием. Многозначительна деталь, что сам о. Кирик после Литургии совершает напутственный молебен и провожает героя на пристань, а рассказчик испытывает к нему сыновнее чувство.

В русском монастыре, скитах, кельях автор видит прежде всего продолжателей духовного подвига отцов-пустынников: «Всматриваюсь – может, среди сосен и различишь каливку современного Антония»* (с. 137).

В окрестностях Новой Фиваиды на Святой Горе автор посещает кельи подвижников XX в.: о. Нила, который весь год питается фигами и камарней (куст с мохнатыми ягодами), читает Псалтирь и кладет по тысяче поклонов в день. Казалось бы, мелкая художественная деталь – камарня, которой питается о. Нил, но в главе «Святые Афона» Зайцев повествует о святом Петре Афонском – «первом в длинном ряду пустынников и созерцателей Афона», «воплотителе типа молчальников» (с. 125), обычной пищей которого были «коренья и пустынное зелье», т.е. русские исихасты спустя 12 веков живут так, как и святой Петр.

Влияние Афона как училища православного подвижничества достигает и пределов нашей Северной Фиваиды. Преподобный Нил Сорский изучил на Афоне правила безмолвной

* Преп. Антоний Печерский – основатель русского монашества.

молитвы и духовного трезвения и стал основателем скитского пустынножительства; на Святой Горе подвизались преподобный Сергей Нуромский и преподобный Иннокентий Комельский.

По мнению исследователя А.М. Любомудрова, кульминацией в очерке Б. Зайцева становится описание встречи с русским отшельником, имя которого в тексте не называется, но из его биографии сообщаются такие примечательные факты: он – «одно из известнейших лиц Афона, человек образованный, бывший инспектор Духовной Семинарии, "смирившийся", как про него говорят афонцы, ушедший в одинокое подвижничество по примеру древних» (с. 108).

Из личного письма Б. Зайцева известно имя отшельника – о. Феодосий, а также то, что встреча состоялась в день причащения Б. Зайцева – 17 мая 1927 г.⁶

Отечественным читателям благодаря интенсивной переводческой деятельности сейчас доступны труды и поучения афонских подвижников XX в., и мы можем подробнее узнать о старце Феодосии. Жизнеописание, воспоминания современников и духовный дневник старца Феодосия Карульского помещены в журнале «Русский паломник»⁷ (издается с 1885 г. Валаамским обществом Америки) в разделе «Афонский патерик».

Будущий старец Феодосий (в миру Василий Васильевич Харитонов) родился в 1869 г. в Саратовской губернии, где закончил Духовное училище. Обучение он продолжил в Вологодской семинарии, а в 1894 г. получил степень магистра богословия в Казанской Духовной Академии. Монашеский постриг он принял с именем Феофан по уважению к святителю Феофану Затворнику и в честь его святого, преподобного Феофана Сигрианского. Старец состоял в личной переписке со святителем Феофаном и написал диссертацию на тему «Обозрение Сочинений Епископа Феофана, Вышенского Затворника».

В 1896 - 1901 гг. о. Феофан (Харитонов) был инспектором в Вологодской семинарии и духовным другом своего современника – святого о. Александра Баданина.

В книге архиепископа Никона (Рождественского) «Молитвенник к Богу усердный» содержится краткая, но емкая характеристика внутреннего устройства будущего афонского пустытника: «о. Феофан был истинным монахом, при исполнении многосложных инспекторских обязанностей ежедневно служил Литургию»⁸. 9 марта 1901 г. ради высших подвигов он уходит на Афон. С 1913 г. и до конца

жизни (до 1937 г.) старец находился в недоступном скалистом местечке Карули, где и состоялась важная для Б. Зайцева беседа. Герой-рассказчик не является активным участником разговора, он свидетель общения старца с туристом-иностранцем. Диалог построен и оформлен по законам драматургии с репликами и ремарками. Это высшая точка непонимания двух миров – полюс земных ценностей (комфорта, прибыли, пропаганды) и небесных сокровищ (молитвы, простоты, бедности). Духовная мудрость оказалась сокрытой от туриста, по она постигается рассказчиком. Он услышал ответ на волнующий вопрос о значении революции в истории России: «Мученичество России – знак большой к ней милости, так как раньше настоящего мученичества за веру у нас не было, если не считать единичных случаев. А теперь впервые дан крест исповедничества» (с. 110).

Внутреннее умиление вызывает у рассказчика простое созерцание пустытника, и на свой безмолвный вопрос он получает прозорливый ответ. Путешествие по скитам продолжает паломник (турист-иностранец возвращается), и в его «душе все Нилы, Игнатии, Илии, Николаи, Синесии, Тимофеи – весь скромный и светлый полк Фиваидский» (с. 139).

Герой покидает Афон, но связь со Святой Горой не прерывается. Находясь на корабле, он по-прежнему включен в ритм монастырской жизни: «Верно, у нас, у святого Пантелеимона идет уже утренняя...» (с. 146). Минуты прощания с Афоном согреты даром молитвы, который обильно источает святой остров.

Примечания

¹ Малето С.И. Средневековая Русь и Афон: веки историко-культурного взаимодействия // Православный паломник. – 2006. – № 3. – С. 28.

² Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Избранное: Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. – М., 1999. – С. 68.

³ Книга хождений. Записки русских путешественников XI – XV вв. / Сост., подготовка текста, перевод, вступ. статья и комментарий Н.И. Прокофьева. – М., 1984. – С. 204.

⁴ Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 7 (доп.): Святая Русь: Избранная духовная проза. Книжки странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. – М., 2000. – С. 76. Далее ссылки даются на это издание с указанием страниц в тексте.

⁵ Книга хождений. Записки русских путешественников XI – XV вв. / Сост., подготовка текста, перевод, вступ. статья и комментарий Н.И. Прокофьева. – М., 1984. – С. 12.

⁶ Цит. по: Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. – СПб., 2003. – С. 79.

⁷ Схимонах Никодим, Старец Феодосий Карульский Святогорец // Русский паломник. - 2001. - № 23.

⁸ Архиепископ Никон (Рождественский). Молитвенник к Богу усердный. (Воспоминания о св. прав. Александре Баданине, священнике г. Вологды). – СПб., 2006. – С. 35.

УДК 82.09

Т.А. Пономарева

Череповецкий государственный университет

«ПОВЕСТЬ ОБ ОДНОЙ ДЕРЕВНЕ» В. БЕЛОВА В ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ПИСАТЕЛЯ

«Повесть об одной деревне» создавалась в основном в 1995 - 1996 гг. Некоторые её главы публиковались как самостоятельные рассказы (первым был напечатан рассказ «Коч» еще в 1976 г. в сборнике «Утром в субботу»). «Медовый месяц» выходил отдельным изданием с авторским обозначением жанра как повести¹. В книгу «Пропавшие без вести: Рассказы и повесть» (Вологда, 1997) также вошла повесть (курсив мой. - Т.П.) «Медовый месяц» с подзаголовком «Повесть об одной деревне». Начиная с 2000-го года, подзаголовок становится заглавием, а название «Медовый месяц» - подзаголовком². В газетных и журнальных аннотациях жанр нового произведения В. Белова характеризуется то как повесть, то как цикл рассказов³.

Различное понимание жанра обусловлено, во-первых, творческой историей повести, которая сложилась на основе рассказов, во-вторых, авторским осмыслением повести как «повествования» (стоит вспомнить «Плотницкие рассказы», жанровые особенности которых и определенная ориентация на сказовую форму позволяют характеризовать их как повесть, несмотря на авторское указание на жанр в заглавии). «Повествование» об одной деревне свидетельствует об эпической полноте изображенных событий, а единственное число (*одна деревня*) воспринимается в соотношении с другими – одна из многих.

В творческом наследии В. Белова, наряду с «повествованием в рассказах», существует тенденция к объединению «малой» прозы в циклы - «Рассказы о всякой живности», «зоринский» цикл рассказов, объединенных общим персонажем Костей Зориним и перипетиями его судьбы, а также общей темой семьи - «Воспитание по доктору Споку», «Свидания по утрам», «Чок-получок», «Дневник

нарколога», «Моя жизнь». Кроме того, Костя Зорин является повествователем в «Плотницких рассказах».

Рассказы о жизни Кости в городе были написаны позже, чем «Плотницкие рассказы», но «городской» сюжет связан с событиями, которые послужили возвращению героя на родину, к его «плотницкому» бытию. Такая обратная хронология может быть объяснена тем, что идея циклической целостности возникла в процессе осмысления писателем семейного разлада, судьбы «маргинального» героя и его возвращения на родину. «Зоринские» рассказы, созданные в 1970-е гг., входили в разные сборники В. Белова и не имели общего циклического заглавия. Но в 1978 г. выходит сборник «Воспитание по доктору Споку», посвященный «мысли семейной». После этого «зоринские» и «Плотницкие рассказы» могли быть опубликованы и отдельно⁴, и в их совокупности, но без общего заглавия⁵, и объединенными общим заглавием как циклообразующим элементом⁶.

Циклы «малой» прозы возникают чаще всего на стыке двух исторических эпох, поэтому в центре внимания автора находятся происходящие в обществе изменения, сюжет становится моделью ситуации, в которую вовлечены герои. Тенденция к философскому, символическому изображению проявляется в том, что акцент делается не на само событие, а на описание нравов, народной среды. Цикл ставит конкретную проблему (в случае с В. Беловым – трагическую смену типа культуры), а каждый рассказ представляет читателю тот или иной аспект проблемы. Это позволяет определить цикл как «функциональное единство сюжетных вариантов темы»⁷.

Жанр рассказа в творчестве В. Белова рождается на стыке двух противоположных тен-

денций – воссоздания бытовой конкретики жизни и масштабности обобщений. Циклизация усилила концептуальность видения мира, создала обобщенную картину русской жизни на переломе двух цивилизаций и двух типов культур – крестьянской, традиционной, еще сохраняющейся в колхозно-советской деревне, и новой, технократической, связанной с западно-либеральными ценностями. Постсоветская эпоха, по мнению писателя, окончательно «добила» русскую деревню.

Активизация «малых» эпических жанров в девяностые годы, многообразие ракурсов в трактовке действительности – от социально-конкретного до философско-мифологического, от трагического до абсурдного – обусловлена пестротой первых постсоветских лет, отсутствием дистанции времени. «Малая» проза В. Белова, как и цикл «Рассказы про Сеню Позднякова» В. Распутина, создала образ разорванного мира, в котором маячется человеческая душа, тщетно пытаясь понять, что происходит с людьми, ужасаясь неведомой ранее недоброй силе, то падая в черную пропасть, то воскресая.

«Повесть об одной деревне» представляет собой воплощение одной из ключевых тенденций в творчестве В. Белова – создания концепции действительности и человека через объединение самостоятельных произведений в «большую целостность»: рассказов – в циклы, «повествование», повесть. В русле этой тенденции продолжалась работа над романом «Кануны», который стал частью трилогии с символическим названием «Час шестый».

«Повесть об одной деревне» В. Белова является итогом «малой» прозы писателя 1960 – 1990-х гг. В рассказах 1960 – 1980-х гг. раскрывается противоречивый мир современной деревни. В ней еще сохраняются традиции крестьянской общинности, трудовая основа характера, сопричастность природному бытию, жива любовь к ближнему, а в глубине души и христианская вера. Но уже исчезают Каравайки, пустеют Бердяйки, не находят счастья в городе вчерашние сельские жители, меняется нравственная атмосфера в умирающих деревнях, не находят общего языка «отцы» и «дети». В прозе девяностых годов деревня переживает «последние времена».

В сюжете «Повести об одной деревне» выявляются трагические перемены в облике деревни, что подчеркнуто композицией. Первая и последняя главы, раскрывающие драматические и трагические эпизоды из жизни героев – одинокая старость Коча, военное лихолетье и

работа «на окопах» молодых девчонок, – образуют композиционное кольцо. В них раскрывается чистота нравов, детское простодушие и неиспорченность юности («Медовый месяц»), сочувствие и готовность прийти на помощь («Коч»).

Действие рассказа «Коч» относится к семидесятым годам. Но «отшумела жизнь, как трава на ветру», не только поколения фронтовиков – ровесников Коча, но и самой деревни. Старик считает, что все в колхозе «пошло прахом» с войны. Сам писатель в очерках и интервью неоднократно говорил, что деревня, с большим трудом оправившись от трагедии коллективизации, к концу тридцатых окрепла. «Жили не хуже людей», – вспомнит Коч. В унисон ему звучат слова Марьи: «Тогда уж двенадцатый год был народ при колхозах. Вроде бы стали привыкать, куда денешься, жить надо. <...> кулачить начальству поднапостылило. В лавке и сахар, и соль, и ситцу тоже приваживали. Земля еще родила обильно и справно <...> Нет, тогда еще не был конец свету»⁸.

В рассказе «Коч» автор указывает в первую очередь на приметы духовной надломленности в деревне семидесятых. Не политика властей, а собственная безалаберность виновата в том, что молодой еще механизатор Валентин живет «со своей обширной семьей в старой тесной избенке», латая крышу «кой-каким барахлом, где доска, где обрывок толи» (с. 129). Меткое прозвище пан Зюзя он заслужил тем, что был почти ежедневно пьян и у него много раз отбирали трактор. И все-таки в зачине повести доминируют не трагические и драматические ноты, а светлая печаль о прошумевшей жизни, перемежаемая мыслью о вечном круговороте (история второй женитьбы Коча), мягкой иронией в эпизоде поисков Коча.

Деревня еще полна жизни, о чем свидетельствуют детали повествования: магазин, почта, больница, телефон. Нет тех запретов на личный сенокос, которые сломали жизнь Ивану Африкановичу из «Привычного дела». Более того, механизаторам сено начисляют бесплатно, а остальным «полагалось пятнадцать процентов от накошенного в колхоз» (с. 55). Колхозники получают государственную пенсию: у Евдоши, которая второй год на пенсии, «денег куры не клюют» (с. 58), Коч упоминает, что у него «есть и сберегательная» (с. 59). Когда односельчане решили, что он заблудился, искать его сразу собралось «больше двадцати человек», а кто-то даже предложил вызвать вертолет из областного центра.

Главы внутри «светлого» композиционного кольца раскрывают сегодняшний «наоборотный», перевернутый мир: «В природе все перепуталось, извечные приметы обманывали и не совпадали с давно выверенными предсказаниями. Впрочем, и предсказания метеорологов, передаваемые по телевизору, тоже иной раз обманывали не меньше» (с. 55). Старому миру пришел конец. «Запчастей на складе полно, да не по карману. Горючее тоже не укупишь. А пахать-то как без техники? <...> Деревне каюк пришел <...> Ферме вашей каюк», - горестно рассуждает ветеринар Туляков (с. 179, 189).

Тема умирания деревни («крестьянского космоса») раскрывается через ряд взаимообусловленных мотивов, восходящих к Апокалипсису. Наличие эсхатологических образов и мотивов обычно связывают с мифомышлением². Но идея конца света - «последних времен» - и прихода Лжемессии-Антихриста (гибели человека и мира), спасения, чаяния «нового неба» и «новой земли», соотносимая в литературе с мифопоэтикой, является прерогативой не только и не столько мифологического сознания, но прежде всего христианского отношения к миру. Метафоры и символы соединяют временное и вечное, реалистическое и мифологическое, социальный и природный мир. Сочетание писателем конкретного бытового материала с его мифопоэтическим обобщением рождает новую художественную целостность.

Эсхатологический ряд в повести представлен мотивом больного («лейкозного») мира, связанного с мотивом крови, вина (опьянения как болезни души), мотивами «последних времен», «наоборотного» мира, мотивом надежды.

В «Повести об одной деревне» символом больного мира становится лейкоз. Коровы в деревне болеют лейкозом, лечение которого, как гласит эпиграф к главе «Лейкоз», взятый из Большой советской энциклопедии, «считается нерациональным». Лейкоз становится символом смертельно больной страны, в которой у власти «хотинье есть, да владинья-то нет», а лидеры оппозиции «тоже оба лейкозные» (с. 179). Местные начальники «иные в очках, у других глаза обморожены» (с. 180). На ферме из доярок осталась одна Геля. Приезжие, «чеченцы», оказались русскими беженцами, бросившими детей в Краснодаре («у родственников»), не умеющими доить коров, чуждыми деревне: «сухая бабенка, крашенная, в городских сапогах, в синих джинсовых штанишках», «во рту сигаретина» (с. 103 - 104), ее

угрюмый напарник, живущие в колхозном клубе и в конце концов сбежавшие неизвестно куда. В «наоборотном» мире ветеринар Туляков лечит больные ноги старух мазью для коров, а его роль коровьевого лекаря заключается лишь в том, чтобы спилить вросший рог животного. Символично, что в финале «Повести...» колхозное стадо уничтожено из-за болезни, то ли реальной, то ли выдуманной под предлогом уничтожения фермы, а корова Смирновых, с семьей которых связан мотив надежды, оказывается здоровой.

«Лейкозному» миру не поможет кровь доноров-колхозников - людей, либо больных физически, либо с больной душой. Эпизод сдачи крови переходит в мотив безвинно пролитой крови и смерти. Больной мир «Повести об одной деревне» отмечен многими утратами: отца на войне убили, мужа Гели задавило трактором, убит в Чечне ее сын Валерик, сбросили с поезда Валентина, умирает старик Лещев, умрет ферма, умирает сама деревня, в которой от сорока домов осталось полдюжины, а в финале повести всего четыре дома, «на всю деревню мужского полу остался один Коч (с. 184), которому далеко за восемьдесят. Естественной смерти старика Лещева, старухи Смирновой, жены Коча, автор противопоставляет, с одной стороны, смерть Валерика, пролившего кровь в Чечне и оказавшегося «со всем Кавказом в кровном родстве» (с. 96), а с другой - пьяную смерть мужа Гели, задавленного теми же пьяницами, хождение по краю Валентина с символической кличкой пан Зюзя, за одно только лето «прославившегося» дважды: чуть не задавил человека, едва не утопил трактор. Смерть становится символом трагизма русской жизни XX в. (не случайно Геля вспоминает, что ее бабушка и мать тоже вдовы) и вместе с тем знаком смертельной болезни и вины народа.

Картины привычного «черного» пьянства нарисованы Беловым с беспощадным реализмом: пьянка на похоронах, пьянка после сдачи крови и т.д.: «Пьяницы свою же кровь пропиивают, и хоть бы им что. Господи, куда уж дальше-то? А кто сына-то пропиил? <...> Пьяницы, все на свете пропили! Сами себя пропили», - плачет Геля (с. 96).

Мотив вина соотносится с темой разрушения и обесмысливания общей жизни в результате абсурдной политики государства. В разговорах ветеринара Тулякова вновь возникает образ «наоборотного» мира, существующего уже давно. Тост Тулякова за шестидесятилетний юбилей колхозной фермы, которая славилась своими рекордными удоями, станет

«отходной» колхозу: «Товарищ Сталин выписал паспорта всем коровам (в паспорт вписывали родословную животного. – Т. П.). У каждой лошади, у каждой коровы был паспорт, на колхозников у него не хватило бланков. <...> Впоследствии, при Хрущеве што ли? Все наоборот! Коровьи паспорта отменили, а всем бабам и девкам вручили. Чуть не силой. Мужиков к тому времени мало осталось. <...> Потом, значит, объявили деревню неперспективной <...> Каюк приходит всему колхозу» (с. 178). «Каюк» – синоним неестественного, «насильственного», «дурного» конца – является лейтмотивным образом в повести В. Белова.

Особенность «малой» прозы В. Белова и В. Распутина 1990-х гг. заключается в сочетании яркой изобразительности, запоминающихся характеров, драматических и вместе с тем обыденных сюжетных коллизий с публицистичностью, которая проявляется в первую очередь не в авторском слове (авторские оценки сведены до минимума), а в многочисленных и достаточно лаконичных диалогах и монологах персонажей – Марья, Коча, Валентина, Тулякова. Не зная философской терминологии, герои размышляют об общем неустройстве и абсурде жизни. Горючее и запчасты «не укупишь», на пенсию скоро и хлеба не купишь, на базаре здоровенные парни торгуют цветами, книга – источник знаний – превратилась в похабщину, «в телевизорах-то совсем голые», «кричат, как поросята, будто их режут», «поют неведомо што», «и везде бутылки, бутылки, во всех ларьках», уже давно идет война, «по своим из танков палят». «А то вот еще начали деньги считать везде! Вкруговую – одне деньги, одне деньги... Считают да друг дружку оманывают, а то и грабят. Либо в лото играют, будто и дела другого нету. Совсем угорели сердечные из-за денег-то. Не видят и белого свету...», – горестно думает старуха Марья, умоляя: «Господи, прости их грешных, вразуми и наставь!» (с. 183).

Спивающийся и теряющий человеческий облик (и работу тоже. – Т. П.) Туляков горько констатирует: «У коров лейкоз, а у людей спид. Ясно? В цивилизованном обществе все должно быть заразным. <...> Либо СПИД, либо СТЫД» (с. 181).

Мотив больного мира переходит в мотив «последних времен», наступление которых чувствуют те, кто верит в Апокалипсис, – деревенские старухи: «Господи, што будет-то с нами! Истинно близко миру конец, заматерела бесовская власть, растеклась по грешной земле во все стороны, и конца ей не видно. Везде бесы лукавые <...>, а мы им прислуживаем.

Будто не знаем, што грядет Господь-вседержитель», – размышляет безгрешная старуха Марья (с. 183). В начале главы «Медовый месяц» приводится краткий диалог двух женщин:

- Маня, конец свету!» - убеждала Киюшка, Кочева старуха. - Истинно!

- Неужели погибнем?

- Мы-то свое, может, и доживем, а им, деткам-то, и водички чистой, может, не останется! Ежели иконы воруют да могилы раскапывают, дак простит ли Господь? (с. 128). Само слово «истинно» отсылает нас к словам Христа: «Истинно говорю вам». Неотвратимость Божьего суда подтверждается самим Христом. Диалог служит контрастом воспоминаниям о первом месяце войны, в которых, несмотря на трагизм времени, воссоздается образ «правильного» крестьянского мира.

В сюжетной линии, связанной с образом Валентина, появляется мотив искупления вины. С помощью ярких штрихов-деталей Белов рисует его портрет. Пьяный почти ежедневно, пан Зюзя привык к своему образу жизни. Он почти не чувствует вины за смерть мужа Гели, с которым вместе пили, ему не стыдно ходить по соседям просить на опохмелку, постоянно давать слово жене и себе бросить пить. Его не испугала даже обнаружившаяся язва. И лишь когда стали постоянно уже мерещиться крысы, Валентин решает закодироваться. Страх, а не раскаяние приводят его к наркологу. Но последний трезвый день его жизни (глава «Микола Милостливый») разбудил совесть. Увидев в магазине знакомую икону Николая Чудотворца, которую осенью положили в гроб Гелькиной бабушке, он испытывает ужас. Белов обращает внимание на состояние Валентина, прибегая к повторам: «Его бросило в пот», «весь сперва напрягся, потом ослаб», «нервная дрожь», «опять начало трясти», «его опять начинало трясти». Столкнувшись с чудовищным мародерством, он не верит себе: «Либо весь мир чокнулся, либо он, Валька, начал сходить с ума» (с. 123). Полубольной от постоянного пьянства, Валентин оказывается нравственно здоровее трезвых мародеров и перекупщиков, граница между добром и злом сохраняется в сознании далеко не идеального героя. Он платит жизнью за свою попытку узнать, каким образом икона попала в магазин. «Последняя четкая веха на жизненном пути тракториста» не случайно связана с образом иконы Микола Милостливого, мужичьего заступника.

Размышляя об ответственности народа за современное состояние нравственности, моло-

дая поэтесса М. Струкова, подчеркивая в своих стихах сильное начало, «волю нации – волю Бога», пишет о вине «никчемных мятущихся людей на разных стадиях их падения, ищущих утешения во хмелю»¹⁰. В их бедах государственная система виновна лишь отчасти, многие деградируют по собственной душевной слабости, из-за отсутствия забытого чувства Долга перед Родиной и перед своим родом. Этот Долг, по мнению М. Струковой, сохраняется в русской деревне: «...алкоголизм городской отличается от деревенского тем, что пьяница-горожанин – бездельник, побирающийся или живущий в долг. А деревенский любитель сорокаградусной – всегда хозяин, с домом, скотиной в хлеву, огородом, где он сажает или убирает картошку. <...> Да и пьянство его сезонное, когда поля не требуют обработки. <...> Мужик чувствует, что он нужен этому полю, огороду своему, и он без них пропадет, это держит непутевого в более-менее сознательном состоянии. Он – самостоятелен»¹¹. Судьба героев В. Белова подтверждает эти утверждения М. Струковой. Спиваться беловские мужики начинают, когда пустеют пашни, закрываются фермы, приходит «каюк» колхозу, рушится смысл общей жизни. Но и в этих условиях сохраняется забота о семье, о соседях, о деревне. Валентин и «под газом» постоянно говорил о своей мечте доучить детей, «чтобы оне на людей выучились, чтобы не разъезжали на них верхом ельцыны со всякими шаварнадами» (с. 115). И в последний свой день он покупает яблоки на последние деньги, выбирает книги по домоводству.

Как и В. Распутин, В. Белов в «поздней» прозе сохраняет надежду на нравственное выздоровление народа. Пока живут такие, как Марья, ее дочь Ангелина, внук Антон, юная Маришка, дочь сброшенного с поезда Валентина, жив русский мир. Образ Маришки, да и сам образ молодости играет важную роль в последних главах «Повести об одной деревне». «Медовый месяц» назван по воспоминанию старух Киюшки и Марьи о лете сорок первого года, когда во время медового месяца новобранную отправляют на окопные работы, а молодого мужа забирают на фронт. Чистота нравов, целомудрие молодости того поколения, культура праздников с частушками противопоставлены бесстыдству современности, поведению девиц «из телевизора», которые «закидывают ноги выше ушей» (с. 130). Трогательные, щемящие душу детали – плач от стыда девушек, что их, купающихся, видел немецкий летчик, – это и плач автора по утраченному доверчивому миру-раю.

С главой «Медовый месяц» связан мотив христианской веры, которая сохранилась и в атеистические времена. Поведение девушек является воплощением христианской нравственности, связанной с любовью к ближнему, стыдом, чувством греха, благодарности. Деревня кануна войны сохранила верность и православному календарю: «В сорок первом, в Заговенье на Петров пост вышел веселый праздник» (с. 129); «На Тихвинскую гуляли уже не так весело» (с. 129); «Как раньше пела в Троицу и плясала в Иванов день под гармонь, так и теперь отгуляли Тихвинскую» (с. 129); «Киюшка ухитрилась выйти замуж в Петровский пост» (с. 129). Крестное знамение, благословение в дорогу «со Христом» воспринимаются даже молодыми как обыденные. В эпизоде, когда девушки вынуждены будут просить милостыню «ради Христа», хозяйка дома, куда зашла Маруся, не просто дает хлеб, а учит маленькую дочь, как надо подавать «милостинку». В трудную минуту героини вспоминают слова молитв, подзабытые с детства, но хранимые в памяти. Крест как символ христианства и жертвы Христа противопоставлен черному кресту на желтом брюхе фашистского самолета. А летчик уподобляется «сотоне», «рогатуму бесу».

Старухи прожили долгую и трудную жизнь «со Христом». Икона Николая Чудотворца, Миколы Милостливого – семейная реликвия Смирновых, ее Марья положит в гроб матери. Уезжающего в город Валентина она просит поставить в церкви свечу Миколе. Глава «Медовый месяц» не завершает книгу, в следующей главе «Лейкоз» раскрывается символика больного мира. Последняя глава возвращает нас к современности. Название главы «Ссора» носит иронический характер. Киюшка и Марья разошлись в оценке предполагаемого жениха Маришки, чей образ является воплощением авторской надежды. Учеба в городе не исказила характер девушки, у которой «в руках все будто горит» и которая собирается вернуться в деревню. Ссора и вся книга закончились примирением. Нарушенная гармония восстанавливается.

Проза В. Белова и В. Распутина создает ощущение гармонии природного бытия, крестьянской цивилизации, которая отражается в слове. Соразмерность слова побеждает хаос и распад, изображенный в сюжетном повествовании, дает надежду, внушает веру в человека. Это свойство отличает классическую литературу, русский реализм, к которому относится творчество классика второй половины XX столетия – Василия Ивановича Белова.

Примечания

¹ См., например: *Белов В.И.* У котла. Лейкоз: Рассказы // Москва. - 1995. - № 3. - С. 51 - 69; *Белов В.И.* Медовый месяц [Повесть] // Медовый месяц: [Сборник]. - М., 1996; *Белов В.И.* Медовый месяц [содержание: «Повесть об одной деревне», рассказы] / Предисл. Ф. Кузнецова. - М.: Дружба народов, 2002; *Белов В.И.* Повесть об одной деревне / Предисл. Л. Широковой. - Вологда: Книжное наследие, 2003.

² См.: *Белов В.И.* Медовый месяц: Повести. - Вологда, 2000.

³ См.: Комсомольская правда. 2002. 23 мая; *Белый А.* Вышли новые книги // Завтра. 2002. 18 октября.

⁴ См.: *Белов В.И.* Повести и рассказы. - М.: Известия, 1980.

⁵ См.: *Белов В.И.* Гудят провода: Рассказы. - М.: Сов. Россия, 1978.

⁶ См.: *Белов В.И.* Рассказы и повести. - М.: Современник, 1987; *Белов В.И.* За тремя волоками: Повести, рассказы, очерки. - М.: Худ. литература, 1989.

⁷ *Левин М.* Текст, сюжет, жанр в новеллистическом цикле 1920-х годов // Материалы XXVI научной студенческой конференции. Литературоведение. - Тарту, 1971. - С. 49 - 51.

⁸ *Белов В.И.* Пропавшие без вести. Рассказы и повесть. - Вологда, 1997. - С. 129. Далее цитируется по данной книге с указанием страниц в тексте.

⁹ См.: Эсхатологические мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. - М., 1997. - С. 670 - 671.

¹⁰ *Струкова М.* Чувство долга, забытое // Наш современник. - 2007. - № 10. - С. 245, 246.

¹¹ Там же.

УДК 821.112.2(091)19

Л.И. Киселева

Череповецкий государственный университет

СТИХОТВОРЕНИЕ «О ФОНТАНАХ» Р.М. РИЛЬКЕ И АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ

*Светлой памяти моего Учителя Ирины
Константиновны Клетеник-Канунниковой*

Стихотворение «О фонтанах» (*Von den Fontänen*, 1900) Р.М. Рильке входит в «Книгу образов» (*Das Buch der Bilden*, 1902), ставшей переходной на пути его поэтического роста, связанной с поиском новых художественных средств и демонстрирующей желание поэта постичь принципы объективности бытия. Она вышла тогда, когда Рильке уже после посещения России в 1899-м и в 1900 г. духовно обогатился, познакомившись с русской культурой. Австрийский поэт рубежа XIX - XX вв. по-новому воспринял многие философско-эстетические проблемы времени. Он переосмыслил образ Бога-Творца, которого трактовал не в религиозном духе, как ранее, а в духе пантеизма. Бог у Рильке – «извечное начало, присущее всем живым процессам». Рильке в это время активно осознавал взаимодействие внутреннего (духовного) и «всеобщего» в мире.

В постижении гармонии мира Рильке всегда было свойственно познание «изначального» бытия, связанного еще с божественной силой звуков Орфея, т.е. с традицией далекого прошлого. Так, в «Сонетах к Орфею» читаем:

Облики мира, как облака,
тихо уплыли.
Все, что вершится, уводит века
в древние были¹.

Здесь Рильке отталкивается от конкретного предмета, «вещи» (*das Ding*) (так по-своему он называет объект наблюдения), олицетворяющей «облака», и переходит к ее «очертаниям и перспективе» («векам»), а далее к первооснове «вещи» («древним былям»).

Исследователи творчества Рильке уже обращали внимание на осмысление поэтом особого мира (или «вселенной») в стихотворении «О фонтанах». Прибегая к бесчисленным поэтическим формулам, поэт, как полагает, к примеру, А. Карельский, «строит в нем сознательно и целеустремленно» вселенную, «земля и небо в ней – не только знаки душевных состояний, но и пространственные координаты»². И эта вселенная «строится» у Рильке по законам «изначального» бытия. Отметим в этой связи невольную ориентацию поэта на античную традицию, позволяющую отчетливо разглядеть в его поэтической вселенной архетипические черты «космоса», уходящего в

глубь веков. Можно сказать, что «внутри» образа вселенной (фонтанов) рильковского стихотворения живет древняя модель образа космоса с традиционными составляющими: небом, землей, водой и т.д.

Лирический герой Рильке обитает в пространстве, доходящем до беспредельности космоса, который связан у него с идеей познания мира: «Вдруг я познал вас, о водометы, непостижно стеклянные деревья»³. В ней он (лирический герой) наследник античного культурного героя, внезапно открывшего суть космогонической модели мира, его перехода «от бесформенной водяной стихии к суше», выступающей в мифах «как важнейший акт, необходимый для превращения хаоса в космос»⁴. Как известно, структурная схема космоса, т.е. упорядоченного, организованного образа мироздания, пришедшего на смену хаосу, представляется образом космического дерева. И в этом смысле «водометы, непостижно стеклянные деревья» у Рильке, стремящегося к поиску нового поэтического языка, к «недово-лощенному», соединяют в себе три основных мотива: влагу, дерево, человека. Эти мотивы довыплотятся в последующих строфах.

Рассмотрим их в контексте античной традиции.

Существенен выбор мотива влаги, олицетворяющегося в образе фонтанов. Фонтаны сравниваются со слезами человека и с плачущими мирами:

Что все миры лишь сквозь плач
узнают друг друга?

Миры античности связаны с переходом от мрака к свету и с нарушением меры. Космос есть мера, ибо в нем красота и порядок, а хаос – нарушение меры, так как он характеризуется неупорядоченностью. Поэтому мирам при нарушении меры грозят разрушения, наводнения, засухи и т.д. Спасти от потопа, согласно греческой, как и ветхозаветной легенде, позволяется лишь праведнику, коими являются в древнегреческой мифологии Девкалион и его жена Пирра, в ветхозаветном предании – Ной. У Рильке, как и в античной космической модели, фонтаны представляют собой побежденные силы хаоса, которые через слезы (Tränen), страдания людей, миров вновь и вновь одолеваются богами и героями для сохранения космоса и космического порядка.

Фонтаны, как известно, «взмывают и ниспадают». Они олицетворяют сферу «верха» и «низа» и вновь «верха» и «низа», так как сила

хаоса («низа») всегда побеждается мечтой человека («верха»). Известный миф о Фэтоне, Дедале и сыне его Икаре повествует нам о том, как древние мечтали о возможности летать по воздуху. У Рильке мы читаем:

Я ль не видел безмерного величия
старых парков, вставших навстречу нежным,
полным ожидания вечерам,
или бледных песен, вставших из уст
дальних дев, и перелившихся через
край напева, и ставших явью,
словно чтобы отразиться в открытом
зеркале прудов?

«Воспарение» фонтана – это «грезы» человека. Человек Рильке, как и всегда, мечтает о красоте мира, его гармонии и облечении его в зримую форму.

Этой формой для древних стало мировое дерево. В «Сонетах к Орфею» (Die Sonette an Orpheus, 1922, оп. 1923) Рильке позднее создаст это мировое дерево. «И дерево себя перерастало» – в этих словах запечатлен гимн возвышения, роста в творчестве, в созидании. Для поэзии Орфея нет смерти. Рильке воплощает в «Сонетах к Орфею», как пишет А.Ю. Зиновьева, «эллинический идеал Гельдерлина – неотменимую античную красоту, омытую страданием, воскресает в "новой" немецкой поэзии»⁵. Древняя традиция рассматривала мировое дерево как «идеальную модель» устойчивости, прочности и возвышения мира. Кроме того, по мысли Е.М. Мелетинского, «мировое дерево – центральная фигура прежде всего "вертикальной" космической модели и в принципе связано с трихотомическим делением на небо, землю ("среднюю землю") и подземный мир»⁶. Образ дерева у Рильке продолжает эту древнюю традицию закреплённости мира и в то же время воплощает идею роста, развития, возвышения. Не случайно у поэта появляется и образ небес, олицетворяющий это возвышение человека, связь его с Богом:

Быть может, для кого-то мы сами – в небесах,
и они на нас смотрят вечерами,
и поэты их поют нас. Быть может,
к нам несутся мольбы или проклятья,
но не долетают до нас,
ближних Бога, мнимого в наших высях,
в ком их вера, в ком их потеря,
о котором их одинокий плач
и чей образ, как отблеск нищих
их лампад, мимолетным веет светом
по разрозненным нашим лицам...»^{*}

* В переводе Г. Ратгауза – «по безучастным нашим лицам» ...

Человек у Рильке без Бога, т.е. без духа, вне природы, как и человек древности, одинок, вечный страдалец, его земная судьба орошена слезами, отчаянием. Поэтому образ дерева в «Фонтанах», скрепленного тремя вечными началами (небом, землей, тартаром), - это еще и вечная связь между Землей, Небом и Человеком. Древо - полноценная жизнь. Рильке представляет два плана этой полноценности жизни - объективный и субъективный: «водометы, ладони, старые парки, зеркало прудов, вечерние небеса, закат лесов, звезда звезде, лампы, свет, лица» и «мои слезы, исполинские сны; нежные, полные ожидания вечера; тягота паденья; вечерние небеса, которые отшатнулись; все миры лишь сквозь плач узнают друг друга; к нам несутся мольбы и проклятья, но не долетают до нас, ближних Бога, мнимого в наших высях; вера; потеря; одинокий плач».

Обретая опору, «Человек, дитя Земли, как бы вновь оживает, и грезы его снова воспаряются ввысь - остановленный было фонтан приходит в движение. Подъем, взлет (Aufstieg) - ключевое слово второй строфы, вектор ее энергии»⁷. Человеческое вечное движение, познание мира и себя в этом мире - вот что такое

фонтаны Рильке, воплощенные в певучей, музыкальной, поэтической гармонии слова и звука.

Примечания

¹ Цит. по: *Зиновьева А.Ю.* Рильке и немецкая поэзия рубежа XIX - XX веков // *Зарубежная литература конца XIX - начала XX века: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. В.М. Толмачева.* - М., 2003. - С. 377.

² *Карельский А.* Райнер Мария Рильке. О фонтанах (Вглубь одного стихотворения) // *Иностранная литература.* - 1990. - № 7. - С. 187.

³ Стихотворение здесь и далее цитируется по переводу М.Л. Гаспарова, который, как отмечает А. Карельский, «сознательно жертвует такими важными элементами поэтической структуры, как метр и рифма, в целях более точной передачи смысла стихотворения». Основной корпус переводов, как и перевод М.Л. Гаспарова, см. в работе: *Карельский А.* Райнер Мария Рильке. О фонтанах (Вглубь одного стихотворения) // *Иностранная литература.* - 1990. - № 7. - С. 192 - 196.

⁴ *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. - М., 2000. - С. 206.

⁵ *Зиновьева А.Ю.* Указ. соч. - С. 392.

⁶ *Мелетинский Е.М.* Указ. соч. - С. 214.

⁷ *Карельский А.* Указ. соч. - С. 189.

УДК 821.111 (091) Коллинз У.

З.В. Антонова

Череповецкий государственный университет

ДРАМАТУРГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ У. КОЛЛИНЗА

Знаменитый английский писатель У. Коллинз (1824 - 1889) широко известен своими романами «Женщина в белом» и «Лунный камень». Его творческое наследие включает в себя сборники рассказов, путевых заметок, картины, фельетоны, статьи и много пьес.

Коллинз был тесно связан с театром. Даже свою личную жизнь он превратил в представление (возможно, вслед за членами кружка прерафаэлитов, к которому относился брат писателя Чарльз Элстон Коллинз, а также многие знакомые и друзья). Уилки, заядлый театрал, был причастен к постановкам не только в Англии (свою страсть к театру он разделял с Ч. Диккенсом, Ч. Ридом и многими друзьями), но и за ее пределами. Сохранились, например, его воспоминания об игре Фредерик-Леметра, знаменитого французского актера¹. Знал он и многих знаменитых актеров Англии и Амери-

ки: М. Андерсон², А. Франка³, А. Кавендиш⁴ и Ч. Альберта Фехтера⁵ (или, как иногда пишут, Фехтера)⁶.

С 1840-х гг. Коллинз был актером-любителем. Именно работа в любительской труппе Диккенса сблизила его с мэтром английской литературы. Уилки входил в состав театрального лондонского клуба Garrick Club, был вице-президентом королевского генерального театрального фонда (Royal General Theatrical Fund).

Наконец, Коллинз писал для театра. Это были и пьесы для любительской сцены, и успешные драматические произведения для широкой публики. Часть пьес была написана по оригинальным сюжетам, но были и переработанные для сцены наиболее известные романы самого писателя. Некоторые из пьес Коллинз писал самостоятельно, но есть и созданные в

соавторстве с Диккенсом и другими писателями.

В настоящее время имя Коллинза драматурга связывают с «Замерзшей пучиной» (1856)⁷, «Новой Магдалиной» (1875), «Мужем и женой» (1873), «Без выхода» (1867), «Женщиной в белом» (1860), «Мисс Гилт» (1866). Другие пьесы, такие как «Лунный камень» (1877), «Красный пузырек» (1858) и «Звание и богатство» (1883), были прохладно встречены публикой.

Любительский театр занимал большое место в жизни Коллинза. Когда его семья в 1838 г. переехала на площадь Блендфорт, одна из мастерских превратилась в «королевский театр»⁸, как его называли все знакомые. Театр поставил пьесу Р. Шеридана «Соперники», о чем позже писатель рассказывал в своем романе «Без имени» (1862). Во время игры молодые актеры шли на разного рода действия, способные создать мир драмы из мира повседневного хаоса. В такие моменты они ломали мебель, швыряли ее в стены, громко стучали и вопили. В репертуар театра вошел также и «Добродушный человек» Голдсмита, премьера которого состоялась 19 июня 1849 г. В постановке кроме Коллинза участвовали его брат Фрис⁹ и Дж. Миллас¹⁰. К пьесе Коллинз написал стихотворный пролог. Костюмы к постановке готовились Э. Вардом¹¹. На следующий год Коллинз перевел и адаптировал французскую пьесу «Придворная дуэль» (1850). 26 февраля 1850 г. ее благотворительное представление прошло в театре «Soho Theatre». Главные роли играли Ч. Коллинз и Г. Брандлинг¹². Сам Уилки сыграл небольшую роль придворного. В последовавшем за этим фарсе Дж. Кенни «Поднимаемая ветер» Уилки играл уже главную роль.

В 1851 г. друзья Коллинза по любительскому театру познакомили его с Диккенсом. Готовясь к постановке пьесы Э. Бульвер-Литтона «Не так плохо, как кажется» в пользу гильдии литературы и искусства, 8 марта Диккенс писал А. Эггу¹³: «Мне кажется, что вы говорили мне о том, что мистер Уилки Коллинз был бы рад сыграть любую роль в комедии Бульвер-Литтона. Я сообщал, что был бы очень рад заполучить его. В пьесе есть роль слуги по имени, если не ошибаюсь, Смарт – роль небольшая, но что у нее не отнять, – несомненно хорошая... Не взяли бы вы на себя труд спросить его, не возьмет ли он эту роль. Если возьмет, я зову его на чтение пьесы в среду... Я хорошо знал его отца и буду рад познакомиться с ним»¹⁴.

Премьера пьесы Бульвер-Литтона состоялась перед королевой и принц-консортом 16 мая 1851 г. в переделанной по этому случаю художественной мастерской девонширского дома. По просьбе герцога Девонширского пьеса была повторена 27 мая вместе с фарсом М. Лемона¹⁵ «Дневник мистера Найтингейла», в которой Коллинз играл роль землевладельца Литерса. В начале следующего года он ездил с труппой Диккенса в Бристоль и в тур по провинции, включая посещение Манчестера и Ливерпуля. В Манчестере на спектакли труппы приходило около трех тысяч зрителей. Кроме вышеперечисленных спектаклей труппа играла «Истощенного» Ч. Мэтьюса¹⁶.

В начале 1855 г. Коллинз придумывает себе сценический псевдоним – Вилкини Коллини, с которым появляется в роли индюка в детской пантомиме по «Двенадцатой ночи», поставленной в семье Диккенса. В тот же год Коллинз пишет пьесу «Маяк», взяв сюжет из своего рассказа «Женитьба Габриэля», где герой отворачивается от отца, узнав, что тот совершил убийство. Перед свадьбой герой признается в этом на исповеди священнику. Оказывается, что священник и был жертвой убийства, но, к счастью, выжил. Он прощает отца героя, совершает свадебную церемонию и воссоединяет отца и сына. Если в рассказе действие происходит во Франции времен революции, то в пьесе – в декабре 1746 г. на эдистонском маяке. В мае 1855 г. Коллинз принес готовую рукопись Диккенсу, и тот с энтузиазмом принялся за ее постановку. Премьера состоялась в доме Диккенса¹⁷ 16 июня того же года и шла четыре вечера. 10 июля спектакль был дан в доме на улице Кампден в Кенсингтоне. Коллинз играл роль Мартина Гурнока, Диккенс играл Эрона Гурнока¹⁸ – старшего зрителя маяка, отца Мартина. В спектакле были также заняты А. Эгг, М. Лемон, Г. Хогарт¹⁹ и М. Диккенс. Оформил спектакль К. Стенфилд, известный художник и театральный декоратор²⁰.

10 августа 1857 г. спектакль был поставлен в королевском театре «Олимпик» и шел постоянно до 17 октября. Это была первая профессиональная постановка Коллинза. Ф. Робсон²¹ играл Эрона Гурнока, Дж. Вининг²² читал пролог. Премьера прошла с потрясающим успехом: зал был набит битком, в финале звучал ураган аплодисментов. Через два месяца зал также был полон²³.

Американская версия была сделана в «Новом театре» Нью-Йорка 21 января 1858 г. Пьесе продолжали ставить и в любительских те-

атрах. Например, 3 мая 1865 г. в ламбертской школе искусств в «Драгоценном королевском театре» была осуществлена постановка этой пьесы. В спектакле принимал участие П. Симпсон²⁴. Пьеса была переведена на французский язык²⁵, и это сделало возможным поставить ее также за рубежом.

Следующей совместной с Диккенсом постановкой в январе 1857 г. стала «Замерзшая пучина». Коллинз писал ее в течение всего 1856 г. В создании пьесы участвовал Диккенс: он помогал обдумывать действие, вносить изменения в текст, подбирать актеров; изменения часто вносились в текст уже на репетиции. Именно поэтому считается, что пьеса писалась Коллинзом и Диккенсом в соавторстве. Сюжетом «Замерзшей пучины» является трагическая история арктической экспедиции Франклина в 1845 г. Это был своеобразный ответ на сообщение доктора Джона Рая, опубликованное в 1854 г., что члены экспедиции Франклина были вынуждены заняться канибализмом в экстремальных условиях. Диккенс опубликовал две статьи в своем журнале «Household Words» в 1854 г., в которых опровергал эту информацию, доказывая, что английский джентльмен не может вести себя таким образом даже в экстремальных обстоятельствах²⁶.

Герой пьесы Фрэнк Олдслей обручается с Кларой Бернгом на балу в последний вечер перед отбытием в экспедицию. Клара остается со своей подругой Люси Крейфорд, чей муж, лейтенант Крейфорд, тоже участвует в экспедиции. В тот же вечер Клара отвергает предложение Ричарда Вардора, другого своего поклонника. В подавленном состоянии Ричард присоединяется к экспедиции. Через два года льды Арктики зажимают экспедиционные корабли «Морская ласточка» и «Странник». Команда истощена, и многие умирают. Вардор только теперь узнает, что его соперник рядом. Команда кидает кости, чтобы решить, кого отправить за помощью в ближайшее поселение. Выбор падает на Олдслея и Вардора. Вардор борется с желанием бросить своего беззащитного противника умирать на снегу.

Тем временем в Англию приходит известие, что кого-то из членов экспедиции удалось спасти. Кларе приходит видение, что ее жених погибает от руки соперника, и от переживаний она сходит с ума. Взяв с собой Клару, Люси едет в Канаду, чтобы встретить своего спасенного мужа. В то время как героини ждут спасенных на корабле у берегов острова Ньюфаундленд, появляется шатающаяся фигура Вардора. Он держит на руках еще живого Олд-

слея. Умирая, Вардор победил свое желание убить соперника²⁷.

5 января 1857 г. в доме Диккенса на площади Тависток состоялась генеральная репетиция в костюмах, на которой присутствовали слуги и торговцы. На следующий день состоялась премьера с последующими представлениями 8, 12 и 14 января. До сих пор сохранилась программка спектакля, в которой сообщается, что «в домашнем театре Тависток в среду восьмого января 1857 г. в семь часов сорок пять минут под руководством мистера Чарльза Диккенса будет дана совершенно новая романтическая драма в трех действиях под названием «Замерзшая пучина», написанная Уилки Коллинзом. Сценическая машинерия и бутафория предоставлена мистером Айрлендом из королевского театра «Адельфи», костюмы выполнены месье Натнаном, проживающим на улице Титчборн, что на Хеймаркет, парики предоставлены мистером Вилсоном с улицы Стренд. Пролог будет читать мистер Джон Форстер». Далее следовало распределение ролей. Значилось, что капитана «Морской чайки» Эбсворта исполняет мистер Э. Пигот, капитана «Странника» Хелдинга играет мистер А. Диккенс, лейтенанта Крейфорда – мистер М. Лемон, Франка Олдслея – мистер У. Коллинз, Ричарда Вардоу – мистер Ч. Диккенс.

Каждый раз зрителей было не менее 90, среди них и представители прессы. Рецензии на спектакль появились в нескольких лондонских газетах, включая «Таймс», пьеса и игра актеров, особенно виртуозное и эмоциональное исполнение Диккенса, стали темой разговоров в Лондоне.

Спектакль также был показан несколько раз в галерее иллюстраций на улице Реджент в июле 1857 г., где зрительный зал был небольшим, но более удобным, чем в домашнем театре Диккенса. Диккенс отказал королеве в просьбе сыграть спектакль при дворе в Виндзорском замке, боясь того положения в котором могут оказаться его дочери, впервые появившись перед королевой в качестве актрис. В итоге было решено организовать спектакль 4 июля в галерее иллюстраций, и зрителями в этот раз стали члены королевской семьи, придворные и несколько специально приглашенных знаменитостей (Г. Андерсон и У. Теккерей). В тот вечер королева была довольна «высоким моральным тоном» пьесы и просила передать ее одобрение мистеру У. Коллинзу, после чего Коллинза стали считать уважаемым сыном Уильяма Коллинза, члена академии художеств. Андерсон отмечал, что «представление было свободно от манерности, которую

обычно можно обнаружить в трагических моментах английских и французских постановок...»²⁸.

Зная, что представление обречено на успех, Диккенс с удовольствием согласился дать еще два спектакля в доме свободной торговли в Манчестере для сбора денег³⁹ в пользу вдовы Д. Джерольда³⁰. Но так как зал на этот раз был действительно большим, а голоса исполнительниц не поставлены на такую аудиторию, предстояло серьезно подготовиться. Любительниц заменили профессиональными актрисами, включая Э. Тернан, ее мать и сестру. В дополнение к «Замерзшей пучине» в программу вечеров были вставлены фарсы «Животный магнетизм» и «Дядя Том», в которых Коллинз также принимал активное участие. Состоялось три представления 21, 22 и 24 августа 1857 г. (последнее было добавлено по настойчивой просьбе зрителей).

Спектакль имел шумный успех. Зрители до отказа заполнили зрительный зал. Критики писали о реализме и натуральности пьесы, предвещая, что она вызовет революционные изменения и на профессиональной сцене. В некотором роде революционной пьесой была и для самого Диккенса. Великий писатель понял, что публика не требует от него сверхсовершенного героя, которого он всегда пытался ей представить. Он понял, что зритель может симпатизировать человеку обыкновенному, с недостатками и слабостями, которые он преодолевает в героических деяниях. Именно такими новыми диккенсовскими героями стали Сидней Картон, Юджин Рейберн и Пип.

В 1860 г. Коллинз и Диккенс переработали свой совместный труд «Записка с моря»³¹ в драму в трех действиях. Это было сделано исключительно для закрепления авторских прав. 7 января 1861 г. в театре «Британия» была осуществлена пиратская постановка пьесы. Диккенс с Коллинзом в тот же день обратились в коллегии адвокатов и пригрозили менеджеру театра мистеру Лейну законными мерами против него. Этот случай был описан в статье Диккенса об авторских правах, помещенной в газете «Таймс».

В 1866 г. Коллинз переделал пьесу «Замерзшая пучина» для профессиональной постановки в королевском театре «Олимпик». Роль Ричарда Вардора исполнял Г. Невилль³². Премьера состоялась 27 октября и, хотя получила достаточно хорошие отзывы, не была успешной финансово³³.

Обратим внимание, что драма и роман для Коллинза во многом являются родственными. Это свое отношение к жанрам писатель под-

черкнул в предисловии к одному из своих ранних романов «Бэзил»: «Считаю, что Роман и Пьеса – сестры-близнецы в семье Художественной Литературы. Одна из сестер – драма рассказанная, а другая – драма разыгранная. Все те сильные и глубокие переживания, которые выпала честь вызывать у публики драматургу, новеллист тоже вызывает»³⁴.

Заявленное убеждение нашло отражение в драматической структуре многих его романов. Например, уже в оглавлении романов «Без имени» (1862) и «Черные одежды» (1881)³⁵ читатель может обнаружить деление на сцены.

Стоит заметить, что существует несколько версий пьесы «Без имени», основанных на одноименном романе. Первая представляет собой драму в пяти актах, написанную В.Б. Бернардом в 1863 г. Коллинз очень надеялся, что пьесой заинтересуется театр «Олимпик». Вторая версия была написана самим Коллинзом в 1870 г. и тогда же опубликована. В Нью-Йорке эта версия была исправлена В. Ривом и поставлена А. Дали. Премьера состоялась 7 июля 1871 г. В. Рив забрал исправленную версию с собой для постановки в Австралии.

Роман «Новая Магдалина» (1873) писался одновременно как роман и как пьеса: описание дома леди Рой, появление героев, их проход по комнатам даны подробно, что можно рассматривать как ремарки для режиссера. Единственным отличием пьесы от романа можно считать отсутствие автора-повествователя, сокращение списка несчастий из детства Мери Меррик, исключение эпизодов ее изнасилования, падения и исправления.

Премьера «Новой Магдалины» состоялась 19 мая 1873 г. Роль главной героини Мерси Меррик играла А. Кавендиш, Джулиана Грея играл Ф. Арчер. Постановка шла без перерывов четыре месяца. После оглушительного успеха был тур по провинции. В Европе спектакль давали в Вене, Берлине, Париже, Риме. В Америке Коллинз сам присутствовал на премьере спектакля 10 ноября 1873 г. Кроме театра «Олимпик» пьесу ставили в «Charing Cross» и в театре «Национальный стандарт» в 1875 г. (обе постановки осуществлены А. Кавендиш), в 1884 г. в театре «Новелти», в 1885 г. в королевском театре «Маргейт», в 1887 г. в «Олдгемском Колизее» и в 1906 г. в театре «Malborough».

Успех пьесы был несравненно большим, нежели успех самого романа. Главным механизмом в драме была драматическая ирония, недоступная для читателя: зритель уже знает правду, скрытую от героев на сцене. Образ главной героини Мерси Меррик, борющейся

за место в обществе, был специально создан для сцены – там он был более живым и вызывал симпатии. Оглушительный успех А. Кавендиш и некоторых других актрис в этой роли подтвердил высокое качество драматургии³⁶. Пьеса была значительной еще и потому, что это была первая английская пьеса, в которой священнику принадлежит одна из основных ролей (даже не принимая во внимание, что это был священник, женившийся на проститутке).

Спектакль успешно ставили в Париже, Вене, Риме, Флоренции и Милане. В Италии Джулиана Грея (священника) превратили в судью-аскета, так как итальянская публика, нисколько не возражавшая против проститутки в спектакле, не приняла бы священника как действующее лицо на сцене, будь то герой или злодей.

«Злой гений» (1886) также писался одновременно как пьеса и как роман³⁷. Хотя произведение можно считать одной из лучших работ писателя для театра, театр “Vaudeville” был единственным, который осуществил постановку. Премьера состоялась 30 октября 1885 г. исключительно для того, чтобы заявить авторские права на драматическую версию романа. Руководство театра отнеслось к пьесе настороженно, ведь она предлагала для рассмотрения столь деликатную для викторианского общества тему, как развод. До сих пор не существует даже опубликованного текста пьесы, хотя копии, которые были у актеров, появлялись на аукционе в Сотби в 1898 г.³⁸

Роман «Муж и жена» первоначально был задуман как пьеса. Потом Коллинз бросил свою затею, осознав, что вторгается в слишком деликатную для исследования на сцене тему. Но в структуре многих сцен и эпизодов романа первоначальное намерение оставило свой отпечаток. Действие сосредоточено в одних и тех же местах, таких как летний домик и библиотека. Финал некоторых глав создает ощущение опустившегося занавеса: «Сэру Патрику удалось уговорить леди Ланди. Ему удалось уговорить и Бланш. Но, как видно, на одном условии, что вместо них в Крег-Ферни поедет он сам и поговорит с Анной Сильвестр. Не тратя больше времени на разговоры, сэра Патрик вскочил в седло и возглавил кавалькаду, поскакавшую в сторону охотничьей хижины» (следующая, IX глава входит в сцену вторую и начинается уже с событий в гостинице)³⁹.

«Мужа и жену» давали в лондонском театре принца Уэльского. Постановкой занималась чета Банкрофтов – сэра Сквир и леди М. Эффи,

являясь одновременно управляющими и актерами этого театра. Супруги играли небольшие роли доктора Спидвела и Бланш. Во время представления «Мужа и жены» впервые на английской сцене было применено электрическое освещение для сцены грозы, на сцене была создана иллюзия двигающихся облаков. Премьера состоялась 22 февраля 1873 г. Спектакль имел необычайный успех. Было дано 136 представлений вплоть до августа 1873 г. Несколько раз на спектакле присутствовали члены королевской семьи: принц Уэльский смотрел ее дважды, принцесса посетила его трижды, однажды они привели с собой российских царевича и императрицу. За шумным успехом в Лондоне, как и в случае с «Женщиной в белом», последовал удачный тур по провинции⁴⁰. С присущей ему скромностью Коллинз видел причины столь большого успеха в великолепной игре актеров, а также в актуальности проблемы, поднятой в пьесе. Идеи, которые критики называли отпугивающими в романе, в пьесе признавались, действие спектакля называли полным и логически последовательным. Коллинза хвалили как талантливого драматурга, чьи пьесы были наполнены острыми проблемами и полны жизни⁴¹.

В 1880 г. Банкрофты переехали в более крупный театр “Haymarket Theatre”, где возобновили постановку «Мужа и жены».

Пьесу «Мисс Гилт»⁴² Коллинз написал через два года после выхода своего известного романа «Армадейл» (1864), используя его сюжет. Свое название пьеса получила по имени главной героини романа. По сравнению с романом в пьесе образ мисс Гилт становится более привлекательным, вызывающим симпатии, она сама становится жертвой обстоятельств и козней других людей. Основным злодеем, режиссером действия, является уже не она (как в сюжете романа), а доктор Доуноард (в романе он – фигура эпизодическая).

Впервые «Мисс Гилт» была дана в профессиональной постановке ливерпульского театра “Alexandra Theater” 9 декабря 1875 г. Интересно, что уже в июле 1876 г. в Брайтоне была показана пародия на эту пьесу с названием «Виновная гувернантка и больной доктор». В Лондоне постановку осуществил театр «Глоб»⁴³. Премьера состоялась 15 апреля 1876 г. Роль доктора Дарча исполнял Пинеро, а главную роль исполняла А. Кавендиш. Последняя возила спектакль в Нью-Йорк, где премьера состоялась 5 июня 1879 г. в театре “Wallack’s”.

Один из поздних романов Коллинза «Дочь Иезавели» (1880) представляет собой перера-

ботку ранней пьесы «Красный пузырек» (1858). Сама же пьеса была дана в театре «Олимпик» 11 октября 1858 г. В роли Ганса Гримма, сумасшедшего, излеченного добрым к нему отношением, выступал Ф. Робсон. Миссис Стирлинг играла мадам Бергман. Состав актеров был замечательный, играли хорошо. Но в кульминации мелодрамы публика реагировала странным образом. Когда из-под простыни, накрывающей умершую героиню, вытянулась обнаженная рука, по зрительному залу прошла волна истерического смеха⁴⁴. Согласно отзывам, это было «самым замечательным провалом тех дней»⁴⁵. Как отмечали критики, автор слишком много внимания уделил сюжету и мало характерам, что для пьесы недопустимо. Публика с трудом выдержала двухчасовое изучение героев. Более того, в основе пьесы была ситуация преступления и атмосфера страха. Для разрядки публика ждала комических ситуаций и нашла их там, где автор не планировал. Коллинз был оскорблен провалом пьесы. Он запретил проведение повторных спектаклей и публикацию пьесы, хотя сюжет ее позже использовал в романе «Дочь Иезавели».

Во многих своих известных романах Коллинз пользуется приемом полифонии, давая различным рассказчикам высказаться от первого лица. В этом тоже проявляется театральная природа его сочинений. Во многом сам этот прием, столь мастерски получавшийся у Коллинза, вызывал интерес читателей и гарантировал успех произведению. Интересен в этом плане эксперимент Коллинза по превращению романа в спектакль, когда именно упрощение романа, изъятие из него второстепенных сюжетных линий вызвало холодный прием у зрителей.

Театральная природа чувствуется не только в крупных произведениях Коллинза. Даже в своих рассказах автор не только создает «сценическое оформление для действий героев, он сам становится непосредственным участником театрального действия, вдохновенно играя богатые психологическими нюансами роли вымышленных повествователей: ученого-историка ("Мечь королевы"), рыцарственного путешественника, превращающегося в карающее орудие Фемиды ("Желтый тигр"), солидного сентиментального джентльмена ("Новичок в школе Стайлеса") и др. Прекрасно удаются автору-актеру и комедийные моноспектакли ("Роковая колыбель"), и совершенно неожиданные роли, например женские ("Хелена Мэтьюсон", "Агнес Ли", "Безумный брак" ("Роковое наследство"))⁴⁶. Помимо перечис-

ленных рассказов можно добавить рассказы «Возмутительная история», «Дневник Анны Родвей», романы «Бедная мисс Финч», «Закон и жена» и т.д., где повествование ведется от лица женщины и отличается тонким проникновением во все происходящее с учетом гендерных различий восприятия.

Действительно, в каждом новом произведении Коллинз – актер в новой роли и часто в новом амплуа (комик, трагик, лирик, статист, простак, герой, героиня, дворецкий, аристократ, сумасшедшая старуха и молодая красавица). Надо отдать должное Коллинзу, который, выбрав одну роль в романе, никогда не сбивается с нее. Если уж это дворецкий, то он и говорит, и думает, и выглядит как дворецкий.

Несмотря на свою любовь к театру, Коллинз никогда не был слишком удачливым драматургом. Англия того времени была известна своими исполнителями, а не драматургами. На сцене ставилось много мелодрам, переведенных с других языков (особенно с французского), а также отечественного производства (к примеру, пьесы Э. Бульвер-Литтона). О высоком уровне английской драматургии и о громадном значении театра говорят, имея в виду У. Шекспира, Б. Джонсона или более поздний период, подразумевая творчество Б. Шоу и О. Уайльда.

Однако к заслугам Коллинза как драматурга можно отнести то, что многие известные театры Англии, Америки и некоторых других стран включали его пьесы в репертуар. Например, лондонский королевский театр «Олимпик»⁴⁷ представил на суд зрителей «Замерзшую пучину», «Лунный камень», «Новую Магдалину», «Без выхода», «Красный пузырек», «Женщину в белом». Королевский театр «Адельфи»⁴⁸ показал сразу три пьесы Коллинза: «Черное и белое», «Без выхода», «Звание и богатство».

Пьесы Коллинза появлялись и на сценах провинциальных театров: в ливерпульском театре "Alexandra Theatre" («Мисс Гилт»), в олдхэмском театре "Colosseum" («Новая Магдалина»), в "Margate Theatre Royal" («Муж и жена»), в гуэрнсейском театре "Theatre Royal Guernsey" («Муж и жена»), в лейсестерском театре "Theatre Royal Leicester" («Женщина в белом»).

В Америке постановки пьес Коллинза осуществили следующие театры: "Boston Museum" («Без выхода»), нью-йоркский «Бродвей» («Новая Магдалина», «Женщина в белом»), нью-йоркский театр "Fifth Avenue" («Муж и жена», «Без имени»). Бостонский те-

атр «Глоб» осуществил не согласованную с Коллинзом постановку «Без выхода», нью-йоркский театр “Wellack’s” поставил «Мисс Гилт».

Нельзя обойти вклад А. Дали в успех американских постановок произведений Коллинза. Являясь видным театральным менеджером и продюсером в Нью-Йорке, критиком и драматургом, Дали попросил Коллинза в 1870 г. адаптировать «Мужа и жену» для сцены. Коллинз предоставил версию, но Дали остался недоволен и поставил собственную версию. Коллинз был весьма озабочен фактом покушения на его авторитет и авторские права, хотя Дали и следовал сюжету романа с особой точностью. Постановка имела большой успех и шла в театре “Fifth Avenue” 10 недель, начиная с 13 сентября 1870 г. Коллинз получил в качестве отчислений за авторские права тысячу долларов. Тот же самый театр успешно поставил «Без имени» 7 июня 1871 г. Такой успех побудил Коллинза более охотно обсуждать постановку «Новой Магдалины». Премьера пьесы в Америке состоялась 10 ноября 1873 г. в театре «Бродвей» во время американского тура Коллинза, когда писатель читал для публики свои рассказы⁴⁹.

Среди постановок Коллинза многие имели успех. В качестве примера приведем историю пьес «Без выхода» и «Женщина в белом».

Пьесу «Без выхода» Коллинз написал в 1867 г.⁵⁰, основываясь на одноименной рождественской повести, написанной совместно с Диккенсом. Премьера состоялась 26 декабря 1867 г. в театре «Адельфи» и выдержала 200 представлений.

За постановку отвечал Б. Вебстер⁵¹, характерный актер, владелец и менеджер театра в 1860-е гг. Когда в 1855 г. Коллинз предложил ему пьесу «Маяк», Вебстер не решился ее поставить, а в 1867 г. с успехом поставил «Без выхода» и сам сыграл в ней роль Джоя Ладли.

Главную роль Обенрайзера играл Ч. Фечтер, Б. Вебстер играл Джоя Ладли, К. Леклерк играла Маргариту, Г. Невилль играл Вендейла, позже повторив свою роль в постановке театра «Олимпик» в ноябре 1876 г. Фечтер вместе с Диккенсом написали еще одну версию пьесы, на этот раз на французском языке. Премьера ее состоялась 2 июня 1868 г. в парижском театре “Vaudeville”. Кроме того, было несколько пиратских постановок в США, в том числе в бруклинском театре “Park Theatre” 6 января 1868 г.

Громадная популярность романа «Женщина в белом» делала сюжет весьма притягатель-

ным для постановки на сцене. Лондонский театр “Survey Theatre” поставил неразрешенную Коллинзом версию романа. Это была самая первая пиратская драматическая версия романа в виде драмы в трех действиях. Премьера ее состоялась 3 ноября 1860 г., но шла недолго. Через десять лет постановку возобновили уже в королевском театре Лейсестера, премьера состоялась 26 августа 1870 г.

Театр «Олимпик» первым показал коллинзовский вариант «Женщины в белом», серьезно переработанный им же для театра. Сюжет романа был несколько изменен для показа на сцене – исчезли многие эпизоды, в том числе и первая встреча Хартрайта с Анной Катерик. Обе сестры появляются в пьесе с самого начала, заговор с целью их подмены выдвигается на первый план. Напряжение на сцене происходит более от драматической иронии, нежели от мистификации. Премьера состоялась 9 октября 1871 г., и без перерывов постановка шла до 24 февраля 1872 г. Спектакль имел огромный успех. Он стал приносить деньги. За первую неделю Коллинзу было выплачено 47 фунтов стерлингов, за вторую – 59.

Первоначальный состав актеров включал В. Рива⁵² в роли Уолтера Хартрайта, Г. Вининга в роли Фоско, А. Диас в ролях Лауры Фэрли и Анны Катерик, миссис Винер в роли Мэриан Голкомб. Коллинз считал, что спектакль строится на фигуре графа Фоско. Он должен завладеть вниманием публики, очаровать ее, ужаснуть, взволновать, только не оставлять равнодушной. Если актер не произведет сильного впечатления на публику, спектакль можно считать провальным⁵³.

Первоначально В. Рив исполнял роль Хартрайта, но когда Г. Вининг заболел, Рив стал играть роль Фоско вместо него, причем не только в Лондоне, но и в туре по провинции, продолжавшемся больше года. Рив ездил на двухнедельные гастроли в Нью-Йорк, в театр «Бродвей», где пьеса шла с 15 декабря 1873 г. (в это время Коллинз тоже был в туре по Америке, где они и встретились). За 8 лет, пока Рив исполнял роль Фоско, он выходил на сцену 1500 раз в Англии, Канаде и США. О постановке писали хвалебные рецензии, художник Ф. Уолкер создал замечательную афишу. Данным фактом Коллинз очень гордился, так как это был первый случай, когда известный художник выполнял театральную афишу.

Немецкий вариант пьесы был поставлен в Германии, где в декабре 1866 г. стал настоящим гвоздем сезона⁵⁴.

Помимо очень успешных постановок, уже описанных выше, у Коллинза были и пьесы, встреченные весьма неплохо, но не вызвавшие большого энтузиазма зрителей. К таким постановкам можно отнести спектакль «Белое и черное».

Пьеса была написана на сюжет, подсказанный Ч. Фечтером. Воспользовавшись идеей друга, писатель придумал концовку, развил характеры и написал диалоги. Действие пьесы происходит в Тринидаде в 1830 г. и затрагивает проблему рабства. Английский злодей Стефен Весткрафт соперничает с графом де Лайрак за руку богатой наследницы мисс Милборн. Он узнает тайну происхождения графа, который по закону является рабом. Он покупает своего соперника на аукционе, но тот освобождается благодаря другой формальности. Роль Мауриса де Лайрака играл сам Фечтер, ведущая актриса К. Лекок исполняла роль мисс Милборн. Пьеса была впервые показана в театре «Адэльфи» 29 марта 1869 г. и шла более 60 вечеров, за которыми последовал не совсем успешный тур по провинции. Сам Коллинз считал, что пьеса «Белое и черное» более удачна, нежели «Без выхода». Ограниченный интерес английской публики Коллинз объяснял тем, что в то же время появилась адаптация «Хижины дяди Тома». «Черное и белое» также ставили в театре «Глоб» в Бостоне, начиная с 26 декабря 1870 г.

И, наконец, в истории драматизации произведений Коллинза есть явные провалы. Об одной такой неудаче - пьесе «Красный пузырек» - речь уже шла выше. Другим таким примером может быть пьеса «Тайна», написанная на сюжет одноименного романа Коллинза и поставленная в театре «Royal Lyceum». О постановке известно следующее. Премьера состоялась 29 августа 1877 г. В основу пьесы была положена адаптация романа, сделанная с разрешения автора драматургом Е. Дж. Брамвелом. Сару Лизон играла мисс Бейтман, Шровла - А. Пинеро⁵⁵. Рецензия, появившаяся в «World» от 5 сентября того же года, содержала множество комплиментов как самому Коллинзу, так и роману, тогда как пьеса была признана очень бедной адаптацией романа, «грубой мелодрамой».

В качестве заключения необходимо отметить, что драматургическое наследие Коллинза весьма обширно и заслуживает специального исследования.

Примечания

¹ См.: *Финкельштейн Е.Л.* Фредерик-Леметр. - Л.: Искусство, 1968. - С. 227 - 228.

² Андерсон Мария де Наварро (1859 - 1940) была популярна как в Америке, так и в Англии. Почитатели высоко ценили ее за редкую красоту и дарование. Впервые она познакомилась с Коллинзом в 1889 г., когда приехала на первые свои гастроли в Англию. Коллинз планировал специально для нее написать пьесу на американский сюжет, но этого так и не произошло. Актриса опубликовала свои воспоминания, где среди прочего есть письма от Коллинза и ее воспоминания о нем.

³ Настоящее имя Арнольд Франк Бишоп (1845 - 1917). Играл роль Джулиана Грея в пьесе «Новая Магдалина» в театре «Олимпик» в 1873 г. Коллинз был очень доволен его игрой, и их дружба продолжалась более 20 лет.

⁴ Ада Кавендиш (1839 - 1895), настоящее имя мисс Франк Маршалл, актриса и продюсер. Поставив «Мисс Гилт» в театре «Олимпик» в 1873 г., организовала с У. Коллинзом тур по провинции, а также еще две конкурирующие постановки этой же пьесы в театре «Charing Cross» в 1875 г. и в «Novelty» в 1884 г. Играла главную роль в этой же постановке в театре «Глоб» и возила спектакль в Нью-Йорк в 1879 г.

⁵ Чарльз Альберт Фечтер (1824 - 1879) - англо-французский актер. Родился в Лондоне, вырос в Булоне. Друг Диккенса и Коллинза, которые видели его на парижской сцене в 1850-х гг. В Лондон приезжал с английской версией «Руи Блаза». Помимо пьесы «Белое и черное», играл в постановке «Без выхода». Из Англии Фечтер уехал в Америку, где с большой радостью принимал Коллинза, имевшего с ним, кроме театральных, и общие гастрономические вкусы.

⁶ См.: *Нерсесова М.* «Холодный дом» Диккенса. - М.: Худ. лит., 1971. - С. 99.

⁷ В оригинале роман называется «Frozen Deep». Среди русских переводов, помимо уже упомянутой «Замерзшей пучины», встречается название «Замерзшая глубина».

⁸ Очевидно, по причине того, что отец У. Коллинза, известный художник Уильям Коллинз, был членом королевской академии. Многие театры того времени, даже очень небольшие, имели статус королевских.

⁹ Вильям Пауэл Фрис (1819 - 1909) - известный викторианский художник. Учился вместе с братом Коллинза, всю свою жизнь был другом Коллинза, вместе с ним участвовал во многих любительских постановках, в том числе в труппе Диккенса.

¹⁰ Сэр Джон Эверетт Миллас (1826 - 1896) - художник, один из основателей кружка прерафаэлитов, близкий друг Уилки и Чарльза Коллинзов, автор классического портрета Коллинза, сделанного в 1850 г., иллюстратор нескольких книг писателя.

¹¹ Эдвард Мэтью Вард (1816 - 1879) - известный художник, член королевской академии. Основные темы его творчества почерпнуты из истории Англии XVII в. На одной из картин, названной «Унижение Кларедона» («The Disgrace of Claredon»), в виде придворного изображен У. Коллинз. Писатель помог Эдварду организовать тайный брак, что позже легло в основу романа «Бэвил», а также рассказов «Укушенный кусака» и «Замужем или нет?»

¹² Генри Брандлинг - художник, друг Коллинза. Участвовал с ним в путешествии по Корнхилу, а затем

создал двенадцать литографий, вошедших в книгу «Прогулки вдаль от железной дороги» (“*Rambles Beyond Railways*”).

¹³ Август Леопольд Эгг (1816 - 1863) – художник, автор картин на современные и исторические сюжеты, друг У. Коллинза и его семьи. Участвовал в любительских спектаклях Диккенса, принимал участие в путешествиях Коллинза и Диккенса.

¹⁴ *Gasson A. Wilkie Collins: An illustrated guide.* - Oxford, 1998. - P. 5.

¹⁵ Марк Лемон (1809 - 1870) – основатель и первый редактор юмористического журнала «Панч», журналист и драматург. Участвовал во многих любительских постановках с Диккенсом и Коллинзом.

¹⁶ См.: *Fitz-Gerald S.J. A. Dickens and the Drama.* - L., 1910.

¹⁷ Диккенс тогда жил в Лондоне на площади Tavistock. Большая классная комната была превращена в самый маленький любительский театр. Летом 1861 г. дом был продан, и Диккенс переселился в Gad's Hill.

¹⁸ См.: *Dexter W. For One Night Only: Dickens's Appearances as an Amateur Actor // Dickensian.* - 1940. - № 36. - P. 195 - 201.

¹⁹ Георгина Хогарт (1827 - 1917), свояченица Диккенса, была домоправительницей в доме писателя, принимала участие в любительских спектаклях.

²⁰ Вильям Кларксон Стенфилд (1793 - 1867) – художник-маринист. Работал как театральным декоратором в Лондоне и Эдинбурге. Будучи другом Ч. Диккенса, согласился оформить не только спектакль «Маяк», но позже и «Замерзшую пучину».

²¹ Настоящее имя Фредерика Робсона – Томас Робсон Бранухил (1821 - 1864). Знаменитый актер, известный своими способностями соединять комическое и ужасное. Постоянно играл в труппе театра «Олимпик», начиная с 1850 г. Кроме указанной выше роли, Робсон играл Ганса Гримма в пьесе Коллинза «Красный пузырек» в 1858 г. Несмотря на провал пьесы, Коллинз не разочаровался в игре актера.

²² Джордж Вининг (1824 - 1875) – актер. Играл роль графа Фоско в «Женщине в белом». Вместе с Коллинзом занимался постановкой «Женщины в белом» в театре «Олимпик» с 9 октября 1871 г. по 24 февраля 1872 г. В связи с болезнью его место занял Виберт Рив, который был более успешен в этой роли и взял постановку в тур по провинции.

²³ См.: *Peters C. A Life of Wilkie Collins.* - Princeton, 1991. - P. 176 - 177.

²⁴ Джон Палгрейв Симпсон (1807 - 1887) – драматург, романист и известный актер-любитель, секретарь общества писателей-драматургов, друг Коллинза.

²⁵ Перевод был сделан французским переводчиком и критиком Э. Фергюс (1813 - 1883). Кроме данной пьесы перевел и другие произведения Коллинза, писал положительные критические статьи о нем.

²⁶ Джон Рай был прав, канибализм действительно имел место в экспедиции.

²⁷ Диккенс позже использовал образ приносящего себя в жертву Ричарда Вардора при создании образа Сиднея Картона в «Повести о двух городах» (1859).

²⁸ Цит. по: *Peters C.A. Life of Wilkie Collins.* - Princeton, 1991. - P.165 - 176.

²⁹ Для сбора средств (кроме всех спектаклей «Замерзшей пучины») Теккерей дал лекцию, а Бергер продавал ноты увертюры и других музыкальных произведений к «Замерзшей пучине» и «Маяку».

³⁰ Уильям Дуглас Джерольд (1803 - 1857) – известный драматург, романист и журналист. Был одним из первых, кто стал писать политические сатиры для «Пан-

ча». Редактор нескольких периодических изданий, включая «Иллюстрированный журнал», опубликовавший ранний рассказ Коллинза уже в 1843 г. Именно на место Джерольда, по определенным причинам не имевшего возможности ехать с любительской труппой Диккенса в тур по провинции, был приглашен Коллинз. Писатели очень дружили, вместе участвовали в любительских постановках. После неожиданной кончины Джерольда Коллинз писал, что Дуглас Джерольд был одним из самых первых и самых дорогих друзей его литературной жизни.

³¹ Повесть «Записка с моря» была опубликована в рождественском номере журнала «Круглый год» за 1860 год. Сюжет связан с находкой бутылки с запиской, плавающей в море, и с последующими событиями. Повесть писал в основном Диккенс и Коллинз, небольшой вклад внесли также брат Коллинза Чарльз Коллинз, Амелия Эдвардс, Гарриет Парр и музыкальный и литературный критик Генри Чорлей, обычно публиковавший отрицательные рецензии на работы Коллинза.

³² Настоящее имя Томас Гартсайд (1837 - 1910). Романтический актер, арендатор и менеджер театра «Олимпик» с 1873-го по 1879 г. Кроме вышеуказанной роли, Невилль играл в «Лунном камне» (Франклин Блейк) и в очень успешной постановке «Без выхода» (Джордж Вендейл) в театрах «Адельфи» и «Олимпик».

³³ *Brannan R.L. Under the Management of Mr. Charles Dicks: His Production of "The Frozen Deep".* - Ithaca; N.Y., 1966.

³⁴ Цит. по: *Gasson A. Wilkie Collins. An illustrated guide.* - Oxford, 1998. - P. 14.

³⁵ Есть вариант перевода названия данного романа на русский язык как «Человек в черном», «Черная ряса».

³⁶ В этой роли успешно выступала Жанет Ачерч, которую видел Шоу в роли Мерси Меррик в 1895 г. и которая взволновала и привела его в смятение.

³⁷ См.: *Gasson A. Wilkie Collins. An illustrated guide.* - Oxford, 1998. - P.146.

³⁸ См.: Там же. - P.58.

³⁹ *Коллинз У. Муж и жена: Роман / Пер. с англ. М. Загота и М. Литвиновой.* – М.: Худ. лит., 1990. - С. 101.

⁴⁰ См.: *Parrish M.L. with Miller E.V. Wilkie Collins and Charles Reade: First Editions Described with Notes.* - L., 1940. - P. 81 - 83, 160.

⁴¹ См.: *Peters C.A. Life of Wilkie Collins.* - Princeton, 1991. - P. 340 - 343.

⁴² Имя мисс Гилт в переводе с английского означает «виновная, виноватая».

⁴³ Лондонский театр «Глоб» находился на улице Ньюкастл: открыт в 1868 г., снесен в 1902 г. в связи с расширением улицы.

⁴⁴ См.: *Morley H. The Journal of a London Playgoer.* - Leicester, 1979. – P. 1890 - 1990.

⁴⁵ См.: *Ellis S.M. Wilkie Collins, Le Fanu and Others.* – L., 1931. - P. 24.

⁴⁶ См.: *Бурова. И.И. Театральная природа рассказов Уилки Коллинза // VI Пуришевские чтения. Классика в контексте мировой культуры.* – М., 1994. - С. 123 – 124.

⁴⁷ Лондонский театр «Олимпик», позже получивший название “Royal Olympic”, располагался на улице Вич в Стрэнде. Получил репутацию театра, хорошо ставящего мелодраму.

⁴⁸ Королевский театр «Адельфи» – лондонский театр, расположенный в Стрэнде. Специализировался на мелодраме. Кроме пьес Коллинза поставил несколько пьес Диккенса. Соперничал с театром «Олимпик», но уступал последнему в утонченности.

⁴⁹ См.: *Gasson A. Wilkie Collins. An illustrated guide.* - Oxford, 1998. - P. 46.

⁵⁰ В это время Диккенс был в туре по Америке.

⁵¹ Бенджамин Вебстер (1797 - 1882) - английский актер.

⁵² Виберт Рив (1831 - 1906) - актер и друг Коллинза. По просьбе Коллинза Рив переделывал для сцены «Без имени». Хотя в Англии спектакль так и не был поставлен, зрители Нью-Йорка и Мельбурна смогли с ним ознакомиться (в Мельбурне он шел под названием «Великий соблазн» в 1879 г.).

⁵³ См.: *Peters C.A. Life of Wilkie Collins.* - Princeton, 1991. - P. 333 - 335.

⁵⁴ См.: *Huttner C. Wilkie Collins's "The Woman in White". Analysis, Reception and Literary Criticism of a Victorian Bestseller.* - Trier, 1996.

⁵⁵ Сэр Артур Винг Пинеро (1855 - 1934) - актер, автор многих пьес, включая «Вторую миссис Танкуерей» (1893) и «Магистрат» (1885). Самая первая роль, которую он сыграл в Англии, была роль мистера Дарча в спектакле «Мисс Гилт», показанном в театре «Глоб» 15 августа 1876 г. Ранее Пинеро играл ту же роль в ливерпульском театре «Alexandra Theater». Был очень признателен Коллинзу за его доброту и понимание, проявленные на репетициях.

УДК: 821.111 Вулф; 82-31

Е.Е. Соловьева

Череповецкий государственный университет

РУССКАЯ ТЕМА В РОМАНЕ В. ВУЛФ «ОРЛАНДО»: ИСТОРИЯ ИЛИ МИФ?

Мы открываем фантазийный роман В. Вулф «Орландо» ("Orlando. A Biography", 1928), насыщенный любовью, подыскивающих точные слова не для определения, но для указания на силу и волшебство этого чувства, - и попадаем в конец XVI в., в последние годы правления Елизаветы Великой, когда «всё было иное»: «Сама погода, холод и жара летом и зимой были, надо полагать, совсем, совсем особого градуса <...> Дождь или хлестал ливнем, или уж совсем не шел. Солнце сияло или - стояла тьма. Во всем был напор»¹. Вулф с упоением рисует иной темпоритм бытия, соответствующий юному возрасту героя.

С одной стороны, роман В. Вулф обращен к истории, в первую очередь к истории Англии, начиная от становления государственности при Елизавете Великой и заканчивая временем написания романа, то есть 1928-м годом. С другой стороны, Вулф создает не исторически достоверные описания эпох, а их образы в характерной для нее импрессионистической манере. Отсюда и некоторое пренебрежение исторической точностью. Современники сразу же отметили многочисленные анахронизмы². Писательница признавалась: «Я пишу "Орландо" в почти шутовском стиле, очень ясном и простом, так, чтобы было понятно каждое слово. Но балансировать между правдой и вымыслом нужно осторожно»³.

Вторая тема романа (оставим в стороне иерархичность) - психологического характера, это размышление о возникновении страсти, о трудностях взаимопонимания, о любви и смерти. Фантастичность романа проявляется и в

том, что главный герой переходит из одной эпохи в другую, впадая в сон. Просыпаясь в викторианскую эпоху, он неожиданно оказывается женщиной.

Для В. Вулф андрогинность героя принципиальна, потому что это дает возможность исследовать чувство любви с двух сторон. Свой роман писательница посвятила своей близкой подруге В. Сэквилль-Вест, писательнице и поэтессе, которая представлялась ей воплощением самой любви, равно сияющей и на мужчин, и на женщин. Странность главного героя спровоцировала появление множества психоаналитических трактовок романа. Так, например, Н. М. Джув подчеркивает жанровую мультивалентность романа: «Мы читаем его как художественное произведение, но эта так называемая "биография" - краткая, наталкивающая на размышления история жизни английской аристократии за три столетия, смесь искусных пародий на различные стили и пастишей, лесбийский романс»⁴. Нам представляется, что педализация эротической проблематики романа затушевывает его общечеловеческую проблематику - размышление о природе взаимоотношений людей нестандартных, наделенных поэтическим даром (как Орландо), необычной красотой или сильной чувственностью (как Саша). Мы согласимся с Ж. Гинье, что одна из главных тем романа - «трудность коммуникации с другой личностью и понимания другого существа»⁵.

Наконец, третья и, может быть, самая существенная тема - стихия творчества. Герой, которому автор придает не только психологи-

ческие черты В. Сэквилль-Уэст, одаренной писательницы и художницы, но и свои собственные, мучается теми же вопросами, что и В. Вулф. Он прежде всего поэт, и восприятие окружающего дано через его тонкую, чувствительную душу. Эмоциональность, многоцветность, рваный ритм повествования обусловлены особенностями его психики.

Главный герой романа – высокородный англичанин, удостоенный внимания стареющей королевы. Воплощение своего века, Орландо жаждет наслаждений и несется навстречу жизни. Самое большое приключение находит его, когда на Англию пал Великий Холод. Вулф с юмором нанизывает гиперболы одна на другую: некая крестьянка была захвачена ледяным вихрем и рассыпалась в пыль, путники застывали на ходу и превращались в камень, так что впоследствии использовались как межевые вехи, столбы или корыта для скота, река промерзла до дна вместе с рыбами, дельфинами и целой баржей с грузом и людьми. Небывалые морозы, кажется, только добавляют веселья: прямо на замерзшей реке устраиваются народные гуляния и ночью, и днем.

И вот на таком экстремальном фоне появляется незнакомка – то ли мальчик, то ли девочка. Андрогинность главного героя, как в вариации, повторяется и в образе его русской возлюбленной. Она возникает на рубеже дня и ночи в экзотическом костюме [«свободный камзол и шальвары по русской моде» (с. 321)⁶, бархат цвета устриц и зеленоватый мех], скользит по льду на коньках, чем тоже приводит в недоумение англичанина, не привыкшего к тому, чтобы девушки так смело двигались. Среди знакомых В. Вулф была русская танцовщица Лидия Лопухова, жена экономиста М. Кейнза. Над эксцентричностью иностранки посмеивались и В. Вулф, и В. Сэквилль-Уэст⁷. Но они много времени проводили вместе. Лидия с удовольствием танцевала в обществе. Ее грация обращала на себя внимание писательницы. Мы не можем с уверенностью сказать, но можем предположить, что балерина в какой-то мере повлияла на графический и динамический образ русской княжны.

Быстрота движений героини [«лисица на снегу» (с. 321)] соответствует жизненному ритму Орландо. И так же стремительно развивается их чувство на фоне мелькающих, как на экране, пейзажей: дворцовые залы, городские улицы, лавки, соборы. Выскажем предположение, что ритм русского эпизода «Орландо» продиктован представлениями Вулф о русской

литературе. В статье «Русская точка зрения», описывая произведения Ф. М. Достоевского, она обнаруживает связь между темпоритмом повествования и психологическими открытиями Достоевского: «Скорость так велика, что искры летят из-под колес. Когда развита такая скорость и видны составные части души – не по отдельности <...> но мелькающие, запутанные в сложных взаимопереплетениях <...> Люди в одно и то же время и негодяи, и святые; их действия одновременно прекрасны и достойны презрения <...> Нет четкого разделения добра и зла» (с. 856). Полагаем, что при создании образа русской девушки, сотканного из контрастов, пленительно странного, Вулф испытывала влияние Достоевского.

Основным фоном любовных свиданий становятся заснеженные пустынные берега Темзы: «Разгоряченные коньками и страстью, они валились в снега пустынного плеса, отороченные желтыми прибрежными ветлами» (с. 325). Их любовь – соединение несовместимого, холода и жара, внутреннего огня и окружающего льда. Кажется, что мороз предварил появление русской княжны. А с приходом весны, ливнем и ледоходом закончится русская тема, «москвитянка» исчезнет, словно сказочная ледяная дева, или Снегурочка (проявление модернистского принципа неомифологизма).

Один из первых читателей романа английский писатель-реалист А. Беннетт высоко оценил именно первую часть романа с ее «живыми описаниями захватывающих событий – сильным холодом, королевским двором, любовью Орландо и москвитки, закутанной в меха, среди снегов, во время сильнейшего со времен ледникового периода мороза»⁸. Но дальнейшее повествование повергло писателя-традиционалиста в недоумение. Действительно, в романе «Орландо», который Филип Тью сравнил с коротким отдыхом, передышкой между более серьезными романами⁹, писательница экспериментирует, ищет новые пути психологической прозы. Нанизывая образы («стрелы ощущений»), Вулф воссоздает не внешнюю картину, а внутреннее переживание. Поэтому созданные ею запоминающиеся описания эпох английской истории нельзя рассматривать как иллюстрацию к учебнику истории. Как писал А. М. Зверев, «внешний ее [реальности] образ, мир социальной жизни по своему значению эфемерны рядом с тщательно воссозданным миром сознания, которое не отражает, а конструирует реальность в соответствии с особенностями психологии и всего мироощущения того или иного из описываемых людей»¹⁰. Так, и в романе «Орландо»

русский мир представлен сквозь призму видения влюбленного героя, он соткан из контрастов, исключительно эмоционален.

Героиня появляется в составе русского посольства, прибывшего на коронацию Якова I, как дочь или племянница посла. На самом деле о воцарении Якова I царю Борису Годунову сообщил Томас Смит, прибывший специально для этого в Москву.

По такому же протоколу в 1613 г. дворянин Зюзин и дьяк Витовтов приехали в Лондон с известием о восшествии на престол русского царя Михаила Романова. В 1600 - 1601 гг. в Лондоне действительно находились русские послы от Бориса Годунова (дворянин Григорий Микулин и подьячий Иван Зиновьев). Им не удалось заключить договор о сотрудничестве и взаимопомощи несмотря на то, что Великобритания очень рассчитывала на полученные торговой монополии на Русском Севере. Во многом неудача миссии была обусловлена различиями в культуре¹¹.

В романе В. Вулф русские дипломаты представлены в соответствии с национальными стереотипами восприятия русских людей – мало или совсем нецивилизованными: «О москвитях известно было немного. В своих огромных бородах, под меховыми шапками, они почти всегда молчали; пили какое-то темное пойло, то и дело его сплевывая на лед. По-английски они не понимали, правда, кое-кто из них мог изъясняться по-французски» (с. 322). Русские действительно казались англичанам странными, дикими, неразговорчивыми людьми¹². Во всей России порой было не найти человека, говорящего по-английски, и приходилось пользоваться услугами иностранцев для ведения переговоров.

В сознании героя русские ассоциируются с блудом и бойней, с водкой. В портретах простых людей акцент на дикости усилен: матрос, с которым столкнулся Орландо на русском корабле, представляется ему «темнолицым, широкоскулым чудовищем», «волосатым морским чудовищем», «ломовой лошадей» (с. 329)¹³.

Вулф допускает множество анахронизмов и неточностей при описании русских реалий. Автор дает русской девушке длинное, из разных языков и культур собранное имя – Marousha Stanilovska Dagmar Natasha Iliana Romanovitch, в котором присутствуют следы знакомства с русской историей (Романовы, Дагмар). Род Романовых, к которому принадлежит главная героиня, назван княжеским. Вулф наряжает героиню в восточный наряд, состоящий из камзола и пальвар¹⁴. Такую одежду, по мнению автора, носят в России и

мужчины, и женщины. К очевидным анахронизмам относятся коньки, на которых Саша катается с мальчишеской ловкостью, и обычай наряжать елку на Рождество. Русская история мало интересует писательницу, она создает экзотический образ, достойный поразить воображение утонченного англичанина.

Вольное обращение с историческими реалиями присуще всему произведению, в том числе и собственно английским сценам. Вулф пишет не исторический роман, а роман-миф, роман-фантазию. Она сама дает ключ к повествованию, сталкивая впечатления Орландо от его встреч с русской княжной и слухи о русских варварах, которые «смазываются салом для тепла, рвут мясо руками и живут в лачугах» (с. 327). Очевидно, что в основе упомянутых легенд лежат ранние свидетельства о посещениях Московии¹⁵. Некоторые детали представляются совсем сказочными, например о том, что женщины в России бородаты, мужчины вниз от пояса покрыты шерстью.

Образованная, изящная Саша всем своим поведением опровергает стереотип восприятия, сложившийся в сознании Орландо: она свободно говорит по-французски, отличается изысканными манерами, умна и остроумна, держит себя, может быть, даже излишне вольно.

В то же время героине присущи черты дикости, например непонятное гастрономическое пристрастие к салным свечкам. В этом же ряду стоит эпизод, когда Орландо застаёт Сашу в объятиях грубого матроса. Вместо многочисленных имен Орландо дает своей возлюбленной коротенькое, по-русски звучащее имя, ассоциирующееся с ручным песцом, который был у него в детстве. Сравнение с лисицей, с песцом [«созданье нежное, как снег, но с зубами тверже стали»] (с. 325)] усиливает доминанту дикости и опасности, исходящей от героини.

Орландо сравнивает впечатления от английских женщин, сияющих ровными лучами, и от Саши: «Только снаружи была ясность; в глубине блуждали огненные языки» (с. 326)¹⁶. Ее сопровождает некая таинственность, недосказанность.

Напрасно молодой поэт выстраивает изысканный метафорический ряд: «дыня, ананас, олива, изумруд, лисица на снегу»¹⁷, пытаясь залечатлеть яркость ее одежд на фоне снега. И другой ряд, который подчеркивает гармонию между образом Саши и зимним пейзажем: «сны, сливки, мрамор, вишня в цвету, алебастр, золотая сеть»¹⁸. Неуловимость, подвижность, изменчивость облика нашли отражение

в сравнениях со струящейся водой, травой, нахлынувшими волнами, игрой солнечного света на зелени холма: “the spring and green grass and rushing waters”, “the sun on a green hill which is yet clouded” (р. 32). Образы, возникающие в сознании Орландо, многократно повторяются, множатся, дублируются. Н.М. Джув комментирует этот процесс: «Стремление Орландо к исключительно соблазнительной княжне порождает обильный поток образов, легко, забавно перетекающих один в другой»¹⁹. Эти образы композиционно нагружены, связаны с поворотными точками сюжета. Мотив разрушения, которое несут весенние воды, предсказывает весеннее наводнение, завершающее «русский» эпизод.

Читатель воспринимает героиню на фоне природы. Но еще важнее образы русской природы, возникающие в сознании Орландо или в воспоминаниях Саши. Набор элементов, из которых складывается представление о русской природе, достаточно традиционен: степи, заснеженные просторы, широкие реки, волки и т.д. Душа Саши требует просторов, как в России: «Там реки шириною в десять миль, скачи себе в карете пугом, и за целый божий день ни души не встретишь» (с. 325). В минуту откровения Саша вспоминает вой волков в ночной степи, и в этом рассказе чувствуется ностальгия, особенная нежность к далекой Родине. Эта краска добавляет странности к облику героини.

Трудность общения героев можно объяснить как несовпадением культурных доминант, так и непониманием гендерных и индивидуальных психологических особенностей. Орландо предпочитает объяснять уклончивость Саши национально-географическими особенностями: в России «закаты медлят, не ошарашивают вас своей внезапностью рассвет, фраза часто остается незавершенной из-за сомнений говорящего в том, как бы ее лучше округлить, — Саша смотрела на него во все глаза, смеялась над ним и ничего не отвечала» (с. 326). В изображении русской девушки доминирует вариация традиционного представления о загадочной русской душе: «Непостижимо уклончива московитская душа» (с. 327).

Образ русской красавицы — первое испытание для поэта Орландо, который не может подобрать точное слово, чтобы передать ее тайну и очарование: «Английский был слишком очевидный, откровенный, слишком медвяный язык для Саши» (с. 326)²⁰. В размышлении о возможностях английского языка (можно было сказать шире — вообще языка) Орландо как никогда близок самой В. Вулф.

Исключительно яркий образ русской девушки создала В. Вулф, нарядив ее в красивые экзотические одежды, придав ее поступкам очаровательную непредсказуемость. В описании русских видны национальные стереотипы восприятия России как варварской страны. «Стереотипы, — отмечал В.Е. Багно, — во многом и составляют самую суть образа той или иной страны, того или иного народа и отличие образа от реальной истории народа или его культуры»²¹. Традиция воспринимать русский народ нецивилизованным, а Россию — варварской страной имеет давнюю историю, во многом определяемую политическими соображениями. В английской литературе существовал набор «экзотических» компонентов, которые использовались почти всеми писателями, обращавшимися к русской теме. В середине XIX в. наметился перелом, «образ России становится существенным элементом художественного пространства в ряде замечательных произведений западной литературы»²². К таким произведениям, видимо, следует отнести и роман В. Вулф, несмотря на дань национальной традиции.

Литературные источники тоже повлияли на образ России. Вулф импрессионистически запечатлела в романе свое представление о России, о русской идее, о русском человеке, как она ее поняла из русской литературы. В то же время образ Саши представляется нам оригинальным и смелым вызовом традиции.

Неверно было бы ограничивать образ Саши только национальным компонентом, потому что роман Вулф не этнографическое описание, но миф о современной душе, о странностях любви, о природе вдохновения. Образ русской княжны, балансирующей между восточной дикаркой и эмансипированной европейкой, выходит за пределы национального. Это — мечта о свободной женщине, которая пренебрегает светскими условностями, дает выход своей сексуальности, это воплощение идеи любви как близнеца смерти. Именно ощущение гибельности притягивает поэтическую душу Орландо, определяя вектор его судьбы.

Ощущение трагичности сопровождает чувство любви с момента его зарождения. «Все кончится смертью», — повторяет Орландо (с. 326). Соединить свою судьбу с судьбой Саши означает для него конец карьеры, конец жизни умопостигаемой, потому что Россия находится за пределами обозримого мира. Но Орландо с радостью готов броситься в неизвестность за любимой. Вулф сравнивает его готовность ринуться в пропасть с «наслажде-

нием» «барахтающейся на крючке рыбы» (с. 329).

Культурные и психологические барьеры, разделяющие влюбленных, символически проявляются в природных катаклизмах: то в необыкновенной силы морозе, то в резком потеплении. Ночь запланированного бегства стала роковой не только для Орландо, но и для сотен англичан, которых неожиданный ледоход застал врасплох на реке. Как отмечает Н.А. Соловьева, изменение погоды сопровождается эмоциональный кризис, который происходит в душе Орландо²³.

Ряд эмоционально негативных определений доказывает начинающийся в душе бунт против психологической зависимости от возлюбленной: «предательница, изменщица, ветреница, прелюбодейка, чертовка, лгунья» (с. 335)²⁴. Волны, беспокойное море - символ неверной, вечно ускользающей надежды на счастье - проглотили любовь героя.

Н.С. Тэкэр видит в мотиве наводнения символ смятения, внутреннего беспорядка и бунта²⁵. Нам представляется, что мотив освобождения реки ото льда символически передает освобождение души Орландо от любовного наваждения, его прощание с пленительной русской девушкой (в данном случае можно понимать буквально: взявшей в плен душу героя). Если история поэта Орландо определенным образом отражает внутренние искания самой писательницы, то данный мотив предсказывает и ее пресыщение русской тематикой.

Роман «Орландо» – одно из первых в английской литературе XX в. исследований национальной идентичности, поискам которой посвящено столько произведений в конце века (например, романы П. Акройда, Дж. Барнса, Г. Свифта и др.). Определение сущности «английскости» (“englishness”) с помощью стилизованных, с оттенком иронии образов исторических эпох продолжилось в последнем романе В. Вулф «Между актами» (“Between the Acts”, 1941), в котором, по словам А.М. Зверева, она попыталась «вписать в настоящее (один июньский день 1939 г.) историю Англии через любительский спектакль»²⁶. Естественно, что роман, посвященный феномену английской ментальности, должен был оттолкнуться от яркой чужеродной образности. Именно эту функцию и взяла на себя русская героиня, в которую Вулф вложила свои представления о России, о русской душе, о русском искусстве и литературе. Сошлемся на мнение Н. И. Рейнголд, которая обратила внимание на то, что после романа «Орландо» резко упал

интерес Вулф к русской литературе. Исследовательница, отмечая, как много внимания уделяла Вулф русской литературе в своем литературно-критическом творчестве в 1910 - 1920 гг., полагает, что «в прозе наиболее явным и художественно значимым прощанием с русской темой стал ее роман «Орландо»: он закрывает «русскую тему» в творчестве модернистки, и с ним обозначается поворот к национальной культурной традиции»²⁷.

Английские писатели XX в. часто обращаются к русской теме. Политические катастрофы провоцируют интерес не только к современности, но и к историческому прошлому России. На этом фоне роман В. Вулф занимает совершенно особое место: он, не претендуя на историческую достоверность и объективность, создает довольно точный психологический портрет русского человека (вне времени). Писательница не бывала в России, ее представление опосредовано культурной и литературной традициями, но она не дублирует чужие образы (как это свойственно, например, шпионскому роману, использующему узкий набор стереотипов), а глубоко входит в чужую культуру, чтобы лучше понять сущность родной культуры. В результате возникает совершенно оригинальный, не имеющий аналогов в английской литературе фантастический, гиперболизированный, опозитизированный образ России.

Примечания

¹ Вулф В. Миссис Дэллоуэй. На маяк. Орландо. Волны. Флаш. Рассказы. Эссе: Сборник / Пер. с англ. К. Атаровой. - М., 2004. - С. 316. Далее цитируется по данному произведению с указанием страниц в тексте.

² См.: Woolf V. The Critical Heritage / Ed. by R. Majumdar. - L.; Boston, 1975. - P. 242.

³ A Writer's Diary. Oct. 22, 1927 // The Diary of V. Woolf: In 5 vol. / Ed. by Anne Quentin Bell. - L., 1980. - V. 3. - P. 367.

⁴ Jouve N.M. V. Woolf and psychoanalysis // Virginia Woolf: The Critical Heritage / Ed. by R. Majumdar. - L.; Boston, 1975. - P. 268.

⁵ Guinet J. Essay (1962) // Twentieth Century Literary Criticism. V. 56 / Ed. J. Cerito. - N. Y., 1995. - P. 373.

⁶ Автор монументальной биографии В. Вулф Хермиона Ли описывает такой факт: в сентябре 1927 г., когда В. Вулф собралась писать биографию своей подруги В. Сэквилл-Уэст, она поехала вместе с мужем критиком Л. Вулфом в Лонг Барн к Вите, где увидела сына Виты Найгеля, одетого в русский костюм. См.: Lee H. Virginia Woolf. - L., 1996. - P. 511. Леонард заметил, что он выглядит не как мальчик, а как девочка. См.: The Diary of V. Woolf / Ed. by Anne Quentin Bell. - L., 1980. - V. 3. - P. 157. Возможно, что это впечатление подсказало Вулф и мотив перехода главного героя из одного пола в дру-

гой, и сам образ русского мальчика/девочки для первой главы.

⁷ См.: *Lee H. Virginia Woolf*. - L., 1996. - P. 271.

⁸ Эссе А. Беннетта, написанное в 1928 г., цит. по: *Twentieth Century Literary Criticism* / Ed. J. Cerito. - N. Y., 1995. - V. 56. - P. 358.

⁹ См.: *Tew P. Special Commissioned Essay on V. Woolf* // *Twentieth Century Literary Criticism* / Ed. J. Vitalec. - N. Y., 2003. - V. 128 - P. 355.

¹⁰ *Зверев А. Вулф В.* // Энциклопедический словарь английской литературы XX в. / Отв. ред. А.П. Саруханян. - М., 2005. - С. 102.

¹¹ См.: *Соколов А.* Навстречу друг другу: Россия и Англия в XVI - XVIII вв. - Ярославль, 1982. - С. 22 - 100.

¹² См.: *Россия XVI - XVII вв. глазами иностранцев: Сборник*. - Л., 1986.

¹³ "Tawny wide-cheeked monster"; "hairy sea brute"; "a dray horse" // *Woolf V. Orlando: A biography*. - Harmondsworth, 1974. - P. 36. Далее текст на английском языке цитируется по данному произведению с указанием страниц в тексте.

¹⁴ Наряд, вызывающий в памяти своей цветовой гаммой и свободным покроем костюмы Л. Бакста к балету «Шехерезада» Н. Римского-Корсакова (1910). Мы не знаем, видела ли Вулф этот балет, хотя с 1911 г. гастроль Дягилевской труппы проходила и в Лондоне. В Вулф также могла видеть эскизы костюмов Л. Бакста, которые он превратил в предмет коллекционирования. Наконец, влияние русского художника могло быть опосредованным. Европейская мода конца 1910 - 1920-х гг. находилась под сильным воздействием Л. Бакста: контрастные сочетания цветов и фактур, шаровары и туники, асимметричные драпировки перекочевали со сцены в модные ателье. См. об этом: *Гольицеу С.В.* Лев Бакст. - М., 1999. - С. 43.

¹⁵ Подробнее об этом см.: *Михальская Н.П.* Образ России в английской художественной литературе XI - XIX вв. - М., 1995.

¹⁶ "The clearness was only outward; within was a wandering flame" (p. 33).

¹⁷ "a melon, a pineapple, an olive tree, an emerald, and a fox in the snow" (p. 26).

¹⁸ "snow, cream, marble, cherries, alabaster, golden wire" (p. 32).

¹⁹ *Jouve N.M.* V. Woolf and psychoanalysis // *Virginia Woolf: The Critical Heritage* / Ed. by R. Majumbar. - L.; Boston, 1975. - P. 268.

²⁰ "English was too frank, too candid, too honeyed a speech for Sasha" (p. 33).

²¹ *Багно В.Е.* Многоликий Иванус // *Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока* / Отв. ред. В.Е. Багно. - СПб., 1998. - С. 3.

²² См.: *Литература / Ким Ле Чун, Лебедев Е.Н., Михайлов А.Д., Мулярчик А.С.* // *Образ России: русская культура в мировом контексте* / Под ред. Е.П. Чельшева. - М., 1998. - С. 138.

²³ *Solovyova N.* The National and the "Other" as a Biography of the Creative Mind: "Orlando" by V. Woolf // *Woolf across Cultures* / Ed. by N. Reingold. - N. Y., 2004. - P. 220.

²⁴ "faithless, mutable, fickle, he called her; devil, adulteress, deceiver" (p. 45).

²⁵ *Thacur N.C.* Essay (1965) // *Twentieth Century Literary Criticism* / Ed. J. Vitalec. - N. Y., 2003. - V. 56. - P. 373.

²⁶ *Зверев А. Вулф В.* // Энциклопедический словарь английской литературы XX в. / Отв. ред. А.П. Саруханян. - М., 1998. - С. 103.

²⁷ *Рейнгольд Н.И.* Русская тема и образ России в творчестве Вирджинии Вулф // *Россия и русские в художественном творчестве зарубежных писателей XVII - начала XX в.: Материалы «круглого стола» в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН (5 декабря 2006 года)*. http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=52&binr_rubrik_pl_news=196#Rein.

УДК: 821.161.1.(091)

Е.А. Бурштинская
Череповецкий государственный университет

МОТИВ СНА В ПОЗДНЕЙ ПРОЗЕ И.С. ТУРГЕНЕВА И П. МЕРИМЕ

Объектом внимания И.С. Тургенева и П. Мериме позднего периода творчества становится проблема сновидного. Обращаясь к этой теме, оба писателя выявляют соотношение сознательного и бессознательного начал в человеке. Их привлекают непознанные стороны бытия, которые во второй половине XIX в. занимали ученых и философов. В письмах Тургенева тех лет упоминается о Ч. Дарвине, И.М. Сеченове, И. Тэнне. Известно, что Тургенев посещал лекции Сеченова по физиологии, состоял в переписке с философом-позитивистом И. Тэнном, знал о работах В. Држеймса, ко-

торый возглавлял школу американской функциональной психологии, изучавшей такие субъективные психические феномены, как эмоциональные переживания, эмоциональная память.

Оба писателя, являясь сторонниками материалистической философии, понимали, что эмпирический и рациональный подходы недостаточны для изображения глубин психики. Исследуя сферу иррационального, Тургенев и Мериме не впадали в мистицизм, оставаясь на материалистических позициях. П. Мериме в статье «Иван Тургенев» отмечает, что русский

писатель «живописует физическую и моральную сторону явлений, создавая реальные картины действительности, а не фантастические эскизы». И далее: «Беспристрастие и любовь к истине – вот главная черта творчества г. Тургенева» (т. 5, с. 268)¹. Стремление к объективности повествования, к точности, лаконичности описаний свойственно стилю французского писателя.

Исследователь С.Д. Артамонов указывал, что Мериме, считая себя приверженцем материалистической философии, «избегал изысков романтической прозы, ориентируясь на строгую правду»². Обращаясь к проблеме сновидного, писатели предвосхитили научные открытия в исследовании психики человека. Позже З. Фрейд, указывая на важность сновидений в исследовании сферы бессознательного, напишет: «Условия возникновения сновидений, отношение последних к душевной жизни во время бодрствования, зависимость их от внешних раздражений во время сна, многие чуждые бодрствующему сознанию странности содержания сновидений, несовпадение между их образами и связанными с ними эффектами, наконец, быстрая смена картин в сновидении, способ их смещения, искажения и даже выпадения из памяти наяву – все эти и другие проблемы уже много сотен лет ждут удовлетворительного разъяснения»³.

В рамках статьи рассмотрим сновидное в прозе писателей в аспекте проблемы генетической памяти на материале рассказа «Сон» (1877) Тургенева и новеллы «Локис» (1869) Мериме.

Работая над созданием «Локиса», Мериме неоднократно обращался к Тургеневу за советом, о чем свидетельствует их переписка. Так, в письме И.С. Тургеневу от 22 ноября 1868 г. читаем: «Я разобрал значительную часть письма, несмотря на адский почерк. Локис – слово очень красивое, я возьму его в качестве заглавия для этой вещи, если когда-нибудь отделаю ее» (т. 6, с. 223). В письме от 3 декабря 1868 г. сообщается: «...пока новелла только в рукописи, не завершена, и ведь я и правда внес в нее уже ряд изменений. Она будет называться Локис, как Вы и советовали, с эпиграфом... Смысл, кажется, «два сапога пара» (т. 6, с. 225). В письме от 10 февраля 1869 г. Мериме делает следующее признание: «Я по Вашему совету изменил в своем медведе сцену с колдуньей и думаю, что получилось лучше. Эта штука будет называться Локис, а эпиграфом я беру жмудскую поговорку: "Мишка и Локис – два сапога пара". Михаилом зовут

джентльмена, с чьей матерью случилось известное Вам происшествие» (т. 6, с. 231).

«Сон» Тургенева и «Локис» Мериме исследуют физиологическую проблему наследственности, которая заявляет о себе на уровне бессознательного, заставляя человека совершать странные поступки. К мотиву бессилия личности перед наследственно присущими ей качествами характера и психики Тургенев обращался неоднократно. Проблематика рассказа «Сон» перекликается с произведениями «Фауст» и «Новь».

Герой «Сна», рефлектирующий мечтатель, близок Нежданову, родственен гамлетовскому типу людей, разнообразные варианты которых даны в повестях писателя 1870 – 1882 гг. Если в жанре романа Тургенев исследует сложные, противоречивые образы представителей различных слоев русского общества, то в жанре «таинственных повестей» он пытается раскрыть факторы формирования личности, более глубокие, нежели влияние эпохи и времени. Не случайно повествование рассказа «Сон», построенное на минимуме конкретно-бытовых и общественно-исторических реалий, практически лишено примет времени. Исследователь Р.Н. Поддубная указывает на отсутствие в художественной структуре «Сна» образа автора-повествователя, рассматривая эту ситуацию как «знак полной субъективности сюжетно-психологического мира произведения»⁴. В тексте «Сна» присутствуют лишь те факты биографии рассказчика, которые позволяют обрисовать психологическую ситуацию. В рассказе Тургенева исследуется состояние юной души незаконнорожденного молодого человека, мучительно ищущего встречи с отцом, которого он не знал. Сновидческий опыт позволяет ему проникнуть в тайну своего рождения. Герой серьезно относится к снам, он видит их «почти каждую ночь», «некоторые из них повторяются от времени до времени». Он «придавал им значение, считал их предсказаниями, старался разгадать их тайный смысл»⁵. Заметим, что сам И.С. Тургенев в своем личном опыте много внимания уделял сновидениям, их вещему смыслу, о чем свидетельствуют письма писателя. Разрушение грани между сном и явью создает в рассказе иллюзию галлюцинирующей действительности. «Ночному отцу» героя приписывается значение реально существующего. Он является главным действующим лицом эмпирического и сновидного пространств.

В структуре рассказа возникают явные несовпадения между вещим сном и его реализацией. Так, портрет барона более детализирован, чем описание внешности «ночного отца»:

«Мне не нравилась улыбочка, с которой господин барон меня рассматривал, не нравилось также выражение его глаз, когда он их словно вонзал в меня. В них было что-то хищное и покровительственное... что-то жуткое. Этих глаз я во сне не видел» (т. 9, с. 107). Это признание необычно тем, что именно «черные колбочие глаза» незнакомца позволяют герою узнать в нем «ночного отца». Таким образом, реальный отец изображается еще более inferнальной личностью, нежели ночной. Глаза барона отражают животную сущность его природной натуры, которая частично передается сыну по наследственной линии. О животной натуре отца героя говорится в невольной исповеди матери, которая называет человека, овладевшего ею, «хищным зверем» (т. 9, с. 110).

Дурная наследственность объясняет «странные порывы злых и преступных чувств», свойственные герою; мотивирует внезапные приступы отвращения к нему со стороны матери: «Ага! – думалось мне, – вот отчего я такой... вот когда сказывается кровь» (т. 9, с. 117).

Выросшая в связи с решением физиологической загадки проблема соотношения сознательного и бессознательного во внутреннем «я», а также проблема внерациональной страсти легли в основу таких «таинственных повестей» Тургенева, как «Рассказ отца Алексея», «Песнь торжествующей любви», «Клара Милич».

В «Локисе» Мериме так же, как и в рассказе «Сон», поставлена проблема наследственности. Странные поступки главного героя графа Шемета мотивируются звериными инстинктами, унаследованными от отца-медведя. В новелле исследуется болезнь сознания, дуализм психики. В разговоре с профессором граф заостряет внимание на проблеме двойственности человеческой природы: «Как вы объясняете, профессор, – вдруг спросил меня граф к концу обеда, – да, как вы объясняете дуализм, или двойственность, нашей природы?» (т. 2, с. 460). Разум молодого графа не в состоянии обуздать животные инстинкты, доставшиеся ему от природы. Всесторонне образованный молодой человек, знаток редких старинных книг, «любитель наук и искусств» (т. 2, с. 430) представлен в новелле как жертва биологических сил, не подвластных контролю со стороны разума. Животное начало, управляющее поведением графа, проявляется, в первых, в имени – Михаил (так славяне называют медведя). В дальнейшем рассказчик именуется его Локисом, что означает родовое имя медведя (это имя выносится в название новеллы). Во-вторых, во внешнем портрете: «В его

взгляде было что-то странное, невольно напомнившее мне взгляд человека, которого я накануне видел на дереве» (т. 2, с. 438). А в-третьих, в его алогичных поступках. Рассказчику рекомендуют графа как человека, «не лишённого некоторых странностей» (т. 2, с. 430). Мучимый страхом перед дурной наследственностью, Михаил Шемет пытается найти у профессора ответ на вопрос, почему его боятся животные: «Заметьте <...> что я никогда не бью ни лошадей, ни собак. Меня бы мучила совесть, если бы я ударил хлыстом бедное животное, не сознающее своих проступков. А между тем вы не поверите, какое отвращение внушаю я лошадям и собакам» (т. 2, с. 444). Инстинктивное начало, которое герой пытается заглушить в себе, со всей очевидностью проявляется в ситуации сна, когда «сторож ума» не подавляет порывов бессознательного влечения: «Я взглянул на графа. Глаза его были закрыты, все тело дрожало, а из полуоткрытых уст вырывались невнятные слова:

– Свежа!.. Бела... Профессор сам не знает, что говорит... Лошадь никуда не годится... Вот лакомый кусочек!..

Тут он принялся грызть подушку, на которой лежала его голова, и в то же время так громко зарычал, что сам проснулся» (т. 2, с. 458).

В отличие от тургеневского рассказа, где мотив сна является сюжетообразующим, в «Локисе» сон героя становится дополнительным средством, позволяющим проникнуть в сферу бессознательного. Этим объясняется лаконизм описания сновидческой ситуации. Читателю не представлено содержание сновидения. Он может лишь догадываться о том, что снится герою, через восприятие рассказчика.

Упоминание о словах профессора в сновидении героя подтверждает мысль о дуализме сознательного и бессознательного. Беседуя с профессором, граф соглашается с его мнением, что «животные хорошие физиономисты и что они сразу замечают, любит их человек, которого они видят в первый раз, или нет» (т. 2, с. 444). Свое согласие с профессором он выражает так: «Весьма возможно <...> Действительно, у меня нет того, что называется пристрастием к животным... Они не лучше людей...» (т. 2, с. 445). Однако ответ профессора его не устраивает, что подтверждается словами, сказанными в ситуации сна. В финале новеллы звериные инстинкты освобождаются из-под контроля разума. Растерзанная молодая графиня становится тем «лакомым кусочком», о котором бредит во сне Михаил Шемет.

Исследователь И.Л. Золотарев справедливо полагает, что проблема иррационального в прозе Тургенева и Мериме обусловлена повышенным интересом писателей «к естественным состояниям персонажей, когда герои получают возможность выразить свою сущность в природной и социальной среде»⁶. Сновидное, соотнесенное с генетической памятью, является объединительным признаком в произведениях писателей. Таинственность сновидческой прозы связана с изображением глубинных психических процессов, с взаимодействием сознательных и бессознательных начал в человеке.

УДК 882(09)

Примечания

¹ Мериме П. Собр. соч.: В 6 т. – М., 1963. Далее ссылки на это издание даются с указанием тома и страниц в тексте.

² Артамонов С.Д. П. Мериме. – М., 1974. – С. 11.

³ Фрейд З. О сновидении // Психология бессознательного. – М., 1989. – С. 310.

⁴ Поддубная Р.Н. Концепция фантастического в позднем творчестве Тургенева (идейно-художественная структура рассказа «Сон») // Восьмой межвузовский тургеневский сборник. – Курск, 1980. – С. 71.

⁵ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. – М., 1978 – 1986. Соч.: В 12 т. – Т. 9. – С. 105. Далее ссылки на это издание даются с указанием тома и страниц в тексте.

⁶ Золотарев И.Л. Фантастические произведения И.С. Тургенева и П. Мериме. – Орел, 2002. – С. 180.

А.В. Седов

Череповецкий государственный университет

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ТРЕХ ЗАВЕТОВ В ЕГИПЕТСКОЙ ДИЛОГИИ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Основу религиозно-философской системы Д.С. Мережковского составляет концепция трех заветов, определяющих вехи духовной истории человечества. Первый завет – религия Бога в мире. Ее наиболее яркое проявление – обожествляющий плоть языческий пантеизм. Второй завет – религия Бога в человеке, или явление Богочеловека, наиболее ярко воплотившееся в историческом христианстве. Сосредоточиваясь на индивидуальном духовном совершенствовании, эта тенденция становилась культом самоизолированной, уединенной личности, приводила к отречению человека от мира. Сущность Третьего завета заключается в органичном соединении двух первых заветов. Духовность соединяется с приятием мира, происходит единение человечества на основе высших нравственных принципов, Богочеловек претворяется в Богочеловечество.

Большинство исследователей художественного наследия Д.С. Мережковского сходятся в том, что эта философская схема определяет построение и композицию романов, их образную систему. Действительно, столкновение первых двух заветов определяет особенности художественной структуры произведений, во-

шедших в трилогию «Христос и Антихрист» (1896 - 1905). Изображаемые в них социальные катаклизмы представлены как следствие торжества одной тенденции при ущемлении другой. Наиболее яркие герои романов (Леонардо да Винчи, царевич Алексей, Тихон Запольский) лишь предвидят грядущий религиозный синтез и связанное с ним социально-духовное единение.

В плане концепции трех заветов рассматривались и поздние романы Д.С. Мережковского («Тутанкамон на Крите», «Мессия»), составившие так называемую египетскую дилогию. По этому поводу исследователи высказывали ценные замечания. Так, А.В. Лавров считал это произведение «попыткой сведения древнейших религий и культов к христианскому архетипу», изображением «опыта подражания еще не пришедшему Христу»¹. Еще точнее выразил эту мысль В. Ходасевич: «В прежних его книгах <...> тени умерших (языческих. – А.С.) богов протягивались далеко в христианское будущее. Идя в обратном направлении, от смерти богов к их рождению, в своих последних вещах Мережковский хочет показать, как тень Распятого задолго предшествовала Его

явлению»². Весьма интересна мысль Г.Н. Храповицкой о том, что Д.С. Мережковский видел сущностное единство языческого культа Амона и ориентированной на грядущее христианство религии Атона³. Однако исследователи сосредоточивали основное внимание на интересе писателя к миру Древнего Востока в эмигрантский период, на искажении истории в угоду своей концепции, наконец, на отражении в египетской диалогии общих особенностей художественной манеры Д.С. Мережковского. Несмотря на верные суждения о религиозном синтезе, не ставилась задача детального анализа рассматриваемых романов диалогии в этом аспекте. Мы постараемся раскрыть механизмы художественного воплощения концепции Третьего завета в египетской диалогии и высказать по этому поводу дополнительные замечания.

Интерес Д.С. Мережковского к переломным эпохам, выразившийся в трилогии «Христос и Антихрист», находит свое проявление и в египетской диалогии. Предметом изображения в ней стала катастрофа, постигшая минойскую цивилизацию («Тутанкамон на Крите»), и религиозная реформа египетского фараона Ахенатона («Мессия»), которые происходили в XIV в. до н. э. Одним из главных проявлений духовного и социального кризиса древних цивилизаций становится борьба первых двух заветов.

Сюжетную основу первой части египетской диалогии составляет судьба жрицы культа великой Матери-богини. Д.С. Мережковский проводит мысль о позитивной сущности языческого пантеизма, обращаясь к широко бытовавшим у древних народов представлениям о «золотом веке». Об этом свидетельствует чтение критским царем Идомином одной из «древних песен» во время разговора с Тутанкамоном:

Первые люди не знали бога войны и убийства, -
Знали одну милосердную Матерь, пречистую Деву;
Жертв заколаемых кровью святых алтарей не сквернили;
Все было кротко...⁴

Здесь можно увидеть синтез духовности и приятия мира. Торжество Третьего завета было для Д.С. Мережковского по сути возвращением к «золотому веку». Свидетельством духовности древних языческих культов стано-

вится для автора архетип страдающего бога, многочисленные мифологические варианты которого встречались у народов Древнего Ближнего Востока и Средиземноморья. Эта тема намечается уже в начале романа (ч. 1, гл. 1): во время разговора с Дио купец Таммузадад цитирует вавилонское космогоническое предание о боге, принесенном в жертву ради сотворения людей (с. 34). Ее продолжением становится беседа Дио с младшей подругой Эойей о боге, который «родился человеком, чтобы умереть», которого «люди убили, растерзали и разметали члены его на четыре стороны». Различные человеческие имена этого бога – «Таммуз, Озирис, Атгис, Адон ханаанский» (с. 83). Действительно, эти мифологические персонажи выполняли функцию просветителей людей и имели трагическую судьбу. Например, Озирис отучил людей от дикарского образа жизни и лодоедства, а затем был расчленен завистливым братом Сетом. Вавилонский Таммуз (Думузи) сошел в подземное царство вместо богини плодородия Иштар, чье отсутствие угрожало земле гибелью. По некоторым версиям, Таммуза убили, «размолот в кости и пустив их по ветру»⁵. У древних народов почитание этих богов было связано с языческими культами плодородия, однако наличие их сходство с Христом благодаря мотивам жертвенной гибели и воскресения. С помощью реплик героя и деталей повествования автор подчеркивает их христианские черты. Например, Таммузадад после своего рассказа отмечает: «Бог умер, чтобы человек жил. Может быть, это и значит "Отец есть любовь"?» (с. 34). Не случайно дорогу героям, идущим к святилищу великой Матери-богини, указывают путеводные крестики (ч. 1, гл. 1 - 2). Во время беседы с Дио Эойя объясняет смысл этого сакрального символа: «Да, четыре палочки – четыре конца света, куда разбросаны члены Его» (страдающего бога. – А.С.) (с. 84).

При этом важно отметить, что страдания милосердного бога указывают уже на дисгармонию мира. Согласно Д.С. Мережковскому, сосредоточенность преимущественно на плоти привела древнее язычество к деградации, к торжеству низменных страстей и эгоизма. Не случайно Таммузадад с горечью говорит о наступлении «железного века»: «Был камень, есть медь, будет железо. И тогда начнется война, не то что теперь» (с. 40). Для жестокого

прагматика царя-жреца Идомина «золотой век» – лишь древнее предание. В борьбе за власть он убил собственную мать и считает миролюбивого фараона Ахенатона сумасшедшим (ч. 2, гл. 5). Развращенная критская знать со скукой смотрит Кносское ристалище, которое по сути является кровавым жертвоприношением свирепому богу-быку, сотрясающему землю (ч. 5, гл. 1). Показательна исступленная пляска почитающих Матерь-богиню вакханок (ч. 4, гл. 4): «Что они делают?» – вглядывался Тута и все не мог понять. Вдруг показалось ему, что какое-то кровавое лохмотье между ними треплется» (с. 106). По контрасту с песней о «золотом веке» здесь святой алтарь как раз осквернен жертвенной кровью.

На этом фоне автор показывает душевную эволюцию Дио. Героиню смущают отрицательные проявления язычества. Она не может ответить на вопрос Эойи о «запахе женого детского мяса», который «возносится к Матери». У нее созревает решение отправиться вместе с посланцем Тутанкамоном в Египет. Цель ее стремлений – фараон Ахенатон, воплощающий принципы милосердия и духовности. Это решение окончательно оформляется после гибели Эойи на Кносском ристалище, и окончательный разрыв героини с деградировавшим язычеством знаменует убийство священного быка. Недаром бык является символом плодородия и земной плоти в большинстве древних культов. Интересна сама ситуация бегства в Египет. Д.С. Мережковский проецирует на нее сюжет вышеприведенного мифа об Иштар и Таммузе. От неминуемой казни героиню спасает Таммузадад. Он вместо нее восходит на жертвенный крест, выполняя функцию кроткого бога-пастуха Древней Месопотамии.

Самопожертвование Таммузадада позволяет Дио приобщиться к высшей духовности. Во второй части египетской диалогии она становится преданной ученицей Ахенатона и, записывая его учение, становится прообразом авторов Евангелий. Однако ее успех относителен. Сострадательная любовь к грешному миру для нее затмевается почитанием Богочеловека, пришедшего спасти мир. Правда плоти, приятие мира теперь отошли для нее на второй план. Свидетельством этому является эпизод трогательного ухаживания престарелой жрицы за животными возле поруганного святилища египетских Матерей-богинь (ч. 1, гл. 4). Пона-

чалу Дио воспринимает эту сцену со светлой улыбкой. Однако особого внимания заслуживает отклик на замечание жреца старой и гонимой религии Пентаура о том, что Ахенатон не знает правду Великой матери: «А может быть, и я, вечная дева, не-мать, тоже чего-то не знаю» (с. 182). Эта спонтанно возникшая мысль подтверждает окончательность выбора героини. На наш взгляд, образ Дио аккумулирует в себе борьбу двух заветов. Ее путь становится прообразом самоуглубленности, аскетизма и неприятия плоти со стороны исторического христианства. По мысли автора, одна крайность диалектически сменяется противоположной крайностью, эгоизм плоти порождает эгоизм духа.

Во второй части египетской диалогии этот конфликт наиболее ярко представлен в центральной ситуации – религиозной реформе Ахенатона. На первый взгляд может показаться, что новый, монотеистический культ солнечного божества Атона позитивно противопоставлен старому политеизму. Действительно, основные сюжетные узлы актуализируют контраст между кротостью Ахенатона и расчетливым цинизмом старой знати, возглавляемой Тутанкамоном. В связи с этим особенно показательна ситуация раскрытия заговора оппозиционных вельмож (ч. 3, гл. 4). Ахенатон любит своих врагов настолько, что щадит изблещенных изменников и по сути отдает им власть, демонстрируя христианское смирение. Весьма интересен контраст архитектурных деталей. Святилище главного языческого бога Амона находится в мрачных глубинах земной плоти (ч. 1, гл. 4). Святилище Атона находится на вершине строения в виде усеченной пирамиды (ч. 2, гл. 2). Оно обращено к небу и символизирует высокие духовные устремления фараона-реформатора.

Однако Д.С. Мережковский настойчиво подчеркивает зыбкость указанного выше противопоставления. Прежде всего, на страницах романа представлены еще сохранившиеся гуманные истоки египетского язычества. Обожествление животных для автора – проявление пантеистического, всеобъемлющего гуманизма. Об этом свидетельствуют сцены трогательной заботы Нибитуйи о тельцах умерших жужелиц (ч. 1, гл. 2) и жрицы при храме Амона о крокодиле (ч. 1, гл. 4). Подчеркивая эту особенность в «Тайне трех», Д.С. Мережков-

ский отмечал, что таким образом египетский народ «хочет слиться с творцом»⁶. В романе многократно указывается на почитание египетским язычеством Озириса, который не только олицетворяет плодородие, но и является культурным героем, жертвующим собой во имя человечества. При этом важно отметить, что египтяне часто отождествляли Озириса с богом Хонзу, сыном Богини-матери Мут и Амона – главного божества старых культов⁷. Автор неоднократно указывает на внутреннее родство внешне противостоящих религий. Во-первых, это сходство цитируемых в романе гимнов Атому и Амону, в которых подчеркивается милосердие божества (ч. 1, гл. 4, 7; ч. 2, гл. 6). Во-вторых, это такой важный религиозный символ, как «бант жизни», или «петельный крест». Он указывает на истинно божественное, на вечную жизнь⁸ и является атрибутом обоих божеств.

Наконец, в романе показана определенная односторонность и ограниченность новой религии. Несмотря на то, что великий жертвенник Атона (в отличие от святилища Амона Сокровенного) открыт внешним взорам, он достижим лишь для фараона и отчасти для его близких. Недаром Ахенатон в гимне единому божеству открыто провозглашает свою исключительность: «Ты, Отец, в сердце моем, /И никто тебя не знает, /Знаю только я, твой сын, /Ахенатон Уазнра» (с. 286). Так автор еще ярче, чем в случае с Дио, указывает на вполне определенный духовный эгоизм, гордыню главного героя. Не случайно фараон-солнцопоклонник силами государственного аппарата жестоко преследует атрибуты старой пантеистической религии. В связи с этим восставший и поющий хвалы Амону народ отстаивает не только интересы оппозиционной знати и жречества, но и позитивно значимую вековую религиозную традицию.

Однако то, что для Дио было финалом духовного пути, для Ахенатона становится исходной точкой. В связи с этим в романе прослеживается духовная эволюция героя. Ее суть заключается в отказе от собственной исключительности и гордыни, связанной с пониманием себя как единственного сына божьего. Ее результат – отказ от престола, странствия под видом нищего проповедника и реальная жертва во имя страждущего мира. Знаком этого поворотного пункта становится сон главного

героя накануне ухода. Он четко соотносится с ситуацией искушения Христа, которому Сатана на «весьма высокой горе» предлагал «все царства мира» (Матф.: 4, 8 - 10). Герой видит себя на «срезанной вершине великой пирамиды Хеопса», а «Вся пустыня кишит необозримым множеством человеческих голов <...> точно все племена и народы мира сошлись...» (с. 289 - 290). В дальнейшем Ахенатона бичуют под смех собравшейся толпы. Карнавальное развенчание, субъективно осознаваемое героем как поражение, объективно является преодолением гордыни и осознанием подлинной сути своей миссии. Знамение скорого соединения с миром становится изменение отношения к традиционным религиозным символам пантеистического язычества. Осознавая человеческое бессилие после смерти дочери, Ахенатон дает согласие похоронить ее в соответствии со старыми обрядами. Сущность своей гуманной миссии фараон сознает, обращаясь к образу звероподобного Сфинкса, являющегося «символическим олицетворением божественной природы фараона»⁹. Вспоминая историю своего деда Тутмоса, освободившего Сфинкса из песков и получившего за это царство, фараон замечает: «Так и я делаю: отрываю Бога живого из мертвых песков – мертвых сердец» (с. 281). Недаром во второй главе четвертой части отрекшийся от престола фараон проповедует свое учение простым людям в непосредственной близости от стража пустыни. Следует также отметить, что после отречения фараон проповедует под именем Баты. Бата – это герой египетской сказки, превращающийся в быка и выполняющий в сюжете функцию умирающего и воскресающего бога плодородия. Этими деталями автор подчеркивает истинную божественность героя, уже не отделенного от мира.

Итак, концепция Третьего завета находит наиболее яркое художественное воплощение через образ фараона Ахенатона. При этом важно подчеркнуть, что, в отличие от романной трилогии «Христос и Антихрист», в египетской дилогии представлены не только искания и предчувствия религиозного синтеза, но и его практическое воплощение. По всей видимости, ключом к решению этой проблемы является отмеченное выше истолкование писателем предания о «золотом веке», для которого характерно синкретическое соединение

принципов Первого и Второго заветов. Изображаемая в египетской дилогии эпоха менее отдалена от «золотого века», чем исторические периоды, представленные в романной трилогии «Христос и Антихрист».

В заключение выскажем общие соображения по поводу сближения образа Ахенатона и Христа, конкретные свидетельства которого рассматривались в наших предыдущих работах. Это сближение связано не столько с представлениями официального христианства, сколько с видением самого Д.С. Мережковского, для которого Христос не был борцом с язычеством. Он смог воплотить в себе идеи Третьего завета, однако их окончательной реализации, как и в случае с Ахенатомом, помешали трагические перипетии «железного века». Эта идея проводится позднее в романе-исследовании «Иисус неизвестный» (1932).

Примечания

¹ Лавров А.В. История как мистерия. Египетская дилогия Д.С. Мережковского // Мережковский Д.С. Мессия. – СПб., 2000. – С. 14.

² Ходасевич В. Колеблемый треножник. – М., 1991. – С. 539.

³ Храповицкая Г.Н. Три Юлиана // Филологические науки. – 1996. – № 5. – С. 16.

⁴ Мережковский Д.С. Мессия. – СПб., 2000. – С. 64. Далее цитируется по данному произведению с указанием страниц в тексте.

⁵ См.: Мифы народов мира / Под ред. С.А. Токарева. – М., 1991. – Т. 2. – С. 491.

⁶ Мережковский Д.С. Тайна трех. Египет – Вавилон. – М., 2001. – С. 217.

⁷ См.: Луркер М. Египетский символизм //http://www.Traditional Lib. narod. ru.

⁸ Там же.

⁹ См.: История Древнего Востока / Под ред. В.И. Кузищина. – М., 2001. – С. 78.

Раздел 2

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81.342.7

С.Ю. Лаврова, Е.О. Бирюкова
Череповецкий государственный университет

ИГРОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ (на материале ток-шоу «Школа злословия»)

На сегодняшний момент наблюдается своеобразное разделение современной науки о языке на две сферы - традиционное языкознание, которое по-прежнему занимается изучением языковой структуры, и нелингвистику, центральным объектом которой становится «языковая личность, т.е. человек в его способности совершать речевые поступки»¹.

Всестороннее изучение языковой личности (ЯЛ) в отечественной лингвистике связано с именем Ю. Н. Караулова, в фундаментальных трудах которого языковая личность выступает как «многослойный, многокомпонентный, структурно упорядоченный набор языковых способностей, умений, готовностей производить и воспринимать речевые произведения»². Лингвисты выделяют различные типы, структуры и аспекты изучения ЯЛ. В данной статье ставится вполне определенная задача рассмотреть поведенческий аспект конкретных языковых личностей в телевизионном дискурсе. Более того, мы попытаемся проследить, как игровое поведение телеведущих ток-шоу «Школа злословия» Татьяны Толстой и Авдотьи Смирновой формирует общий ход беседы с гостем в студии.

Полагаем, что некоторые термины требуют дополнительного разъяснения. И первое такое понятие – дискурс. До сих пор оно является многозначным в гуманитарных науках. Можно

выделить три подхода к дискурсу: формальный, семантический и прагматический. Формальное направление рассматривает дискурс как связный текст устно-разговорной формы, при этом закрепляется приоритет письменного текста над устным речевым произведением. Так, в «Кратком словаре терминов лингвистики текста» дискурс определяется Т.М. Николаевой как «многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная»³.

Семантическое направление в языкознании, одним из ярких представителей которого является М. Фуко, рассматривает как сам дискурс, так и его функции. При таком подходе дискурсом является определенная область использования языка, единство которой обусловлено наличием общих для многих людей установок. Отсюда возможно появление различных классификаций дискурса (медицинского, политического, педагогического дискурса и др.). Для М. Фуко и его последователей важным является то, *какой* и *чей* дискурс рассматривается. Тем самым данное понятие сближается с понятием «стиль». В целом для французской

школы дискурс – это «прежде всего определенный тип высказывания, присущий определенной социально-политической группе или эпохе»⁴.

Наконец, наиболее развитое прагматическое направление сочетает в себе элементы формального и семантического подходов. Главным для него является анализ речевой ситуации и процесса говорения. Как отмечает Тео ван Дейк, «дискурс – это существенная составляющая социокультурного взаимодействия, характерные черты которого – интересы, цели, стили»⁵. Прагматический подход позволяет дать ответ не только на вопрос, *какой* и *чей* текст анализируется, но и на вопрос, *для кого* и *для чего* данное речевое произведение создается.

Для нас же актуальным является то, что «структура дискурса выступает отражением (и выражением) особенностей языковой личности»⁶. Исследование строения дискурса позволяет также выявить своеобразие речевого поведения конкретного носителя языка (в нашем случае телеведущего). Отметим, что в каждом конкретном типе дискурса ЯЛ проявляет себя по-разному. Типология дискурсов на сегодняшний момент разнообразна. Н.Н. Миронова выделяет следующие основные виды дискурсов: педагогический, политический, научный, критический, этический, юридический и военный. Все перечисленные дискурсы объединяет прагматический дискурс. Исследователь также выделяет так называемый «оценочный дискурс» – «совокупность текстов, в которых реализуются аксиологические макростратегии, а оценочность в этих текстах создается под влиянием разного рода экстралингвистических факторов: политических, идеологических, ментальных, исторических, культурологических, психологических и др.»⁷ К текстам, составляющим оценочный дискурс, исследователь относит политический дискурс, критический дискурс и рекламу. Полагаем, что столь распространенный в нашей повседневной жизни телевизионный дискурс также является оценочным и прагматическим. При этом оценочность и прагматичность телевизионного дискурса напрямую зависит от того, в каком жанре осуществляется коммуникация. В нашем случае общение ведущих и телеаудитории осуществляется в жанре ток-шоу, который представляет собой разговорный жанр, современный аналог теледискуссии, заимствованный с западного телевидения. Ведущий сам задает большинство вопросов, приготовив заранее сценарий или план, согласованный с постановками и ограничениями заказчика. При

такой организации передачи практически исключается возможность возникновения в ней непредсказуемого вопроса и неожиданной информации для компетентного человека, происходит лишь актуализация уже существующей в недрах аудитории информации.

Программа «Школа злословия» является оригинальной интерпретацией жанра телевизионного ток-шоу. Можно сказать, что это – «ток-шоу наоборот». Конечно, ведущие Татьяна Толстая и Авдотья Смирнова заранее имеют определенный план передачи, но она не становится от этого стереотипной. Приведем пример того, как сами ведущие иронизируют по поводу своей предварительной подготовки к беседе с гостем:

Авдотья Смирнова. Вот вы как понимаете границу между литературой и графоманией?

Линор Горалик. Ой, это страшно, потому что я ее не понимаю, и она является, вот мысль об этой границе, является моим постоянным невротическим страхом, потому что я...

Авдотья Смирнова (смотрит в листок на столе и с разочарованием произносит). Сразу взяла и произнесла все слова, все фразы...

Татьяна Толстая (указывает пальцем на ДС и со смехом говорит ЛГ). Она готовилась, старалась!

Особый интерес представляют именно те случаи, когда возникают непредсказуемые ситуации и вопросы. Более того, «Школа злословия» тем и интересна, что иногда ни ведущие, ни аудитория, ни сам гость в студии не подозревают, как повернется ход беседы:

Ирина Хакамада. Конечно. Вы лепите мне комплекс отличницы, да.

Татьяна Толстая. Нет, никакой это не комплекс отличницы.

Ирина Хакамада. У психологов это комплекс отличницы.

Татьяна Толстая. У Вас есть психолог?

Ирина Хакамада. Мне не надо. Нет, не хочу, психолог я не уважаю.

Татьяна Толстая. Психоанализ, вообще, вон из нашей жизни.

Чем обусловлено такое положение дел? Думаем, что на непредсказуемость беседы влияет игровое поведение языковых личностей Татьяны Толстой и Авдотьи Смирновой.

Прежде чем определить суть игрового поведения, скажем, что В.И. Карасик выделяет в речевой организации человека пять аспектов: 1) языковую способность; 2) коммуникативную потребность; 3) коммуникативную компетенцию; 4) языковое сознание; 5) речевое поведение. Под речевым поведением понимается «осознанная и неосознанная система поступ-

ков, раскрывающих характер и образ жизни человека»⁸. Другими словами, в лингвистике, как и в психологии, под речевым поведением понимаются внешние проявления психической деятельности человека. Акт речевого поведения ЯЛ складывается из речевых поступков.

Можно предположить, что игровое поведение – это одна из ипостасей целостного акта речевого поведения творчески ориентированной ЯЛ. Понятие игры присутствует во всех видах деятельности человека. Игра сопровождает каждого из нас на протяжении всей жизни. Это некоторое инобытие, в котором легче социализироваться, вступить в человеческое общество. Одной из важнейших предпосылок игрового поведения ЯЛ является наличие у данной личности способности к языковой игре. Предлагаем определить, что под собой подразумевает понятие «языковая игра» (ЯИ).

Впервые этот термин употребил Л. Витгенштейн. В его философских трудах «в основу понятия языковой игры положена аналогия между поведением людей в играх как таковых и в разных системах реального действия, в которые вплетён язык»⁹. Учёный отмечает, что «языковые игры – это более простые способы употребления знаков, чем те, какими мы применяем знаки нашего в высшей степени сложного повседневного языка»¹⁰. Безусловно, взгляд Витгенштейна на ЯИ имел огромное значение для дальнейшего развития понятия ЯИ не только в философии, но и в лингвистике.

Сейчас явление языковой игры изучается с различных позиций. Достаточно полно описаны способы и типы ЯИ¹¹, имеются попытки анализа сущности данного феномена¹². Как когнитивный процесс речесмыслопорождения ЯИ рассматривает В.А. Пищальникова¹³. Однако механизм ЯИ науке пока неизвестен и лингвисты в основном работают с его внешним проявлением.

Для нас базовым является определение, предложенное В.З. Санниковым в монографии «Русский язык в зеркале языковой игры», где языковая игра рассматривается как «некоторая языковая неправильность (или необычность)... осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая»¹⁴. ЯИ – это аномалия в языке, без которой, тем не менее, невозможно дальнейшее его развитие и совершенствование. Как отмечает В. И. Шаховский: «На сегодняшний момент уже совершенно ясно, что ЯИ не является злокачественным нарушением языковых и речевых норм. Она – результат их оригинального, нестандартного варьирования

на базе креативной компетенции коммуникантов в определенном эмотивном дискурсе»¹⁵.

Особый интерес, как уже отмечалось, представляет анализ игрового поведения ЯЛ в определенном дискурсе, в нашем случае – телевизионном. Специфика телевизионного дискурса ток-шоу «Школа злословия» заключается в том, что он объединяет различные дискурсы: педагогический, этический, политический, медицинский, критический, бытовой и т.д. Здесь может возникнуть справедливый вопрос: «Почему столь разноплановые дискурсы взаимодействуют в рамках одного общего дискурса и как это происходит?» Напомним, во-первых, что телевизионный дискурс является оценочным и прагматическим, что само по себе подразумевает соприкосновение различных точек зрения и областей знания, а во-вторых, причина данного пересечения кроется в специфике рассматриваемой передачи. В гостях у Татьяны Толстой и Авдотьи Смирновой бывают политики, художники, поэты, ученые, журналисты, шоумены, режиссеры и многие другие общественные деятели. Это также подразумевает разнообразие тем и ситуаций. Так, с политиком Г. Хованской возможно разговаривать о состоянии ЖКХ в России, с режиссером П. Лунгиным – о российском и зарубежном кино, а с поэтом, прозаиком и журналистом Л. Гораликом – на темы жизни как текста и размывания границ произведения:

Татьяна Толстая. А тексты, это очень удобно, правда? Потому что можно не определять жанр. А тем более, когда текст исследуют эти там литературоведы, или они еще там себя как-то называют. Тоже, кстати, загадка. Они теперь текстом называют вообще все. Там «город как текст». «О, - думаешь, - и это сюда».

Линор Горалик. Я очень...

Татьяна Толстая. ...Жизнь как текст.

Линор Горалик. Я очень их [тексты] люблю и это доставляет мне массу удовольствия...

Но часто бывает так, что общение ведущих и гостя в студии развивается в совершенно далеком от деятельности приглашенного лица дискурсе. Получается, что шаблоны институциональных дискурсов (политического, педагогического, религиозного, медицинского и др.) используются ведущими в определенных прагматических целях. Основная же цель Татьяны Толстой и Авдотьи Смирновой одна – произвести психоанализ имиджа публичных людей, т. е. раскрыть личность с абсолютно новой стороны. И здесь особенно ярко проявляется игровое поведение ведущих. Вот один из примеров, когда общение с главным редак-

тором журнала «Книжное обозрение» А. Гавриловым в определенный момент начинает развиваться в рамках медицинского дискурса:

Авдотья Смирнова. Английская и американская десятка [книг] такая же глупость, как у нас. Согласна, не спорю и так далее. Я вот что пытаюсь понять, доктор, что с нами, объясните мне...

Каким образом мы определяем, что это именно медицинский дискурс, а не просто вопрос на медицинскую тему? По наблюдениям В.И. Карасика, для определения типа дискурса и изучения ситуации общения необходимо учитывать статусно-ролевые характеристики участников общения, условия общения, его мотивы, цели и стратегии, а также способы общения (тональность, стиль и жанр)¹⁶. В передаче с А. Гавриловым Авдотья Смирнова берет на себя роль пациента, называя гостя в студии «доктором». Здесь работает определенный фрейм, сценарий поведения, известный каждому из нас, а именно: ситуация приема у врача. Вообще, медицинский дискурс предполагает официальное общение. Шутки допустимы, но они служат для поддержания благоприятной атмосферы. Игровое, патетическое и ироническое общение в реальном медицинском дискурсе запрещается. В «Школе злословия» шаблонные сценарии этого дискурса, используемые в ироническом ключе, позволяют ведущим оценить общее состояние читающей России. Авдотья Смирнова предполагает, что десять самых популярных книг выступают для А. Гаврилова поводом для определения диагноза, как история болезни для врача. Отметим, что медицинский, или психотерапевтический, дискурс поддерживается также определенной лексикой:

Александр Гаврилов. ...Так вот это те же самые люди, которые следом за Минаевым читают Бекбидера, который все-таки получше. У него есть плохонькая, но душа. За Бекбидером читают...

Авдотья Смирнова. Но, с другой стороны, вся эта офисная истерическая сопля она везде, где ни оторви, одна и та же.

Александр Гаврилов. Ну, не совсем. Бывает сопля пожиже и погуще. Вот у Бекбидера погуще...

Татьяна Толстая (серьёзно). ...Гайморит бывает, гной...

Наконец, в каждом дискурсе существуют какие-то свои центральные концепты. Для медицинского дискурса такими концептами является пара «болезнь – здоровье». В телевизионном дискурсе «Школы злословия» эти кон-

цепты оцениваются с общих философских позиций духовного здоровья или болезни нации.

В целом использование различных институциональных дискурсов в ироническом ключе является характерной особенностью игрового поведения ведущих. При этом основной является макростратегия театрализации, карнавализации общения. Разыгрывание ролей и использование различных масок с целью выявления скрытых сторон личности гостя свойственно как Авдотье Смироновой, так и Татьяне Толстой. Пример такой игры, для которой базовой становится метафора театра, сложно привести, так как наряду с речью как таковой здесь используются и экстралингвистические средства (интонация, жесты, мимика). Но попытаемся это сделать. Вот отрывок из передачи, где гостем была Г.П. Хованская:

Галина Хованская. Рублёво-Успенское шоссе, вот этот участок как-то вот обходят, понимаете. Значит, есть собственники (произносит с нейтральной интонацией) и есть собственники (выделяет слово интонационно).

Татьяна Толстая. Конечно, ну конечно! (убедительно, эмоционально).

Авдотья Смирнова. Все же люди равны, но некоторые равнее других.

Галина Хованская. Ну, вот это как-то вот не хочется, чтобы так было.

Татьяна Толстая. Они вон кто (показывает указательным пальцем вверх, и взгляд тоже устремляет вверх, произносит эмоционально), а вы вон кто (показывает рукой вниз, взгляд опускается также вниз, произносит с пренебрежением). Ну, сравнили тоже (изображает руками весы). Вон и вон (повторяются жесты первой реплики).

Вот еще один пример:

Александр Гаврилов. Да. Такая история. Нелёгкая, нелёгкая. Я всё время вспоминаю такие перестроечные шутки о том, что самофинансирование отличается от финансирования, как самообладание от обладания.

Татьяна Толстая. Ха-ха. Понятно, т.е. «Газпром» не пришёл большими ступнями...

Александр Гаврилов. Ах, пока нет...

Татьяна Толстая. Приди-и, «Газпром»!

Отметим также, что тот или иной тип языковой игры не закрепляется за определенным видом дискурса. ЯИ в игровом поведении ведущих – это незапланированный пункт, она получается спонтанно и свидетельствует о высоком уровне языковой компетенции Татьяны Толстой и Авдотьи Смирновой.

Итак, игровое поведение ЯЛ в телевизионном дискурсе – это одна из ипостасей целостного акта речевого поведения творчески ориентированной ЯЛ. Оно имеет некоторую долю преднамеренности (телеведущие заранее на-

строены на игру), но сама языковая игра как важнейший компонент игрового поведения рождается спонтанно.

Примечания

¹ Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М., 2004. – С. 5.

² Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2003. – С. 71.

³ Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Лингвистика текста: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII / Сост., общ. ред. и вступ ст. Т. М. Николаевой. – М., 1978. – С. 467.

⁴ Цит. по: Романов А.А. К соотношению понятий дискурс vs текст в гуманитарной парадигме: обзор, оценка и размышления // Мир лингвистики и коммуникации. – 2005. – № 1. Интернет-источник: <http://www.tverlinqua.by.ru>

⁵ Цит. по: Там же. – С. 21.

⁶ Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М., 2004. – С. 6.

⁷ Миронова Н.Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56, № 4. – С. 57.

⁸ Карасик В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XX - XXI вв.: Человек и его дискурс: Сб. науч. трудов / Под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной. – М., 2003. – С. 24.

⁹ Цит. по: Козлова М.С. Идея «языковых игр» // www.student.ru.

¹⁰ Там же.

¹¹ Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999.

¹² См.: Гридина П.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.

¹³ Пищальникова В.А. Языковая игра как универсальный когнитивный механизм (к проблеме межкультурной коммуникации) // Актуальные проблемы исследования языка: теория, методика, практика общения. – Курск, 2002.

¹⁴ Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999. – С. 23.

¹⁵ Шаховский В.И. Реализация эмотивного кода в языковой игре // Мир лингвистики и коммуникации. – 2005. – № 1. Интернет-источник: <http://www.tverlinqua.by.ru>

¹⁶ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004. – С. 241.

УДК 81.342.7

Н.П. Павлова

Череповецкий государственный университет

СЛОГ В ДЕТСКОМ ЧТЕНИИ

Проблема выделения слога. Общеизвестно, что проблема выделения слога в языках неслогового строя, к которым относится и русский язык, является крайне неясной. Несмотря на то, что различные теории слога не дают вполне удовлетворительного определения сущности слога и принципов слогаделения, большинство лингвистов (Л.Р. Зиндер, В.Б. Касевич, А.А. Леонтьев, С.В. Кодзасов, О.Ф. Кривнова и др.) сходятся во мнении, что слог в русском языке представляет собой синтагматическую единицу и деление речевой цепи на слоги является универсальным. В целом, на наш взгляд, определения слога, данные в различных исследованиях, можно свести к следующему:

- слог является одной из важнейших единиц звукового строя языка;

- слог – минимальная произносительная единица, т.е. самый краткий отрезок, который можно выделить в речевом потоке [линейная (сегментная, синтагматическая) единица];

- обязательным признаком слога является контраст между его составляющими;

- обязательным элементом слога в русском языке является слоговой звук (и это не обязательно гласный!), образующий центр слога, его вершину, – суперсегментная единица;

- слог служит полем реализации сегментных и суперсегментных признаков;

- слог выступает как минимальная единица восприятия речи.

Экспериментальные исследования Л.В. Бондарко доказывают, что слог не простая комбинация гласного с согласным, а именно произносительная единица¹. Это означает, что при артикулировании слога каждый человек не произносит по отдельности составляющие этот слог звуки, а определенным образом объединяет их.

Слог в речи носителей языка. В естественной речи носителя языка практически никогда (за исключением особо утрированного произношения) не наблюдается «ритмического расчленения речи», т.е. скандирования того

или иного отрезка речи. Данное явление, как правило, является искусственным. Однако любой школьник среднего звена легко определит, что в слове «ласточка» 3 слога, а в слове «секрет» 2 слога. Отсюда вывод: слог – некое единство с гласным в качестве ядра – представляет собой известную реальность для говорящих. Именно на слоги, а не на звуки распадается звуковая цепь. Произносительная целостность слога доказывается наблюдениями за больными некоторыми видами афазии: в случае видимой патологии, когда нарушается плавность речи, распада слога на отдельные звуки не происходит. Поэтому когда говорят или пишут, что речь распадается на слоги, видимо, предполагается следующее: носитель языка, обладая интуицией (чувством языка), разбивает слово на некие дискретные единицы (сегменты, «слоговые кванты», по А.А. Леонтьеву), в каждой из которых содержится слоговой звук². В то же время это деление носит весьма произвольный характер: ла-сточ-ка, лас-точ-ка, ла-сто-чка, лас-то-чка. С.В. Кодзасов находит описанному явлению объяснение, лежащее в рамках фонологии. Он придерживается той точки зрения, что носители всех языков ощущают гласные и вокализованные сонорные как особые участки звуковой цепи, как вершины звучности, задающие ритмический скелет слова. Эти вершины и являются ориентирами при скандировании³. Отмеченные нами факты слогаделения во время освоения ребенком грамоты убедительно доказывают, что детям значительно легче выделить слог, а не звук, соответствующий определенной фонеме. Так, в процессе письма наблюдается внутреннее проговаривание, «прошептывание» ребенком слова «про себя» послоговым способом, что в значительной степени способствует анализу слова для его последующего чтения или написания.

Строение слога. Как уже отмечалось, слог – это сочетание слогового звука с неслоговым. В русском языке встречаются разнообразные типы строения слога, однако большинство лингвистов традиционно в качестве слогового звука называют гласный, а в качестве неслогового – согласный. При этом слоги типа СГ (где С – согласный, Г – гласный) называются в качестве элементарной слоговой модели, поскольку они есть во всех известных языках, в которых есть слогаделение. Кроме того, данной слоговой структуре соответствует и «первослог» ребенка. В лепете пяти-шестимесячного ребенка происходит слоговая гимнастика, формируется физиологический механизм слогаобразования, автономный по отно-

шению к другим речевым механизмам⁴. Попутно отметим, что считать произносимые ребенком звуки согласными и гласными можно только условно, это лишь внешнее подобие звуков, что отмечают большинство исследователей детской речи. Однако именно в лепете определяется синтагматическая организация речи: возникает структура слога, поток речи распадается на слоговые кванты, несколько позднее появляется ранний эквивалент слова – последовательность слогов, объединенных акцентуацией и мелодикой. Их ритмическая стабильность еще раз свидетельствует об универсальности слогов типа СГ. В целом в русском языке немногим более трехсот разных открытых слогов, которые повторяются столь часто, что составляют наибольшее количество встречающихся в текстах слогов. Кроме того, подсчеты в текстах показали, что по своей структуре с учетом гласных (Г – любой гласный) и согласных (С – любой согласный) слоги распределяются следующим образом: открытые слоги типа Г, СГ, ССГ составляют около 78 % всех встречающихся слогов, тогда как закрытые слоги типа ГС, ГСС и т.д. – всего 22 %. Таким образом, выявляется тенденция русской речи к открытому слогу. Особая распространенность слогов СГ и ССГ в русской речи обязательно должна учитываться при решении теоретических и практических задач, в частности при обучении грамоте детей дошкольников (не только чтению, но и письму).

Наблюдения за слоговым составом слов в процессе чтения. Реализация принципа выделения слога в ходе чтения детей дошкольного возраста представляет большой интерес как в теоретическом, так и в практическом плане. Прежде всего, это расширяет наши представления об общей картине развития речи и мышления в онтогенезе. В теоретическом плане изучение процесса освоения чтения детьми позволяет выявить особенности организации графической и орфографической системы русского языка. Исследование этих закономерностей важно и для решения проблемы возрастных возможностей и особенностей усвоения теоретических знаний в дальнейшем, в период школьного обучения. Кроме того, в плане практического исследования дает возможность наметить пути целенаправленной подготовки дошкольников к обучению чтению. Понять факты неоднозначного слогаделения помогают наблюдения за процессом чтения детьми дошкольниками. В нашем эксперименте участвовало 8 детей в возрасте 5 - 6 лет, умеющих читать. Наблюдения проводились на базе ДООУ

№ 127 г. Череповца. В тексте, предложенном для чтения детям, имеется 64 слога типа СГ или ССГ, объединенные в 24 фонетических слова. Слоги выделены на основании подхода Л.В. Бондарко⁵. Всего дети смогли выделить 504 открытых слога (типа СГ или ССГ).

Приведем текст полностью: На (СГ) дворе (СГ-СГ) мороз и (СГ-СГ-СГ) вьюга (ССГ-СГ). Ветер (СГ-СГ-СЬ) кружит (СГ-СГ-СЬ) хлопья (ССГ-ССГ) снега (ССГ-СГ). Смолкли (ССГ-СССГ) птички (ССГ-ССГ) голоса (СГ-СГ-СГ). Только (СГ-ССГ) дятлы (СГ-ССГ) стучат (ССГ-СГ-СЬ) по (СГ) коре (СГ-СГ) деревьев (СГ-СГ-ССГ-СЬ). Холодно (СГ-СГ-ССГ) зверям (СГ-СГ-СЬ) зимой (СГ-СГ-СЬ). Медведь (СГ-ССГ-СЬ) залег (СГ-СГ-СЬ) в берлогу (ССГ-ССГ-СГ). Лиса (СГ-СГ) залезла (СГ-СГ-ССГ) в нору (ССГ-СГ).

Дети выделяют в тексте 526 слогов, из них открытых слогов - 251 (47,7 %), закрытых - 71 (13,4 %), при этом 41 слово (21,3 %) прочитано целиком (глобально). Детское слоговое деление во многом оказывается тем зеркалом, в котором отражается существующая в лингвистике тенденция к делению слов на открытые слоги. Выделенные детьми слоги по звуковому составу зачастую не позволяют «подогнать» их в рамки какой-либо теории слога, предлагаемой традиционной лингвистикой: слоги типа з-, х-, -л-, -юга-, -ям-, -тич и др. Ребенок членит слово интуитивно, как ему представляется удобнее в ходе чтения. Особый интерес представляют для нас **дополнительные слоги**, выделенные детьми в процессе чтения (конечные слоги в словах: деревье**В**, зале**Г**, зале**З**, медведе**ДЬ**, моро**З**; начальные слоги в словах: Зверьям, Кружит, Дворе, Снега, Хлопья; срединные слоги в словах: зале**З**ла, зве**Р**ям, смо**Л**кли, смо**Л**кли и пр.).

В соответствии с традиционной лингвистической точкой зрения, сформулированной Л.В. Бондарко, дополнительные слоги в конце слова только условно можно считать элементами закрытого слога, поскольку их связь с предыдущим гласным очень слаба. По мнению большинства лингвистов, конечный согласный, особенно шумный смычный, тем более сонорный, может развивать побочную слоговость. При этом возрастает вероятность несовпадения числа слогов с числом гласных, что мы видим и в детском чтении, не только в конце слова, но и в начале, и в середине слова. Полученные нами данные таковы: всего зафиксировано 73 дополнительных слога (14,4 % от общего количества слогов в тексте). Из них 10 слогов в конце слова (1,9 %) (дополнительных «паразитических», по Л.В. Бондарко);

27 (5,3 %) дополнительных слогов в начале слова; 36 (7,14 %) дополнительных слогов в середине слова. Следует отметить, что призыв слоговости возникает не только у сонорных (16 случаев - 21,9 %), но (чаще!) у щелевых (22 случая - 30,1 %), смычных (35 случаев - 47,9 %). Полученные данные говорят о том, что в качестве слогового могут выступать согласные, находящиеся как в ударном, так и в преударном, и в заударном слогах: 14 дополнительных слогов в преударной позиции (19,1 %), 26 - в ударной позиции (35,6 %), 33 - в заударной позиции (45,2 %). При этом отмечено, что ребенок произносит эти «слоги» более старательно, иногда громче других, с повышенной длительностью. Для детей слово распадается как бы на абсолютно равные сегменты, которые одинаковы по своей динамической силе. Представляется существенным, что в большинстве случаев (34 - 46,5 %) слоговость появляется перед сонорным (19 случаев - 55,8 %) или после сонорного (15 случаев - 44,1 %). Это, видимо, происходит потому, что в сочетании «согласный + согласный» первый согласный в большей степени подвергается влиянию второго согласного. Кроме того, если звук стоит перед сонором, то он приобретает большую напряженность: щелевые звуки - долготу; звонкие взрывные - долготу смычку; глухие взрывные - придыхательность и т.д. Вследствие этого неслоговой согласный становится слоговым, что и отражается в детском чтении. В связи с этим возникает проблема слоговости/неслоговости звуков.

Проблема слоговости/неслоговости русских звуков. В русской лингвистике принято выделять слоговые (гласные) и неслоговые (согласные) звуки. Такое закрепление было обусловлено их ролью в образовании слога, поскольку обязательным признаком слога считалось наличие гласного. Однако в настоящее время такое представление слоговой структуры слова вызывает определенные возражения, поскольку не учитываются очевидные факты экспериментальной фонетики и игнорируются некоторые логические противоречия. В частности, достаточно убедительными (в рамках традиционного подхода!) являются факты, доказывающие, что в русском языке слоговыми могут быть соноры, что мы видим и в детском чтении. В этом плане показательно следующее рассуждение В.А. Белоусова: «...слоги, состоящие только из одних согласных звуков, не такая уж редкость в современном русском языке. Иногда они встречаются даже в положении между паузами. Различие же подобных слогов в слове затруднено из-за краткости и

малозвучности, благодаря чему складывается иллюзия принадлежности к слогам с большей степенью звучности⁶. Не касаясь принципов слогаделения в русском языке, считаем вполне убедительным вывод исследователей о том, что согласные также могут быть слоговыми. Однако они могут быть и неслоговыми, тогда как гласные всегда являются только слоговыми и не могут быть неслоговыми. А это значит, что гласные и согласные различаются не тем, что первые - слоговые, а вторые - неслоговые, а тем, что гласные в русском языке не могут быть неслоговыми. Именно признак неслоговости и оказывается тем, что отличает класс согласных звуков от гласных. Так, М.А. Тулов писал: «...вопрос о гласности известного звука человеческой речи решается не столько его природою и способом образования, сколько его употреблением в языке народа, и бывают случаи, что один и тот же звук в языке одного народа играет роль гласной, в языке другого является только согласным. Даже в одном и том же языке один и тот же звук является то гласным, то согласным»⁷. Очевидно, что ребенок, наделенный языковым чутьем, ясно ощущает возможности иного слогораздела, чем это принято в традиционной лингвистике. В связи с этим нельзя не согласиться с Г.М. Богомазовым, который вслед за А.А. Леонтьевым предлагает выделять не только лингвистический, но и психолингвистический слог⁸.

Слог как психолингвистическая единица. Одна из причин безуспешности определения слога, его структуры и границ кроется в том, что слог, видимо, нельзя рассматривать только как единицу фонетическую или фонологическую. Еще в 1965 г. А.А. Леонтьев предложил рассматривать слог и как психолингвистическую единицу⁹. Нас интересует, как слог отражается не в фонетической реальности текста, а в сознании носителя русского языка - ребенка. Наши наблюдения за становлением процесса чтения у Леры Г. (5 л. 4 мес.) в течение года частично иллюстрируют высказанные предположения. С помощью таблицы слогов (СГ) девочка быстро научилась соединять согласный и гласный и читать их. В данном случае довольно четко проявляется механизм упреждения, открытый Н.И. Жинкиным¹⁰. Именно в случае чтения открытого слога можно наблюдать его действие в процессе чтения ребенком: проговорить гласный, затем с учетом произнесения гласного произнести согласный, которые обозначены соответствующими буквами. Материал говорит о том, что дети, в том числе и Лера, слова для чтения

делят по-своему: «в-в-ви-дит ни-ко-го», «ст-ст-ста-ла стала там жи-ть, жить» (чтение сказки «Теремок»). При этом деление не совпадает ни с морфемной, ни со слоговой структурой слова: ребенок ощущает слоговую дискретность слова, однако использует собственные, удобные для него модели членения, что вполне согласуется с делением слогов на два типа: глубинные и поверхностные. По этому поводу В.Б. Касевич отмечает: «В опытах по изучению интуитивного слогаделения в детской речи мы не раз отмечали выделение таких слогов: по-чь-та, А-ли-кь и т.п.»¹¹ Реальность существования глубинных структур в сознании носителя языка убедительно доказывает детское чтение. Приведем запись чтения Лерой сказки «Колобок»: «Жи-ли бы-ли с-та-рик со с-та-ру-хой. Вот и про-сит с-та-рик. Ис-пе-ки-ка мне с-та-ра-я ко-ло-бок. Да из че-го ис-пе-чь-то? Му-ки-то нет». В приведенном фрагменте 44 слога типа СГ или ССГ, что практически совпадает с количеством слогов (43) в детском чтении. Однако границы слогов не совпадают. Ребенок выделяет слог «сь» в словах «старик», «старуха», «старая» и слог «чь» в слове «испечь». Остальные слоги классифицируются девочкой преимущественно как открытые (26 слогов). Аналогичные данные мы получили и при делении Лерой слов на слоги (возраст 6 л. 4 мес.): ро-ма-шка, ма-ма, па-па, мо-ро-з, со-ба-ка, ба-бу-шка, шап-ка, за-ко-лка, у-сы, ба-л, зи-ма, на-ча-ла-сь. Из 31 встретившегося слога 30 выделены в качестве открытых. Как и при чтении, появляются дополнительные слоги: «з» в слове «мороз», «л» в слове «бал», «сь» в слове «началась». Все они стоят в конечной позиции, т.е. согласный становится достаточно самостоятельным, чтобы получить статус слога. На эти свойства русских согласных уже 50 лет тому назад обратил внимание А. И. Томсон, который писал, что русские твердые согласные в конце слова «окрашены» на ь, а мягкие - на ь (понимая под ь и ь редуцированные гласные, соответственно, заднего и переднего ряда). Думается, что к данным наблюдениям вполне приложима теория глубинных и поверхностных форм. Суть ее состоит в следующем: на роль базовой единицы для некоторого аналога глубинного уровня избирается открытый слог, и традиционные закрытые слоги предстают как двуслоги - сочетания открытых слогов, например, сонь вместо сон. Эта точка зрения имеет серьезные основания, потому что она базируется на реальных фактах речевого поведения. Появление дополнительных слогов (в терминологии В.Б. Касевича - «лишних», Л.В. Бондарко -

«паразитических») можно объяснить тем, что на глубинном уровне речь представлена как последовательность одних лишь открытых слогов, а на другом — поверхностном — «лишние» слоги ликвидируются путем устранения нефонологических гласных типа нейтрального ь. Отсюда допускается разновариантная возможность деления слов, в том числе и при чтении: смо-лки и смол-кли, бел-ка и бел-ка, т.е. «лт» и «кь» - на глубинном уровне самостоятельные единицы, обладающие слоговостью. При этом на поверхностно-слоговом уровне они могут примыкать к любому из соседних слогов. В то же время, как отмечает В.Б. Касевич, введение глубинно-слогового уровня данного вида еще не решает всех проблем установления слоговых границ. Для решения этих проблем он предлагает обратиться к понятию интерференции, исходя из которого возможно предположить, что слоговые структуры и, следовательно, их границы могут принимать различный вид в зависимости от степени интерференции слога с единицами знаковых уровней, а последняя, в свою очередь, связана со степенью овладения языком вообще и сознательного овладения (в процессе обучения) в частности¹².

Итак, причины, по которым ребенок, приступающий к освоению чтения, использует различные стратегии, в том числе и при слогоразделе, могут быть разные: и звуко-буквенный путь обучения, и неразвитый артикуляционный аппарат, и отсутствие скорости зрительного восприятия, и привычка узнавать слова только при условии проговаривания. Учитывая возраст детей, можно говорить об отсутствии концентрации внимания: не может ребенок приказать себе не отвлекаться на посторонние мысли, не реагировать на отвлекающие факторы. Кроме того, следует учитывать многие когнитивные процессы: оперативность

мышления — способность быстро переключаться с одного вида мыслительной деятельности на другой; скорость мыслительных процессов — умение систематизировать, классифицировать, группировать, структурировать, обобщать, конкретизировать информацию в ускоренном режиме; зрительную, слуховую, смысловую, двигательную память; наглядно-образную память и пространственное воображение; понимание слов и значений в их взаимосвязи; богатство лексикона и т.д. Однако не учитывать логику индивида, не считаться с фактами детской речи в процессе чтения невозможно, тем более что наличие нескольких моделей слогоделения детьми в ходе чтения может пролить свет и на существующие в лингвистике разные теории слога.

Примечания

- ¹ Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. - М.: Просв., 1977. - С. 123, 129 - 137.
- ² См.: Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. - М., 1965. - С. 86, 151 - 152.
- ³ Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. - М., 2001. - С. 454.
- ⁴ См.: Жинкин Н.И. Язык — Речь — Творчество. - М., 1998. - С. 85, 331 - 332.
- ⁵ См.: Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. - М.: Просв., 1977.
- ⁶ Белоусов В.А. «Неевклидова» фонетика. - Тула, 1991. - С. 118.
- ⁷ Тулов А.А. Об элементарных звуках человеческой речи и русской азбуке. - Киев, 1974. - С. 20 - 21.
- ⁸ См.: Богомазов Г.М. Современный русский язык. Фонетика. - М., 2001. - С. 56.
- ⁹ См.: Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. - М., 1965.
- ¹⁰ См.: Жинкин Н.И. Язык — Речь — Творчество. - М., 1998.
- ¹¹ Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. - М., 1983. - С. 111 - 114.
- ¹² Там же.

УДК 882

Т.А. Чернышева
Череповецкий государственный университет

СТРАТЕГИЯ ПЕРСУАЗИВНОСТИ В КОЛОНКЕ ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

Убеждение — это всегда и самоубеждение.
Ч. Ларсен

Вариативность целей, реализуемых в процессе речевой деятельности, предопределяет

выделение различных функционально детерминированных форм речевого общения. Цель

речевого воздействия – это определенная организация деятельности аудитории. Воздействуя на аудиторию, адресант стремится выделить факторы, влияющие на эту аудиторию, на ее деятельность, и, соответственно, избирательно воздействовать. Естественно, что такое воздействие не предполагает слепого подчинения со стороны адресата – предполагается осознанный выбор из ряда возможностей, оценка значимости предъявляемых фактов и их интерпретаций.

Тем самым, стратегия коммуникативной деятельности* связана с преобразованием происходящего в будущее. А это, в свою очередь, предполагает предъявление адресату аксиологической версии актуальной действительности, обладающей побудительным смыслом и определенной воздействующей силой. По этим предъявляемым ему в процессе коммуникации интерпретациям адресат восстанавливает актуальную действительность под необходимым для автора углом зрения и с необходимой оценкой¹.

Остановимся на способах воздействия на адресата, которые характеризуют поле СМИ. А.А. Леонтьев предлагает рассмотреть три таких способа:

1. Ввод в поле значений** реципиента новых значений, сообщение новых знаний, которые могут изменить поведение и отношение к действительности реципиента. Это воздействие через информирование.

2. Изменение поля значений реципиента без ввода новых элементов, т.е. изменение понимания реципиентом событий и их связи. Это тоже информирование, но другого уровня: оно интерпретирует уже известные события.

* Коммуникативная стратегия – совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели. Составляющие коммуникативной стратегии: *коммуникативная интенция* – представление о способе объединения теоретических ходов в единое целое; *конвенция* – внеличные правила поведения в регламентированном обществом коммуникативных ситуациях; *коммуникативная цель* – стратегический результат, на который направлен коммуникативный акт; *коммуникативная перспектива* – возможность вызвать желаемые последствия в реальности. См. об этом: Клюев Е.В. Речевая коммуникация. – М., 2002. – С. 18 – 19.

** Поле значений реципиента или аудитории – это структура усвоенного человеком общественного опыта, объективная «сетка», через которую он воспринимает мир, анализирует и субъективно интерпретирует. См.: Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ. Психолингвистическая модель речевого поведения // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., 2003. – С. 79.

3. Изменение отношения реципиента к элементам поля значений без сообщения новой информации о них или об их взаимосвязи. Это воздействие через убеждение, когда реципиенту не сообщается ничего нового, но известные факты представляются в ином свете².

Успех воздействия через убеждение связан с моделированием смыслового поля реципиента (аудитории)***. Собственно, речевое воздействие в психолингвистическом плане разворачивается на базе двойного моделирования смыслового поля реципиента (наличного и желаемого его состояний), и на основе представления о соотношении смыслового поля и системы значений (поля значений) коммуникатор кодирует желаемые изменения в смысловом поле реципиента в виде сообщения³. Соответственно, коммуникатор должен уметь не только объективно выразить в словах и определенных конструкциях содержание, но и отобразить это действие оптимальным способом.

Отметим, что жанровое образование «коллонка обозревателя», выбранное для анализа, предполагает интерпретацию достаточно известных аудитории событий, поэтому в большей мере из представленной классификации нас интересует информирование через интерпретацию и убеждение. В большей мере нам интересен процесс убеждения, поскольку тексты, построенные как рассуждения, определяются через аргументацию исходного тезиса. Так, в рамках конкретного текста мы можем видеть привнесение новой информации относительно уже известных фактов и обнаружение новых взаимосвязей между элементами, общий же способ воздействия определяется нами как убеждение.

Такие формы активного и осознанного речевого воздействия адресанта сообщения на реципиента, как аргументирование, суггестивность и персуазивность, представляют интерес как для современной российской, так и для зарубежной лингвистики. Данные формы речевого воздействия являются интенционально сходными, так как нацелены в большей или меньшей степени на изменение посткоммуникативного поведения реципиента, но в то же время обладают отличительными прагматическими характеристиками. Под аргументирова-

*** Смысловое поле реципиента или аудитории – это соотносительность системы значений с выраженными в них мотивами, включенность значений в систему личности и деятельности реципиента. См.: Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ. Психолингвистическая модель речевого поведения // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., 2003. – С. 79.

нием понимают ментально-речевую деятельность, направленную на убеждение реципиента (аудитории) в истинности, вероятности или приемлемости некоторого положения, выдвигаемого адресантом⁴. Принятие данного положения может привести к изменению посткоммуникативного поведения реципиента. Термин «суггестивность», или «суггестия» (лат. *suggestio* 'внушение', 'намек') также достаточно прочно вошел в научный обиход. А.М. Свядош приводит следующее определение суггестивности: «Внушение (*suggestio*) - подача информации, воспринимаемой без критической оценки и оказывающей влияние на течение нервно-психологических процессов. Путем внушения могут вызываться ощущения, представления, эмоциональные состояния и волевые побуждения, а также может оказываться воздействие на вегетативные функции без активного участия личности, без логической переработки воспринимаемого»⁵. Иными словами, суггестивность определяется как латентное (скрытое), преимущественно вербальное воздействие на подсознание индивида.

По сути, в колонке обозревателя мы имеем дело с персуазивной коммуникацией, которая в самом общем виде определяется как ментально-речевое взаимодействие коммуникантов, реализующее попытку воздействия адресанта на ментальную сферу реципиента с целью изменения его поведения (побуждения к совершению / отказу от совершения определенных действий).

Термин «персуазивность» (нем. *Persuasion*, англ. *persuasion* ← лат. *persuasio* 'убеждение', 'уговаривание') остается относительно новым для российской лингвистики несмотря на то, что явления языка и речи, которые описываются с помощью данного термина, изучаются в рамках отечественной стилистики, лингвистики текста, психолингвистики и теории речевого воздействия (А.Н. Баранов, С.Б. Паршин, Л. Войтасик, О.С. Иссерс, Е.И. Шейгал, и др.). Как персуазивные (*persuasiv*) регулярно определяются и описываются, прежде всего, тексты, репрезентирующие рекламный дискурс, а также дискурс политической пропаганды.

Политика, по мнению А.П. Чудинова, – это всегда борьба за власть, и в ней выигрывает тот, кто лучше владеет коммуникативным оружием. Естественно, новые политические условия приводят к изменению методов коммуникативного воздействия, к осмыслению процесса моделирования смыслового поля адресата⁶. Хотя политический дискурс не является предметом пристального рассмотрения в данной работе, но, памятуя о рассуждениях

Э. Косериу по поводу самой речи как «политически нагруженной», поскольку она является знаком солидарности с другими членами общества, употребляющими тот же язык⁷, считаем возможным обратиться к персуазивной коммуникации в аспекте газетно-публицистического дискурса. Здесь персуазивность (в наших форматных рамках общественно-политической газеты и колонки обозревателя) предстает как основа коммуникативных стратегий исследуемых текстов, хотя и не относящихся в «чистом виде» к полю политического дискурса.

Исходя из посылов относительно персуазивной коммуникации в работе О.С. Иссерс, данное понятие можно определить как исторически сложившуюся, закреплённую в общественной и коммуникативной практике особую форму ментально-речевого взаимодействия индивидов, осуществляемую на базе определенных типов текста и реализующую попытку преимущественно вербального воздействия одного из коммуникантов (адресанта) на установку своего коммуникативного партнера/партнеров (реципиента/аудитории) с целью ненасильственным путем (посредством коммуникативных стратегий убеждения и «обольщения») добиться от него принятия решения о необходимости, желательности либо возможности совершения/отказа от совершения определенного посткоммуникативного действия в интересах адресанта⁸.

Адресант персуазивной коммуникации производит текст в соответствии с коммуникативной стратегией персуазивности. Коммуникативная стратегия персуазивности представляет собой диалектическое единство концептуально-тематического плана адресанта по построению своего речевого высказывания/текста и процесса творческой (вариативной) реализации этого плана, направленного на достижение персуазивной цели адресанта.

Коммуникативную стратегию персуазивности можно рассматривать с двух позиций: общей стратегии и частных стратегий. Общая коммуникативная стратегия определяется прагматической интенцией адресанта и представляет собой доминирующую функциональную характеристику персуазивного дискурса, его главную концептуально-тематическую установку с ориентацией на перлокутивный эффект, к достижению которого стремится адресант. Частные коммуникативные стратегии – это варианты реализации глобальной интенции в виде элементов содержания, включенных в пропозициональную структуру текста. Между общей и частными персуазивными

стратегиями существуют родо-видовые отношения.

Таким образом, определяя общую стратегию исследуемых текстов как персуазивную, акцентируем внимание на общих условиях протекания коммуникативного акта и рассмотрении отдельных стратегий, которые обуславливают конструирование доминантно-функциональной структуры идостиля каждого автора колонки.

Описание наиболее общих условий функционирования и развития коммуникативной стратегии персуазивности базируется, с одной стороны, на соотнесении с традиционной схемой рассмотрения коммуникативной ситуации (адресант вступает в контакт с адресатом по поводу определенного референта, используя определенный код)⁹, а с другой – на отдельных, но не менее важных моментах, определяющих специфику персуазивной стратегии.

Конвенция

Конвенциональными характеристиками коммуникации в газетно-публицистическом дискурсе оказываются: письменный характер коммуникации, периодичность выхода газеты, форматные характеристики (количество полос, расположение материалов на полосе, выделение заголовочных комплексов и пр.), публицистический стиль изложения материалов, тематические и стилистические особенности, определяющиеся жанром текстов (актуальность темы как соответствие состоянию дел на настоящий момент, ориентация в большей степени на рассуждение, чем на описание, выражение субъективных соображений и эмоций и т.д.).

Адресант

Адресант в нашем случае с точки зрения социальной конвенции инициирует ожидаемый адресатом коммуникативный акт. Инициатива эта изначально принадлежит адресанту согласно законам организации социальной иерархии (социальных ролей).

Более того, адресант учитывает следующие параметры: 1) необходимость удовлетворения информационных запросов адресата, определение круга тем и проблем, освещаемых в газетных материалах; 2) отражение многообразных оценок, эмоций, мнений с целью достижения эффективности воздействия; 3) особенности восприятия письменного текста (выра-

ботка оценки и отношения, запоминание, актуализация)¹⁰.

Адресат

Собственно, рассмотрение адресата было начато выше. Такой процесс естественен, поскольку взаимосвязь адресата и адресанта очевидна. Однако следует обратить внимание на тот факт, что, с точки зрения адресата, коммуникация с газетным текстом, в частности колонкой обозревателя, является предполагаемым актом коммуникации. Более того, эта коммуникация в большей степени зависит от потребности и возможности адресата к ее началу и продолжению. Удержать внимание, убедить посредством газетного текста можно только при условии соблюдения всех внешних и внутренних факторов, организующих ситуацию прочтения колонки обозревателя газеты «Известия» (это и ценовая политика, и форматные характеристики, и актуальность газетных материалов, и соответствие коммуникативному кодексу – критерии истинности и искренности, и идентификация личных, декларирующихся качеств и установок личности каждого обозревателя с ценностными позициями читателя).

Специфика персуазивной стратегии базируется на комплексе параметров. Во-первых, важно учитывать, по нашему мнению, точку зрения, сближающую речевое воздействие и речевое взаимодействие. Основание этому сближению положено в концепции «идентификации» К. Бурка, где предполагается идентификация говорящего и аудитории в ценностном и идеологическом планах, поскольку для коммуникации используется семиотический код (язык). Выбор символов при этом отнюдь не нейтрален¹¹. Для нас принципиально положение Ч. Ларсена, выдвигаемое на основании вышеизложенной концепции¹². Здесь убеждение понимается как совместная идентификация, которая происходит при использовании символов говорящим, причем в процессе участвуют оба – говорящий и слушающий.

Во-вторых, определение общей цели персуазивной стратегии обуславливается выделением двух отражающих существенные мотивы человеческого поведения целей: желания быть эффективным (реализовать интенцию) и необходимости адаптироваться к ситуации¹³. Эффективность воздействия – это критерий, характеризующий успешность персуазивной коммуникации. На основании определения общих и частных целей стратегии разграничиваются на основные (семантические, когнитивные) и

вспомогательные (прагматические, диалоговые, риторические). Таким образом, основной стратегией будет являться стратегия персуазивности, вспомогательными - стратегии формирования эмоционального настроения, привлечения внимания, контроля за темой и др., что позволит более подробно рассмотреть конкретные стратегические решения авторов колонки обозревателя.

В-третьих, эффективное воздействие возможно тогда, когда реципиент не осознает преднамеренности в выборе говорящим тех или иных вариантов. Соответственно, как отмечают Л. Войтасик и Р. Фуллер, задача субъекта коммуникативного воздействия заключается в сокрытии парадигматики, наличия вариантов¹⁴. Тогда адресат воспринимает языковые выражения как единственно возможные, отбрасывая внешнюю действительность¹⁵.

Тем самым, актуализируется один из принципов стратегирования, указанный О.С. Иссерс, – прогнозирование, который строится на основе представлений о речевом акте, коммуникативном воздействии и всей ситуации в целом и ведет к конструированию связного текста, оптимального для решения коммуникативной задачи говорящего¹⁶. В нашем случае эффективное воздействие связано, прежде всего, с аргументацией, так как важно не только учесть адекватные реакции адресата, но и предположить возможное непонимание сообщения, несогласие с излагаемым.

Таким образом, персуазивность оказывает той стратегией, которая «объясняет» воздействующий механизм публицистических текстов, определяет их убеждающую силу. Анализ текста на основании схемы персуазивной стратегии с учетом параметров, организующих контекст персуазивности, делает возможным моделирование «обратной связи», обоснование читательских реакций и моделирование типа читателя, на которого направлен текст,

что, в свою очередь, дает возможность корректировки текста при «непопадании» в «своего» читателя.

Примечание

¹ См.: Салмина Л.М. Интерпретация в процессе массовой коммуникации // Журналистика Поволжья: XXI век. - Казань, 2002. - С. 86 - 92.

² Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ. Психолингвистическая модель речевого поведения // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., 2003. - С. 86.

³ См.: Леонтьев А.Н. Мотивы, эмоции, личность // Психология личности. Тексты. - М., 1982. - С. 71 - 81.

⁴ См.: Алексеев А.П. Аргументация. Познание. Общение. – М., 1991.

⁵ Цит. по: Черепанова И.И. Дом колдуньи. Суггестивная лингвистика. – СПб., 1996. – С. 12.

⁶ См.: Чудинов А.П. Политическая лингвистика как научное направление // Русская языковая ситуация в синхронии и диахронии: Сб. науч. ст. / Отв. ред. К.П. Сидоренко. – СПб., 2005. - С. 134.

⁷ Косериу Э. Язык политики. – М., 1978.

⁸ См.: Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М., 2003. – С. 61.

⁹ См.: Ален Дж. Ф., Перро Р. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике (теория речевых актов). - М., 1986.

¹⁰ См.: Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. – Пермь, 2004.

¹¹ См.: Burke K. Language as symbolic action. - Berkley: University of California Press, 1986.

¹² См.: Larson Charles U. Persuasion^ reception and responsibility. Wadsworth Publishing Company. - Belmont, 1995. – С. 146.

¹³ См., напр.: Dillard J.P., Serginich. Se Harden J.M. Primary and secondary goals in the production of interpersonal influence messages // Communication Monographs. V. 56. - March, 1989.

¹⁴ Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. – L.; N.Y., 1991.

¹⁵ Войтасик Л. Психология политической пропаганды. - М., 1981.

¹⁶ Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М., 2003. – С. 93 – 100.

УДК 882

Р.Л. Смудяковская
Череповецкий государственный университет

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ФРАГМЕНТАРНОЙ ПРОЗЫ
(на материале романа А.Ф. Вельтмана «Странник»)**

Объектом анализа в статье избран роман А.Ф. Вельтмана «Странник», написанный в начале 30-х гг. XIX в. Цель работы – рассмотреть

некоторые языковые средства текстовой организации произведения, которое аккумулировало в себе жанрово-композиционные осо-

бенности как сентиментализма, так и романтизма, является замечательным образцом русской фрагментарной прозы, достаточно полно реализует идеи «нового слога» Н.М. Карамзина. Заметим, что сам термин «фрагментарность» понимается в двух смыслах: а) в качестве характеристики свободных («смешанных») жанров, традиция которых восходит к европейскому романтизму¹; б) как отрывочный, «синкопирующий» тип прозы. Роман «Странник» дает возможность выявить признаки фрагментарной прозы в обоих ее проявлениях.

Фрагментарные жанры – это результат ухода от жестких риторических жанровых канонов, настроя автора на свободное, спонтанное самовыражение, высокую степень рефлексии. Не случайно их называют «смешанными», или свободными, такими, которые «оказались идеальным вместилищем всевозможных романтических размышлений и импровизаций, гипотез и проектов, поскольку давали пишущему практически полную формальную свободу и в то же время сохраняли постоянную теснейшую связь с реальной жизнью»². Принципы организации свободных жанров были сформулированы и реализованы в произведениях английских и немецких романтиков и связывались с устными и письменными формами речи: застольными беседами, спорами, проповедями, лекциями, дневниковыми записями, заметками на полях, конспектами, письмами, стихотворными и прозаическими отрывками. Фрагментарные жанры диалогичны по своей природе. Так, Ф. Шлегель писал: «Диалог – цепь или венок фрагментов. Переписка – диалог большего масштаба, а мемуары – система фрагментов»³. Подчеркивалась безусловная ориентация свободных жанров на живую, устную речь, что близко основной идее «нового слога» – «писать, как говорят». Свободные жанры были той средой, в которой «вызревал центральный жанр XIX столетия – роман»⁴. «Странник» А. Вельтмана удивительным образом реализует принципы организации свободного жанра. Не случайно сам автор называл свое произведение «свободным романом». Однако в отечественном литературоведении генезис «Странника» определялся по-разному.

Интерес к творчеству А. Вельтмана и непосредственно к «Страннику» возрос в 1920-е гг., когда особое внимание уделялось формальному анализу. Так, Б.М. Эйхенбаум отмечал, что 30-е гг. XIX в. – это время напряженной разработки русского литературного языка, когда одновременно не менее остро стояла проблема повествовательной формы и

жанра⁵. Интересно, что в решении этих проблем Б.М. Эйхенбаум важную роль отводил А. Вельтману, хотя и считал, что он в своем романе не свободен от влияния Л. Стерна и Ксавье де Местра. Речь шла о «литературе путешествий» (Д.С. Лихачев), столь характерной для сентиментализма. Эту мысль как будто актуализирует название произведения: одно из значений слова «странник» – путешественник. Однако, проецируя на название смысл текста, мы понимаем, что автор играет со словом, играет с читателем. Достаточно сказать, что рассказчик путешествует по карте, не выходя из дома, т.е. затевает со своим читателем литературную игру, не скрывает этого и приглашает его принять в этом участие. Само же слово «странник», вынесенное в заглавие, контаминирует сразу несколько смыслов, отмеченных в словаре В.И. Даля: «чудный, необыкновенный, особенный», «человек с чужбины, приезжий, прохожий; гость, ищущий временного приюта; вечный бродяга»⁶. Что касается значения «путешественник», то оно соотносится со словом «странствователь» и обозначает того, «кто много ездил по чужим местам»⁷. Кроме того, лексема «странник» входит в парадигму поэтического языка русских романтиков и выступает там как «некий дескриптор, способный родить целый ряд ассоциаций»⁸. Можно вести речь о том, что роман не укладывается в рамки жанра путешествий и выходит за пределы традиций сентиментализма. Б.М. Эйхенбаум обращает на это внимание и отмечает «сюжетную фрагментарность» прозы А. Вельтмана, в которой «фабула сама по себе стоит на втором плане – в большинстве случаев она как будто служит только поводом для разработки языковых и повествовательных приемов»⁹.

Еще более определенно об истоках прозы А. Вельтмана высказался А. Лежнев, подчеркнувший влияние немецкого романтизма на его творчество: «...Вельтмана (по крайней мере Вельтмана "Странника" и исторических романов) следует производить скорее от немцев, особенно от романтиков. Об этом говорит <...> преувеличенный эксцентризм его фрагментарной манеры и сама окраска его филологической учености, вступающей в общий круговорот его литературной игры»¹⁰. Что же таится за фрагментарной манерой А. Вельтмана? Прежде всего, жанрово-стилистическое разнообразие, характерное для «смешанных» жанров. А. Вельтман использует в художественном произведении в качестве субстрата материалы, собранные им за время пребывания в Бессарабии и участия в русско-турецкой вой-

не, т.е. то, что составляло «повседневную действительность»¹¹. Эта действительность приносится автором, который чрезвычайно подвижен, изменчив, ироничен, он «то стремящийся к полноте и точности эпический рассказчик, то светский болтун, то легкомысленный ухажер, то человек, переживший сердечную драму»¹². Перволичное повествование, максимально сближающее автора и героя – Странника, Александра, – позволяет расширить роль автора не только в обеспечении фабульного движения, но и внефабульного. В романе много вставных разножанровых фрагментов: стихотворные отрывки и целая стихотворная повесть о женатом обер-офицере, философская повесть «Эскандер», драматическая сцена «Октавий Август и Назон» и многое другое. К этому надо прибавить авторские отступления, комментарии. Все это как будто создается на наших глазах и с нашим участием. Автор-рассказчик в романе обладает «блуждающим воображением»¹³, что сближает его в некоторых фрагментах с повествователями из прозы Н.М. Карамзина. Влияние «нового слога» особенно ощутимо в описаниях, сохраняющих экстенсивность в использовании выразительных средств: *Посмотрите же на эту природу, обогащенную небом, на столпившиеся горы, на светлые ручьи воды живой, на эту щедрую, девственную землю, не тронутую сошником, на эти плодоносные леса, на эти испещренные цветами скаты и покрытые густою зеленью долины; на эти громады скал, на эти слои снегов, по которым можно было бы определить возраст Вселенной; на этот воздух благовонный, как роза, распустившаяся во время создания Эввы! Смотрите, смотрите, гг. читатели и милые читательницы!* (с. 154). Перед нами явный образец синтагматической прозы в понимании Н.Д. Арутюновой. И таких примеров можно привести много, что свидетельствует, как представляется, о синкретизме текстовой организации романа А. Вельтмана.

Фрагментарную прозу можно отнести к актуализирующему типу повествования, когда, по наблюдениям Н.Д. Арутюновой, происходит разрушение синтагматической иерархии¹⁴, возникает эффект кажущейся дезинтеграции текста, ориентированного на синтез в процессе восприятия. Фрагментарность проявляется уже на композиционном уровне: роман состоит из трех частей, сюжет разворачивается в течение 45 дней, текст разделен на 325 главок. Эти главки весьма лапидарны: *Л1. Я полагаю, вы заметили, что в течение последнего дня прошло двое суток? Если же не заметили, то*

это доказывает, что вы человек рассеянный, или... последнее или мне приятнее; но время мстительно! Оно заставит забыть и меня! Далее! (с. 29); *СХСIV. Как иногда приятны сумерки!.. Но, боже мой, мне не удалось сегодня пролететь с читателем и расстояния между слиянием двух математических линий!* (с. 97). Внутренняя организация фрагментарного текста связана с его интенсификацией: минимум средств при максимуме информации. При этом надо учитывать как эксплицитно представленную информацию (фактуальную), так и имплицитную – результат интерпретационной деятельности читателя. В этой связи особенно актуально замечание о том, что для фрагментарной прозы характерна «полнота слова при обрыве мысли» (О. Вайнштейн), а это возможно при ориентации на своего читателя, «не самоуспокоенного и мертвого, а живого и противодействующего» (Ф. Шлегель). Лингвистическая интерпретация фрагментарной прозы может быть связана с попыткой выявить наиболее типичные средства ее организации. Рассмотрим некоторые из них.

1. Использование высказываний сентенционного типа. Афоризмы, сентенции, которые могут быть цитатами, включаются в главку и сопровождаются короткими размышлениями: *Кто твердо решился, тот уже половину сделал, говорит пословица. Я твердо решился путешествовать кругом света и далее, если можно; вот, от моей твердой решительности, половина света уже объехана: половина света, которая пуста и незамечательна, в которую я – и заезжать не буду* (с. 9); *Торопливость носит наружность страха, небольшая медленность имеет вид уверенности», - пишет Тацит, и потому должно ехать медленнее, кто-нибудь скажет; - неправда, говорю я и продолжаю путь во всю прыть своего воображения* (с. 11); *Всякий, кто имеет права, должен ими пользоваться, иначе, со временем, он теряет их. Вследствие сего предложения я удаляюсь на время с поприща...* (с. 43).

2. Вопросительные конструкции, обеспечивающие диалогизацию монологического по форме текста. Как правило, это риторические вопросы, прагматической функцией которых является привлечение внимания адресата к сообщаемой информации: *Что за радость ехать одному и по большой дороге, и по проселочной тропинке жизни? На первой встретишь нищих духом, а на другой встретишь нищих обыкновенных, как, например, вот этот, который молит меня о милостыне* (с. 50); *Скажите, добрые мои, не противоза-*

конно ли думать, что для усовершенствования люди и все их отношения должны быть вылиты в одну форму? Отчего я встречал подобные идеи? (с. 81). Перед нами в первом случае риторический вопрос, в котором содержится суждение с утверждением противоположного, одновременно он входит в своеобразное вопросно-ответное единство, где ответ раскрывает имплицитный смысл вопроса. Во втором вопросе, отрицательном по форме, выражается положительное по смыслу суждение. Достаточно распространены фатические вопросы, служащие для установления или поддержания контакта¹⁵: *Кто этот друг? – спросите вы меня. Вдохните глубоко о том, что вы некогда любили больше всего в мире; взгляните на то, что для вас дороже всего в мире теперь; слейте эти два чувства; если от слияния их родится существо, то оно подобно будет моему другу* (с. 57); *Далее что? – Далее... красавицы накладывают на голову прозрачный ток...* (с. 83).

Заметим, что выделенные конструкции весьма активно используются в неповествовательной фрагментарной прозе А.С. Пушкина и В.Ф. Одоевского, что позволяет поставить вопрос об инвариантных (с позиций лингвистики) свойствах фрагментарных жанров. Что касается романа А. Вельтмана «Странник», то он дает возможность обратиться к явлениям экспрессивного синтаксиса, которые разнообразно в нем представлены и обусловлены актуализирующим характером прозы.

Вслед за Г.Н. Акимовой синтаксическую экспрессию мы связываем «с авторским повествованием и конструктивным принципом – различными видами синтаксической расчлененности, или ослабления синтагматических связей»¹⁶. Речь, таким образом, идет о том, что экспрессивные конструкции реализуют воздействующую функцию, усиливая авторское начало¹⁷. При этом следует иметь в виду, что ориентация на устную речь («писать, как говорят») в полной мере реализуется в «Страннике» и координируется с образом автора, не столько «чувствительным», сколько ироничным. Ирония повествователя направлена в равной мере как на себя, так и на читателя – читателя думающего, неконсервативного, готового к иронической игре, которая предлагается автором с самого начала романа. Естественно, что фрагментарная проза А.Ф. Вельтмана оказалась органичной средой бытования для структур экспрессивного синтаксиса. Обратимся к некоторым из них.

1. Сегментированные конструкции с именительным представлением.

ХСПИ. *Что за радость ехать одному и по большой дороге, и по проселочной тропинке жизни? На первой встречаешь нищих духом, а на другой нищих обыкновенных, как, например, вот этот, который молит меня о милостыне. Счастье! А что такое счастье? Глупый, нерасчетливый богач, который на бедность смотрит с презрением, сыплет деньги без пользы и без счету и, верно, подобно мне, не вынет серебряной монеты... и не скажет: прими, бедный странник!* (с. 50). Экспрессивность создается совокупностью средств: а) риторическими вопросами, один из которых содержит суждение с утверждением противоположного, а другой является фатическим; б) метафоричностью, осложненной языковой игрой с многозначным словом (*большая дорога – проселочная тропинка жизни, нищий духом – нищий обыкновенный, счастье – глупый, нерасчетливый богач, бедный странник*); в) именительным представлением, выраженным абстрактным существительным со значением чувства, отделенным восклицательным знаком, усиливающим медитативный характер главки, ее общую экспрессивность, направленность на воздействие. Кроме того, именительный предположения, находясь в середине текста, связан не только с базовым последующим предложением, но и с предшествующим фрагментом, что позволяет ему одновременно со структурной сегментацией обеспечивать ассоциативно-семантическую целостность главки. Отметим, что в романе «Странник» именительный предположения достаточно часто становится ключевым сегментом в развертывании центральной метафоры, интегрирующей главку: СХХ. *Подайте свечей! Впрочем, путь наш везде ясен. Его освещает не то обыкновенное солнце, к которому мы пригладелись и которое иногда охотно променяли бы на луну майскую; <...> но – надежда, солнце душевное!.. надежда!.. Боже, какое богатство лучей!.. сколько затмений!.. блистательное, обманчивое светило!.. светит, светит, и все ничего не видно... Темно!.. подайте свечу!* (с. 62). В этой главке очень многое свидетельствует об авторской установке на «преднамеренное воздействие» (Я. Мукаржовский), в том числе избыточность пунктуационных знаков, передающих не столько взволнованную прерывистость устной речи, сколько грустную иронию автора, возникающую благодаря ниспадающей интонации, кольцевой композиции главки, повторам. Однако актуализатором возникающих имплицитных смыслов является именительный предположения, который опре-

деляет движение внутри метафоры (солнце – надежда). Приведем еще три примера: 1) *Возвышенная любовь!.. знаю, знаю ее!.. Это, мой друг, также обыкновенная, земная любовь, но в оковах; понимаешь... (с. 90)*; 2) *О сила воображения! Представьте себе, мне кажется, что я уже в толпе красавиц Молдавии, иду по полю, очарованному их прелестью! Вот та, которая всех лучше, отдалилась от общества, я преследую ее, она останавливается, я тоже... (с. 161)*; 3) *Любовь!.. Я верю преданиям очаровательного Гезиода и страстной Сафо... Их сердца знали тебя... Я верю им: ты дочь неба и земли!.. божество и демон, ясновидящая и слепая, ад и рай, блаженство и страдание! (с. 95)*. Обозначим сходные признаки этих конструкций: 1) формы N_1 занимают инициальную позицию; 2) они внешне совпадают по интонационному и пунктуационному оформлению; 3) это отвлеченные существительные, обозначающие человеческие чувства, состояния. С точки зрения структуры они различаются характером коррелята в предложении, следующем за N_1 : в (1) и (3) это местоименные корреляты 3-го и 2-го лица соответственно, в (2) коррелят неместоименный, что не противоречит норме¹⁸. Сомнение вызывает пример (3), поскольку, по мнению А.С. Попова, коррелят в форме местоимения второго лица свидетельствует о функциональном синкретизме формы в именительном падеже, которую можно рассматривать как риторическое обращение¹⁹. С этим трудно не согласиться, но представляется более важным в контексте предлагаемого анализа, что N_1 активно участвует в структурной организации фрагментарной прозы, формирует ее экспрессивный характер.

2. Цепочки номинативных предложений.

(1) СХХV. *Смирно!.. в колонны стройсь!.. марш, марш!.. раздавалось на юге России. Быстро, как время, войска приближались к границе.*

Вот и перед моими глазами: пространная долина, зеленые камыши, болота, озера, река Прут. Мест. Фальчи на возвышенности противоположного берега. По извилистой дороге тянутся полки, обозы... Понтонный мост! До свидания, Россия! (с. 64).

(2) СХХIХ. *<...> Мир и наслаждение вступающим в обитель мою... Вы здесь как дома... Все невообразимые богатства и красоты природы к услугам вашим... Храмина воображения пространна. Вы устали? Садитесь в спокойный, роскошный трон, на котором вос-*

седал Ксеркс и смотрел на бесчисленный флот Персии. Хотите прохлады? Вот фонтан, подобный тромбу Атлантического океана, касающемуся до небес. Хотите уединения? Вот мир до создания первого человека. Хотите убежища от несчастья? Вот небо.

Все здесь есть, все, кроме начала и конца (с. 66).

(3) ССХХII. *Утро было очаровательно. За завесой туманов Балканы... отдельные холмы, белеющие скалы по долине Давно... ущелья правого берега долины Проводской; высоты над Мадардой и Шумлой, освещенные солнцем... Мечеть Козлуджйская в садах... лагерь моих читателей... Какие виды! <...> (с. 108).*

(4) ССII. *Глубоко вздохнул я и проснулся. Смотрю. Где я? – Лежу в фургоне, лошади распряженные, спокойно едят сено. Вправо лес; влево... шум... уединенная корчма... (с. 125).* Представляется, что приведенные примеры не оставляют сомнения в том, что цепочки номинативных предложений уже в первой трети XIX в. активно использовались как выразительные экспрессивные конструкции. Они формировали синтаксическую расчлененность текста, которая в тексте А.Ф. Вельтмана усиливается активным использованием многоточий, формирующих зрительное восприятие «рубленого» синтаксиса. Еще важнее то, что цепочки номинативных предложений помогали преодолеть герметичность литературного текста и впустить читателя на страницы романа, создать ощущение непосредственного, интимного общения автора и читателей, как в примере (3), где окружающая среда передается через эмоциональное восприятие субъекта, через производимое на него впечатление²⁰. Импрессивность этого фрагмента усиливается за счет монтажного (покадрового) принципа его построения. Номинативные цепочки позволяют представить картины действительности как непосредственно наблюдаемые и автором, и читателем. Этому способствуют вопросно-ответные комплексы (особенно во 2-м примере), в которых реакция представлена указательными номинативными предложениями, что создает иллюзию канонической ситуации общения, хотя читатели знают, что все происходит лишь в воображении автора (*Храмина воображения пространна*), потому что путешествие, в котором он предлагает принять участие, – это путешествие по карте. Нельзя не отметить структурное разнообразие номинативных предложений в тексте: про-

стые, распространенные, осложненные, с детерминантами.

Подведем некоторые итоги. 1. Текст романа позволяет рассматривать его и как реализацию «свободного» фрагментарного жанра, характерного для романтизма, и как актуализирующий тип прозы. 2. Роман А.Ф. Вельтмана «Странник» естественно вписывается в общеевропейские принципы литературного романтизма, ориентированные на преобладание свободных фрагментарных жанров, субстратом для которых была устная разговорная речь, благодаря чему автор произведения предстает как «человек, говорящий с людьми» (У. Вордсворт). Этому способствует игровая природа романа. 3. В романе выявляется целая система структур экспрессивного синтаксиса, позволяющая отнести произведение к актуализирующей прозе, которая характеризуется структурной расчлененностью текста, нарушением в нем синтагматических связей. 4. Роман А.Ф. Вельтмана «Странник» дает возможность наблюдать те изменения в синтаксической организации художественного текста, начало и активизация которых относится к 30-м гг. XIX в. Роман позволяет наблюдать раннюю стадию вхождения устных конструкций в авторскую речь художественных произведений, благодаря чему создаются экспрессивные синтаксические конструкции. При этом «сущность проявления экспрессии состоит в том, что конструкции становятся синтаксическим элементом художественной речи, который имеет целью не столько имитировать устную речь, сколько воздействовать на читателя»²¹. 5. Представляется несправедливым тот факт, что до сих пор не определено то место (достойное место), которое занимает роман А.Ф. Вельтмана «Странник» в истории русского литературного языка.

УДК 81'38 : 81'42

Примечания

- ¹ См.: *Вайнштейн О.Б.* Индивидуальный стиль в романтической поэтике // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. - М.: Наследие, 1994.
- ² Там же. - С. 413.
- ³ Цит. по: Указ. соч. - С. 415.
- ⁴ Там же. - С. 429.
- ⁵ *Эйхенбаум Б.М.* О литературе. - М.: Сов. писатель, 1987. - С. 257.
- ⁶ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. - М.: Русский язык, 1982. - С. 335 - 336.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Риффатер М.* Формальный анализ и история литературы // Новое литературное обозрение. - 1992. - № 1. - С. 36.
- ⁹ *Эйхенбаум Б.М.* О литературе. - М.: Сов. писатель, 1987. - С. 263.
- ¹⁰ *Лежнев А.З.* Проза Пушкина. Опыт стилистического исследования. - М.: Худ. лит., 1966. - С. 149.
- ¹¹ См.: *Акутин Ю.М.* Александр Вельтман и его роман «Странник» // А.Ф. Вельтман. Странник. - М.: Наука, 1977. - С. 282.
- ¹² *Мани Ю.В.* Автор и повествование // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. - М.: Наследие, 1994. - С. 432.
- ¹³ *Вельтман А.Ф.* Странник. - М.: Наука, 1977. - С. 10. Далее цитируется по данному изданию с указанием страниц в тексте.
- ¹⁴ *Арутюнова Н.Д.* О синтаксических разновидностях прозы // Сборник научных трудов. Вып. 73. - М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1973. - С. 183 - 189.
- ¹⁵ См.: *Линдстрем Е.Н.* Классификация русских вопросительных по форме высказываний на базе прагматически обоснованной универсальной модели: Автореф. дис... канд. филол. наук. - Петрозаводск, 2003. - С. 16.
- ¹⁶ *Акимова Г.Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. - М.: Высш. шк., 1990. - С. 100.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. *М.В. Панова*. - М., 1968.
- ¹⁹ Там же. - С. 306.
- ²⁰ См.: *Золотова Г.А.* Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста. - М., 1979. - С. 128.

Н.Т. Бушенев

Череповецкий государственный университет

К РАЗРАБОТКЕ ОСНОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ХИАЗМА

Термин *хиазм* в современной филологической науке используется преимущественно литературоведами и специалистами в области стилистики художественной речи, хотя с недавних пор его применяют в своих исследова-

ниях и синтаксисты. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой дается следующее определение хиазма: хиазм — это «фигура речи, состоящая в обратном ("крестообразном") расположении элементов двух

словосочетаний, объединённых общим членом», например: *Une blanche et deux blanches mains*¹.

Подобное же определение хиазма даёт М.Л. Гаспаров в «Литературном энциклопедическом словаре»: «**ХИАЗМ** [от гр. *chiasmus* – крестообразное расположение в виде буквы X (хи)] – обращённый параллелизм с расположением аналогичных частей в последовательности АБ – БА ("Всё во мне, и я во всём", Ф.И. Тютчев); обычно со значением антитезы: "мы едим, чтобы жить, а не живём, чтобы есть"².

Есть определённая дифференциация в понимании хиазма в стилистике художественной речи и в общем языкознании. В стилистике художественной речи и смежной с ней риторике хиазм рассматривают среди *фигур речи* (или, по-другому, *стилистических риторических фигур*). В связи с этим автор статьи о фигурах речи Ю.М. Скребнев в энциклопедии «Русский язык» рассматривает хиазм в качестве стилистической фигуры, соотносённой с параллелизмом и выводимой из него: «П а р а л л е л и з м – фигура речи, заключающаяся в тождественном синтаксическом строении двух или более смежных отрезков текста: *В каком году – рассчитывай, В какой земле – угадывай*» (Некрасов). *Х и а з м* образуется "перекрещиванием", переменной позиций повторяющихся компонентов двух смежных отрезков текста: *Мышка боится Мишки – Мишка боится мышки...*³. В сущности, такое же понимание хиазма обнаруживаем и в «Поэтическом словаре» А. Квятковского: «**ХИАЗМ...** – стилистическая фигура, заключающаяся в том, что в двух соседних предложениях (или словосочетаниях), построенных на синтаксическом параллелизме, второе предложение (или сочетание) строится в обратной последовательности членов. Иначе говоря, X. – это перекрёстное расположение параллельных членов в двух смежных предложениях одинаковой синтаксической формы. Примеры X.: *Автомодонны наши бойки, Неутомимы наши тройки* (А.С. Пушкин); *Рассудку вопреки, наперекор стихиям* (А. Грибоедов)...»⁴.

Весьма редко встречается очень узкое определение хиазма: «**ХИАЗМ...** 1) в языкознании перестановка главных частей предложения...»⁵. В современных работах по синтаксису представление о хиазме не расходится с его пониманием в стилистике, ср.: «Свобода следования синтаксических групп и стилистическая равноценность вариантов позволяют располагать компоненты предложения в соседних строках или полустихиях по способу "обрат-

ного параллелизма", т.е. во второй строке (полустихии) компоненты располагаются в обратном порядке по сравнению с первой строкой, например: *У но ч и м н о г о з в ё з д п р е л е с т н ы х, К р а с а в и ц м н о г о н а М о с к в е* (Пунк.). *Ш у м е н с а д, а к а м е н ь б е л и г у л о к* (Анн.) ...Такой распространённый в стихотворной речи способ словорасположения называется хиазмом»⁶.

Но, рассмотрев сходные или различающиеся представления о хиазме в различных областях филологической науки, мы не можем не обратить внимание и на то, что слово «хиазм» и сходное с ним внешне и по происхождению слово «хиазма» используются как термины в сферах знаний, никак не связанных с филологией. Искусствоведы хиазмом называют «...обратный параллелизм – расположение частей двух параллельных членов в обратном порядке, например в живописи и скульптуре изображение человеческой фигуры с приподнятым правым плечом и опущенным правым бедром...»⁷. Сравните сходное определение рассматриваемого термина в «Большом русском энциклопедическом словаре»: «**ХИАЗМ**, в изобр. иск-ве изображение стоящей человеческой фигуры, в к-рой тяжесть тела перенесена на одну ногу: при этом если правое плечо поднято, то правое бедро опущено, и наоборот»⁸. Термин «хиазма» в биологии (генетике) обозначает «перекрест хромосом в мейозе, при котором между ними может произойти обмен гомологичными участками»⁹.

Предварительный обзор дефиниций терминов «хиазм» и «хиазма» в различных сферах науки и искусства позволяет поставить несколько вопросов, имеющих отношение к теме, заявленной в заголовке данной статьи.

Существует ли внутренняя, сущностная связь между представлениями о хиазме в различных сферах науки (искусства) или эта связь лишь этимологическая, обусловленная единым источником происхождения термина?

Как соотносятся собственно стилистическое (функциональное) и собственно лингвистическое (системно-структурное) представления о хиазме в рамках филологической науки?

Конкретизируя предыдущий вопрос, формулируем следующий. Обязательно ли хиазм должен выполнять стилистическую нагрузку (выступать в качестве изобразительно-выразительного средства языка, фигуры речи) или же можно говорить и о других функциях хиазма, в частности о его роли в тема-рематическом членении синтаксических единиц (предложения, текста)?

Из этого вопроса – при одном из вариантов ответа на него – вытекает следующий. Свойственен ли хиазм только стихотворной речи или он охватывает обе формы художественной речи – стихотворную и прозаическую? (И только ли в художественной речи он встречается? Не может ли он встречаться в речи *нехудожественной* – официально-деловой, научной и др.?)

Не может ли хиазм иметь отношение и к устным формам речи? Если может, то в чем различие в использовании принципа обратного параллелизма (читай: хиазма) в письменной и устной формах речи и не меняются ли синтаксические построения при переходе от письменной формы речи к устной и наоборот?

Должен ли ограничиваться лингвистический анализ хиазма рассмотрением его синтаксических структур или следует обращаться также к исследованию семантических структур «крестообразно» расположенных в речи единиц?

Не обусловлено ли использование в речи хиазма особыми структурами в сознании человека (когнитивными структурами)? Но если подобная обусловленность существует, то не «подготавливается» ли хиазм внутренней речью человека, не существует ли принцип хиазма как компонент речевой способности человека?

Исследование взаимодействия структур внутренней и внешней речи (к сожалению, пока еще находящееся в зачаточном состоянии) позволило бы подойти и к рассмотрению вопроса: следует ли говорить только о внешне выраженном, «явном» хиазме, или есть основания выделять и анализировать «скрытый» и «полускрытый», «развёрнутый» и «свёрнутый» хиазм?

Наконец, существенным представляется и такой вопрос: как взаимодействует хиазм с другими стилистическими и системно-языковыми явлениями (и с какими именно), в какой внутренней связи с ними находится?

На наш взгляд, без учёта этих вопросов невозможен объективный и качественный, результативный анализ функциональных и структурных возможностей хиазма как феномена филологической науки, а также обоснованное описание структурных и семантических разновидностей данного явления.

Далее представлен наш (конечно, предварительный) анализ нескольких случаев хиазма, представленных во фрагментах текстов различных жанров из художественной и нехудожественной речи.

Рассмотрим фрагменты из стихотворных текстов.

Ни квартир законных, /ни чужих углов, /Ни колёс вагонных, /ни запечных снов... (Николай Тряпкин). В данном фрагменте представлены два одинаковых случая хиазма, пожалуй, самые элементарные и легковыделимые, тем более с учётом особого графического членения стихотворного текста, хиазматические структуры. Естественно, инвертированный порядок следования компонентов в первых частях хиазма (*квартир законных... колёс вагонных*) и прямой порядок во вторых частях хиазма обусловлен требованиями версификации (ритмом и рифмой в стихотворении). Корреляция первой и второй части каждого из хиазмов обеспечивается семантической соотнесенностью слов, выступающих одноимёнными членами предложения (*квартир - углов*: семантические отношения, близкие к синонимии; *законных - чужих*: отношения, близкие к антонимии). Средства передачи сочинительной связи (повторяющаяся союз-частица *ни...ни...* и интонация перечисления) нейтрализуют текстообразующую функцию хиазма.

Я не могу тебя забыть /И помнить не могу (Мария Петровых). Достаточно простой случай хиазма, версификационно обусловленный (зависящий от требований ритма и рифмы в стихотворении). Хиазм имеет собственно синтаксическую природу: перекрестно расположены компоненты составного глагольного сказуемого: *не могу забыть - помнить не могу*. Хиазм сочетается с лексическим повтором (*не могу*). Вторые (не повторяющиеся) компоненты хиазматической структуры представлены антонимами (следовательно, словами, семантически соотнесёнными). Во второй части хиазма наблюдается эллипсис, вследствие чего в полном виде структура второй части хиазма может быть представлена сочетанием слов *я помнить тебя не могу*, легко восстанавливаемых читателем вследствие контантного расположения частей хиазма и сочинительной связи, передаваемой союзом *и*, а также интонацией перечисления.

Ах, если б в гости пригласили, /Хотя б на миг, случайно пусть, /В чудесный дом, где кот Василий /Стихи читает наизусть (Николай Рубцов). Части хиазма представлены сочетанием незначительных слов-частиц (*хотя б - пусть*) и знаменательных слов – наречного сочетания и наречия (*на миг - случайно*). Здесь можно говорить о повторяемости (в обратном порядке) своеобразной «синтаксической структуры», поскольку частицы не являются членами предложения (в традиционном их понима-

нии). Однако, усиливая или изменяя значение слов, к которым они относятся, частицы выступают своего рода «распространителями» знаменательных слов, дифференциаторами их контекстной семантики. В таком случае можно считать, что мена позиций незнаменательного и знаменательного слов в частях хиазма – с обычного на инверсионный – представляет своего рода синтаксическую структуру. Части хиазма формируют своего рода однородный ряд, в котором одноструктурные элементы имеют и семантическую однотипность, отношения между ними могут быть сведены к видовым: частицы *хотя* *б* и *пусть* представлены в толковом словаре как синонимы, а наречия *на миг* и *случайно* представляют разные аспекты характеристики одного и того же действия (количественно-временную и качественную).

Брак – это цена, которую мужчины платят за секс; секс – это цена, которую женщины платят за брак (NN. – Душенко К.В. Большая книга афоризмов). В качестве частей хиазма выступают сложноподчинённые предложения минимальной структуры. Порядок следования компонентов в частях хиазма одинаковый, то есть хиазматическая структура построена по принципу параллелизма («прямого», не «обратного»). Но повторяющиеся в обратной последовательности в составе частей хиазма слова, используемые в разных их формах (*брак* – им. п. и *за брак* – вин. п.; *за секс* – вин. п. – *секс* – им. п.), создают контраст, а вследствие этого обратную последовательность имеют элементы семантических структур в частях хиазма. Следует отметить, что афоризмы как особый жанр минитекстов – одна из зон широкого применения хиазма, использующего лексические повторы и проявляющегося на семантическом уровне.

В заглавии труда К. Маркса «*Ницета философии*» содержится скрытый хиазм, поскольку оно представляет собой критически-полемическую трансформацию заглавия научной работы П.Ж. Прудона «*Философия ницеты*».

В связи с этим думается, что хиазм как особая структура «отношения отношений», реализующая принцип контраста и создающая его пространственное представление, может существовать и в сознании человека (в виде специфической когнитивной структуры). А в памяти могут храниться в качестве образцов, шаблонов регулярно употребляемые многими носителями языка синтаксические построения, содержащие хиазм, т.е. хиазм, вполне вероятно, может быть и прецедентным феноменом.

Голод, когда есть чем лечить, лечить нетрудно, и уже к зиме Настёна мало-помалу взялась поправляться (В. Распутин). В данном случае хиазм представлен в прозаическом тексте, он используется, на первый взгляд, как «техническое средство», с намерением избежать «монотонности», однотипности построения смежных синтаксических отрезков. Но, думается, здесь сложнее. Вероятно, хиазм как-им-то, пока неясным для нас образом участвует в коммуникативном членении предложения, и порядок следования компонентов в синтаксических построениях используется для переноса акцента с одного компонента в определенном синтаксическом построении на другой его компонент. Вероятно, в этом участвует ударение, его градация по силе. Это, несомненно, требует специального изучения.

Принцип хиазма реализуется не только в художественных, но и в нехудожественных текстах, в частности в научных. Вот пример из лингвистической работы.

Печальной памяти слово «подписанты», зародившееся в судебно-следователском жаргоне в советский период и использовавшееся в качестве средства обозначения лиц, «оставших автограф» (Э. Рязанов) под нежелательным для власти обращением, со всеми вытекающими отсюда последствиями, в толковые словари соответствующей эпохи не попало, но вошло в состав словаря «Толкового словаря конца XX века», где почему-то снабжено пометой «ироничное». Это слово неожиданно возродилось в наше время в роли средства номинации высоких лиц, участвующих в подписании договоров и соглашений» (В.В. Степанова. Слово в тексте: Из лекций по функциональной лексикологии).

В анализируемом фрагменте из научного текста имеются две хиазматические структуры (они выделены нами жирным шрифтом. – Н.Б.). Части первой структуры (*слово «подписанты» – это слово*) расположены дистантно, что исследователи, рассматривающие хиазм, считают несвойственным ему. Но тема-рема-тическое членение повествовательного текста (движение от известной информации к новой), как можно полагать, и представление в последующей фразе как известного того, что было новым в предыдущей фразе, требует изменения порядка слов, использования анафорической связи (местоимения *это*), что призвано передать инверсию элементов коммуникативных структур.

Части хиазматической структуры во втором её случае представлены распространёнными сказуемыми, расположены контактно и со-

ставляют минимальный (двухэлементный) однородный ряд. Сами сказуемые коррелируют по линии противопоставления (своего рода антонимии), а обстоятельства места связаны видо-видовыми отношениями.

Обобщая проведенные нами наблюдения над хиазмом и делая некоторые предварительные выводы о его сущностных признаках, о структурных, семантических и функциональных характеристиках, отметим следующее. Хиазм не может быть сведён лишь к фигуре речи. Данное явление представляет собой и феномен системы языка, обусловленный как отображением в тексте, при речепроизводстве, особым когнитивных структур, так и действием операционных механизмов в мыслительной и речевой деятельности. Хиазм, очевидно, представлен в различных формах, стилях и жанрах речи, хотя, вероятнее всего, характер его в тех или иных разновидностях речи может существенно различаться. «Обратный параллелизм» может проявляться и на уровне синтаксических, и на уровне семантических структур, может быть явным и скрытым. Структура и лексическое наполнение компонентов хиазма могут быть весьма разнообразными, а части его могут иметь как контактное, так и дистантное расположение. Хиазм соотносится и взаимодействует с такими явлениями системы языка и стилистики, как однород-

ность, системно-языковые связи (синонимия, антонимия, видо-видовые отношения), контраст, антитеза, повторы, параллелизм, эллипсис, тема-рематическое членение тех или иных структурных единиц языка, анафорическая связь и др. Ясно одно: хиазм как феномен языка (речи) требует глубокого и всестороннего изучения.

Примечания

¹ *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – С. 508.

² *Гаспаров М.Л.* Хиазм // Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Коженикова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – С. 482.

³ *Скребнев Ю.М.* Фигуры речи // Русский язык: Энциклопедия. – М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – С. 591.

⁴ *Квятковский А.П.* Поэтический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – С. 325.

⁵ Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Мн.: Харвест; М.: ООО «Изд-во АСТ», 2001. – С. 878.

⁶ *Ковтунова И.И.* Порядок слов // Русская грамматика. Т. II: Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – С. 214.

⁷ Новейший словарь иностранных слов и выражений. – С. 878.

⁸ Большой российский энциклопедический словарь. – М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 2006. – С. 1715.

⁹ Новейший словарь иностранных слов и выражений. – С. 878.

УДК 800.86/87

Г.Н. Межецкая, Н.А. Волкова
Череповецкий государственный университет

СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БЕЗУДАРНЫХ ГЛАСНЫХ В ЮЖНОРУССКОМ НАРЕЧИИ (тестовый материал елецких говоров)

В данной работе представлен фрагмент исследования безударного вокализма елецких говоров¹. Елецкие говоры относятся к Межзональной группе Б южнорусского наречия и распространены на территории, которая имеет границы с несколькими другими южными говорами: исторически это были территории Тульской, Тамбовской, Рязанской, Воронежской и Орловской губерний.

Известно, что на территории южнорусского наречия распространены говоры с особыми моделями предупредного вокализма – аканья и яканья, имеющими в основе механизм диссимилиации или ассимиляции гласного 1-го предупредного слога гласному в слоге под ударе-

нием². Безударный вокализм южнорусских говоров представляет для исследователя определенные трудности. При аудитивном анализе нередко довольно сложно определить качество звука, который произносится в безударной позиции. Современное описание безударного вокализма осложнено вариантностью, возникающей как следствие изменений в живой диалектной речи.

Исследуемые нами говоры характеризуются недиссимилиативным аканьем. Елецкие говоры на современном этапе относятся к числу тех южнорусских говоров, которые почти пережили процесс утраты диссимилиативного аканья³. Вместе с тем, данные Диалектологи-

ческого атласа русского языка (ДАРЯ) свидетельствуют и о встречающихся единичных случаях диссимилятивного аканья архаического (обоянского) типа на севере района⁴.

Типы различения или совпадения гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных представляет карта № 3⁵. В этом случае безударный вокализм елецких говоров отличается неоднородностью: на севере и северо-востоке района отмечено яканье диссимилятивное и ассимилятивно-диссимилятивное; на юго-западе – умеренно-диссимилятивное; на юго-востоке – умеренное.

Наши записи в некоторых населенных пунктах репрезентируют иканье как модель предударного вокализма после мягких согласных. Примечательно, что ДАРЯ не предоставляет информацию об иканье на данной территории. Вероятно, в настоящее время происходит процесс постепенной деформации яканья. Подобное явление учёные отмечают и в других говорах южного наречия. Так, в говорах Курской области наблюдается унификация фонетических явлений в системе безударного вокализма, стираются чёткие границы различных типов диссимилятивного яканья⁶. Под влиянием стандартного литературного произношения элементы иканья появляются даже в последовательно выдержанной системе диссимилятивно-умеренного яканья⁷.

В 2007 г. мы проводили записи спонтанной речи информантов в разных населенных пунктах Елецкого района Липецкой области. Настоящее экспериментальное исследование основывалось на комплексном анализе полученного материала. Поскольку рамки данной статьи не позволяют более детально представить информацию, мы ограничились одним фрагментом исследования, а именно рассмотрением единиц, в которых в первом предударном слоге гласный неверхнего подъема находился после мягкого согласного перед твердым согласным, а под ударением – гласный нижнего подъема *a*. Это, например, такие слова, как *леса, некла, сестра, плела, вязала, плясали, пятнадцать* и др.

Тестовый материал для статьи был взят из записей, сделанных в том числе в деревнях Казинка, Малые Извалы, Большой Белевец. В ходе исследования мы также сочли необходимым записать дикторов – носителей литературного произношения. Такое сопоставление необходимо для сравнения характеристик безударных гласных.

Как отмечалось выше, нечеткая артикуляция безударных гласных в южных говорах ос-

ложняет работу ученого. Поэтому в последнее время диалектологи все чаще обращаются к разнообразным программам обработки звука (Л.В. Бондарко, Р.Ф. Касаткина, С.В. Кодзасов, К. Запнок, С. Оде и др.), которые позволяют проверить фонетические явления и уточнить необходимые данные. С.С. Высотский писал: «Эти данные, менее всего зависимые от субъективных представлений исследователя, получают выражение в цифрах, графиках и т.п., что удобно для сопоставлений различного характера, поскольку здесь надежно фиксируется звуковое состояние языка в определенную эпоху и этим создается прочная основа для изучения звуковой системы как в синхроническом, так и в диахроническом плане»⁸.

Для исследования нами выбрана программа PRAAT (версия 5.0), с помощью которой можно осуществить подробный анализ звука. Каждый образец был записан в отдельный файл. Для удобства изучения спектрограммы были распечатаны в режиме до 5 кГц.

Как известно, для распознавания гласных обычно достаточно средних значений первых двух формант (F1 и F2). Форманта F1 связана с подъемом гласного, форманта F2 коррелирует с рядом. С помощью формантных соотношений можно выявить устойчивые критерии оценки акустического качества звуков речи индивидуума, в нашем случае – диалектоносителя. Полученные нами спектрограммы гласных в указанной позиции показали следующее: формантные значения безударных гласных неодинаковы у информантов – жителей различных населенных пунктов. Так, в речи информантов д. Казинка, расположенной на юго-востоке района, т.е. в зоне умеренного яканья, по данным ДАРЯ, на месте безударного гласного неверхнего подъема после мягкого согласного перед твердым согласным, после которого следует ударный *a*, зафиксирован гласный верхнего подъема *и*. Рис. 1 представляет спектрограмму гласного в слове *леса* (информант I, 1925 г.р.). Среднее формантное значение F1 на стационарном участке звучания имеет частоту 411,5 Гц; средний показатель F2 = 2129 Гц. На рис. 2 представлена спектрограмма безударного гласного в этом же слове из записи с диктором. Средние значения формант в данном случае, соответственно, 404,6 и 2259 Гц. Видно, что средние формантные значения имеют относительно близкие показатели. Низкая частота F1 в обоих случаях свидетельствует о гласном верхнего подъема. Высокие значения F2 указывают на гласный переднего ряда. Таким образом, в безударной позиции в слове *леса* мы получи-

ли в обоих случаях гласный верхнего подъема переднего ряда *и*. Если взять другие характеристики звука, то по интенсивности звук диктора более значителен – до 75 дБ по сравнению с 62 дБ звука диалектоносителя; высота тона на протяжении звука диктора возрастает от первого переходного участка ко второму – от 240 до 263 Гц. В другом случае высота тона при некоторой равномерности ниже – от 200 до 207 Гц.

Деревня Малые Извалы также находится на территории распространения умеренного яканья, на юго-востоке района. Но спектральный анализ звуков информантов в интересующей нас позиции репрезентирует гласный нижнего

подъема. На рис. 3 и 4 представлены спектрограммы гласного в безударной позиции слов *пятнадцать* и *вязали* (информант II, 1925 г.р., информант III, 1928 г.р.). Средние формантные значения гласного в слове *пятнадцать*: F1 = 820 Гц и F2 = 1843 Гц. Интенсивность – 61 дБ. Средняя высота тона, равномерная в начале звука – 306 Гц, понижается ко второму переходному участку до 276 Гц.

В слове *вязали* гласный в безударной позиции имеет среднее формантное значение F1 = 549 Гц. Показатель F2 = 1560 Гц. Интенсивность гласного – 62 дБ. Средняя высота тона – 246 Гц, понижается к концу продолжительности звука.

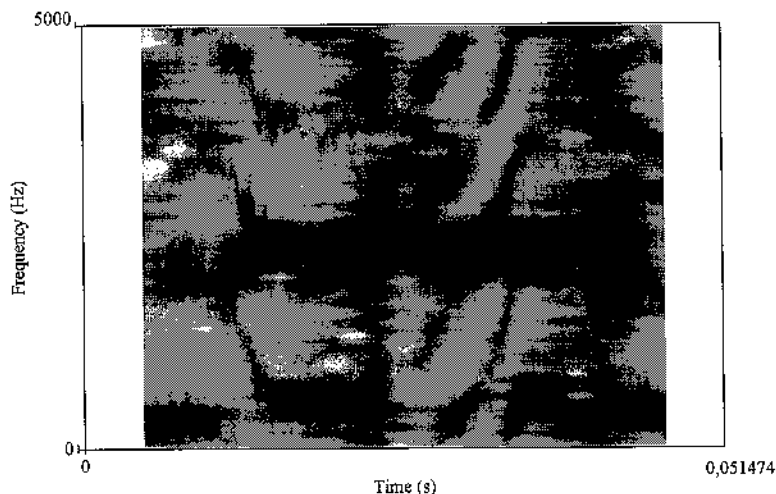

Рис. 1. Спектрограмма безударного гласного в слове *леса* (информант I, д. Казинка)

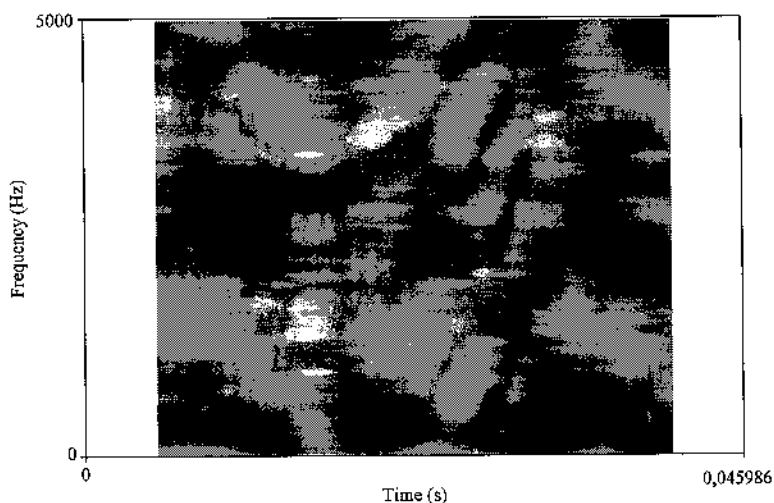

Рис. 2. Спектрограмма безударного гласного в слове *леса* (носитель литературного произношения)

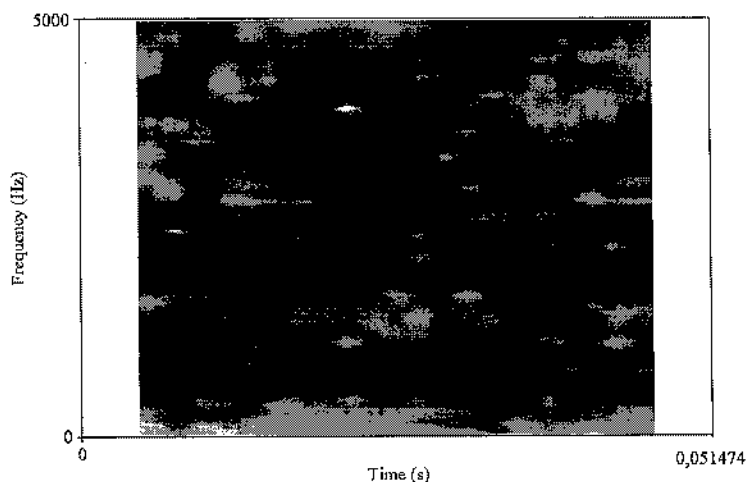

Рис. 3. Спектрограмма безударного гласного в слове *пятнадцать* (информант II, д. Малые Извалы)

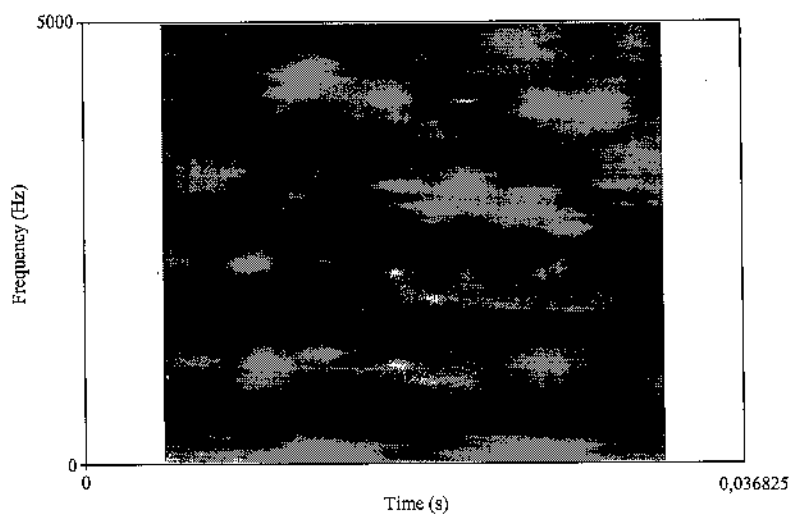

Рис. 4. Спектрограмма безударного гласного в слове *вязали* (информант III, д. Малые Извалы)

Данные показывают, что в обоих случаях в безударной позиции находится гласный нижнего подъема.

На северо-востоке Елецкого района ранее было зафиксировано яканье диссимилятивное и ассимилятивно-диссимилятивное. Нами были сделаны записи в д. Большой Белевец. В ходе эксперимента мы установили, что в исследуемой позиции у представителей старшего поколения представлен гласный нижнего подъема. На рис. 5 мы видим спектрограмму безударного гласного в слове *вязали*, на рис. 6 – в слове *некла* (информант IV, 1922 г.р.). Формантные характеристики гласного в слове *вязали*: F1 = 843 Гц и F2 = 2166 Гц. Интенсивность - 61 дБ. Высота тона равномерна по всей длительности звука - 276 Гц. В слове *некла* безударный гласный имеет похожие значения:

F1 = 888 Гц, F2 = 2008 Гц, интенсивность – 62 дБ, средняя высота - 292 Гц.

Высокое значение F1 в обоих случаях указывает на гласный нижнего подъема. А несколько завышенное значение F2 не является свидетельством другого качества гласного, а, скорее всего, может рассматриваться как следствие влияния предыдущего мягкого согласного.

На рис. 7 изображена спектрограмма гласного в слове *некла* из записи с диктором – носителем литературного произношения. Для сравнения качества звука со звуком, описанным выше, приведем его характеристики: F1 = 410 Гц, F2 = 2410 Гц, интенсивность - 72 дБ, высота понижается от 280 до 263 Гц. Данные репрезентируют гласный верхнего подъема переднего ряда *и*.

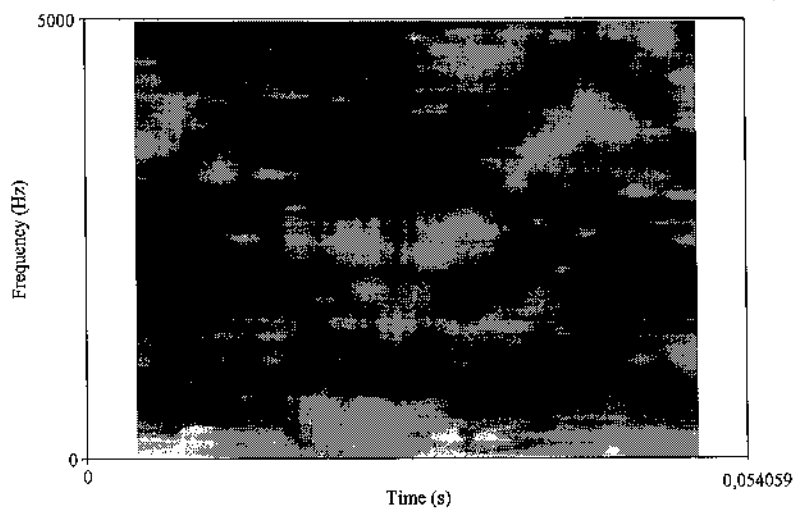

Рис. 5. Спектрограмма безударного гласного в слове *вязали* (информант IV, д. Большой Белевец)

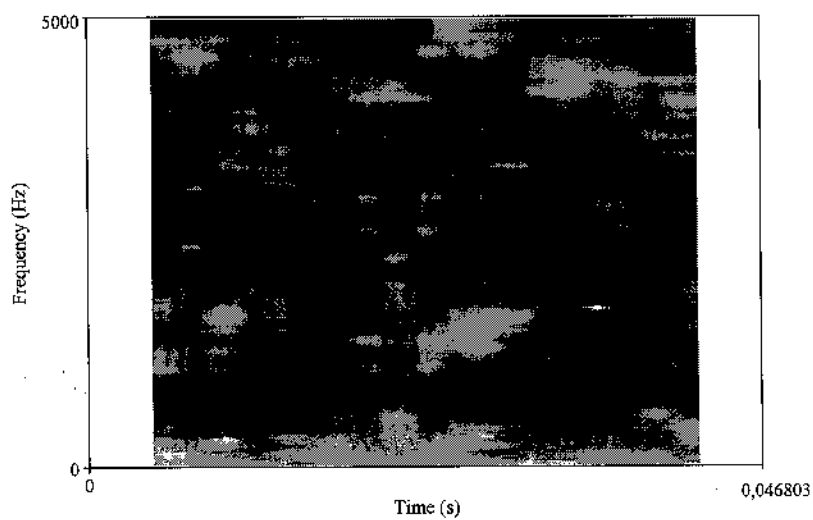

Рис. 6. Спектрограмма безударного гласного в слове *пекла* (информант IV, д. Большой Белевец)

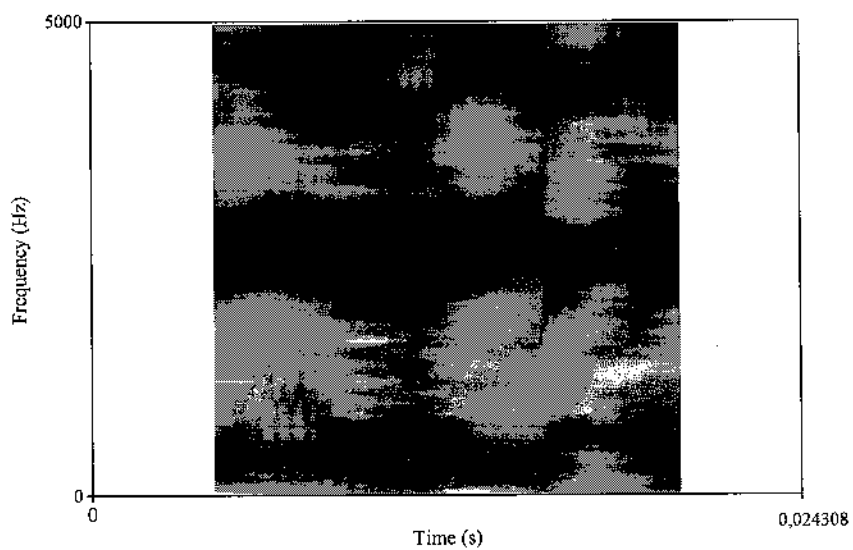

Рис. 7. Спектрограмма безударного гласного в слове *пекла* (носитель литературного произношения)

Таким образом, данные спектрального анализа позволяют идентифицировать трудноуловимые на слух звуки, которые вызывают у диалектолога наибольшее сомнение.

Примечания

¹ По материалам данного исследования был сделан доклад на XXXVII Международной филологической конференции в СПбГУ (март 2008 г.).

² См.: Просодический строй русской речи / Институт русского языка РАН. – М., 1996. – С. 236.

³ См.: Колесниченко А.К. Говоры западной части Елецкого района Липецкой области (фонетика и морфология): Автореф. дис... канд. филол. наук. – Армавир, 1955. – С. 7.

⁴ Диалектологический атлас русского языка: Центр европейской части СССР / Под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. Вып. 1: Фонетика. Карты. – М., 1986. – Карта № 1.

⁵ Там же.

⁶ См.: Волкова Н.А. Фонетика курских говоров в истории и современном состоянии: Автореф. дис... д-ра филол. наук. – М., 2004. – С. 19.

⁷ См.: Савинов Д.М. Диссимилятивно-умеренное яканье в говорах Белевского района Тульской области // Материалы исследования по русской диалектологии. I (VII): К 100-летию со дня рождения Р.И. Аванесова. – М.: Наука, 2002. – С. 72.

⁸ Высокский С.С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах (по материалам экспериментально-фонетического исследования) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. – М.: Наука, 1967. – С. 5.

УДК 802

Л.А. Цветкова
Череповецкий государственный университет

**КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ-ПУТЕШЕСТВИЯ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЕ
ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ЛЕКСИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Оценить и проанализировать существующее многообразие компьютерных программ по иностранным языкам очень трудно. Среди всего созданного на сегодняшний день программного обеспечения самыми многочисленными являются игры-путешествия, или так называемые «бродилки».

Суть игр-путешествий состоит в достижении цели путем решения задач в проблемных ситуациях. Иностранный язык в этом случае является средством достижения цели. По мере преодоления препятствий (например, попытки победить злого волшебника, найти сокровища, скрыться от врага, понять текст в волшебной книге и т.д.) обучаемый погружается в интересный сюжет. Каждая сцена приключения создает проблемную ситуацию, требующую логических рассуждений. В этих программах доминирует развлекательный элемент, но при определенной организации занятий могут быть достигнуты и конкретные методические цели, в том числе и в обучении лексике.

Программы этой группы представлены только на компакт-дисках, так как имеют большой объем. К числу таких программ относятся «В поисках утраченных слов» (компания «Новый диск», 2002), «Мир слов» (руси-

фицированная версия компании «Фаргус», 2003) и «Английский с Винни-пухом» (русифицированная версия компании «Фаргус», 2002).

Так, в программе «В поисках утраченных слов», которая, по словам разработчиков, предназначена для детей от 10 лет и старше, обучающемуся предстоит собрать страницы волшебной книги, чтобы спасти волшебное существо. Это волшебное существо было отправлено на Землю три тысячи лет назад, чтобы принести мир на планету. К несчастью, существо попало в руки злого короля Пондоса, правителя древней Арконии. Чтобы спасти волшебное существо, ученику предстоит выполнить 16 заданий, большая часть которых направлена на изучение лексики.

В основную задачу ученика входит сбор слов и составление из них страниц книги. В процессе продвижения к цели ученику предлагаются различные лексические игры, за успешное выполнение которых он получает утраченные слова книги.

Рассмотрим предлагаемые игры с точки зрения отрабатываемых в них лексических операций. При этом сами игры рассмотрим в соответствии с порядком их следования в программе.

В игре, где предлагается подобрать слово к картинке, последовательно переворачивая слова до совпадения пары, отрабатывается операция соотнесения графической формы слова со значением (рецептивный аспект).

В игре, где требуется найти названия животных на доске с буквами, отрабатывается операция идентификации и дифференциации графической формы слова (рецептивный аспект).

Операция актуализации графической формы слова (продуктивный аспект) отрабатывается в игре по восстановлению пропущенной буквы в слове.

Игра по составлению слова из букв по его звуковому образу (диктор произносит слово) направлена на тренировку операции актуализации графической формы слова по его звуковому образу (продуктивный аспект).

Слова, включенные в две последние игры, являются довольно сложными даже для учащихся средней школы, тем более для десятилетних учащихся, например: *confuse, mission*.

Довольно трудные слова (например, *hail*) включены и в игру, где требуется выбрать лишнее по значению слово. Эта игра тренирует операцию идентификации и дифференциации (рецептивный аспект).

Данная программа включает также задания на употребление лексических единиц (операция сочетания, продуктивный аспект). Это можно отметить в игре по составлению предложений из слов и по завершению предложений.

Следует отметить, что в игре по составлению предложений даются очень трудные по структуре предложения, например: "There stood a small blue creature with an antenna on his head". В игре на завершение предложений требуется подобрать нужный цвет из заданной палитры, например: "The colour of night, tar and the wheels of the car is ...".

Еще одна отрабатываемая операция – это операция соотнесения значений слов (рецептивный аспект), на отработку которой направлены две игры. В первой игре требуется найти противоположные по значению слова (антонимы), а во второй – пары мужского и женского рода, например: *man – woman, brother – sister, horse – mare, lion – lioness*.

В целом в программе много интересных заданий, но нет системы в изучении лексики. Каждый раз нужно собирать новые слова. В программе также отсутствует тщательная отработка лексики.

В поисках слов обучающийся ищет предметы буквально «на ощупь» (часто предметов не видно на экране).

Слова, включенные в программу, не соответствуют принципам частотности и коммуникативной ценности, например: *batrel, spider, web, trunk, straw, rake*.

Несмотря на яркую мультипликацию, в программе отсутствует эффективная визуальная поддержка лексического материала. Так, например, при показе мышкой на кувшин дается слово "magic", а при нажатии и на лампочку, и на выключатель дается одно и то же слово – "light".

Кроме того, тексты волшебной книги содержат очень сложные грамматические конструкции – пассивный залог ("It was sent to him in a fire carriage"), сослагательное наклонение ("A light shines from inside the egg as though there were a lamp inside").

По нашему мнению, данная программа предназначена для старшеклассников, имеющих достаточно большой лексический запас.

Поскольку программа имеет большой объем, не предусматривает использование помощи и не всегда дает сообщения о правильности (неправильности) ответа, на ее выполнение уходит большое количество времени (до нескольких часов), что является нарушением санитарно-гигиенических норм при работе за компьютером.

В программе много дополнительных заданий, не связанных с изучением иностранного языка. Например, обучающемуся требуется запомнить, в какой последовательности загорелись свечи или ступени, ведущие ко дворцу короля Пондоса. Недостатком программы является также отсутствие статистики по результатам обучения.

Среди преимуществ данной программы следует отметить наличие встроенного словаря; яркую мультипликацию (картинки прямо оживают на глазах); озвучивание всех слов с возможностью прослушать их неограниченное количество раз; занимательный сюжет, способствующий повышению мотивации обучаемых (попасть во дворец короля Пондоса); удобное удаление программы.

В программе «Мир слов» обучающийся отправляется в приключение, во время которого ему предстоит сделать несколько остановок. Эти остановки представляют собой игры со словами. Рассмотрим эти игры с точки зрения отрабатываемых операций с лексическими единицами.

Прежде чем отправиться в путешествие, ученику предлагается расставить в алфавитном порядке слова (отрабатывается операция идентификации и дифференциации в рецептивном аспекте). Игра также требует знания английского алфавита.

В игре «Сыр и дырки» происходит отработка операции идентификации и дифференциации графической формы слова (рецептивный аспект). В игре даются задания следующего вида: «Бей по заглавным (строчным) буквам»; «Бей по словам, начинающимся с буквы...».

В задании «Бей по словам, которые рифмуются с...» отрабатывается операция соотношения звуковой формы слова с графической формой (рецептивный аспект).

В игре «Стрельба» тренируется операция идентификации и дифференциации значения слова по его графической форме. Даются, например, такие задания: «Стреляй по словам, обозначающим числа» (слова пролетают по экрану).

Игра «Кроссворды» предназначена для отработки операции идентификации и дифференциации графической формы слова (рецептивный аспект). Здесь нужно найти слова на стене с буквами.

Непродуманным моментом этой игры является временной показатель – если ученик справляется с заданием раньше установленного времени, программа ждет, пока не кончится время, и не пропускает дальше.

В игре «Орехокол» учащиеся отгадывают слова по буквам (отработка операции актуализации графической формы слова, продуктивный аспект). Следует отметить, что в этом задании даны редкоупотребительные слова, не соответствующие принципу частотности и неизвестные младшим школьникам, например: toad, saw, weep, share.

В игре «Хор» требуется подобрать слово, рифмующееся с данным (операция соотношения звуковых форм слов, рецептивный аспект). Слова, включенные в игру, трудны не только для младших школьников, но многие из них неизвестны даже старшеклассникам. Например, к слову “foil” надо подобрать рифмующееся слово из данных: connection, uncoil, tame, retrace. Это задание можно выполнить только в том случае, если прослушать все слова и подобрать соответствующую рифму. Однако смысл песен остается непонятным для ученика начальных классов.

Некоторые игры данной программы теряют смысл и не могут считаться предназначенными для изучения иностранного языка. Так, например, в игре «Чердак», где требуется выбрать лишний предмет, не принадлежащий к группе предметов, ученик ориентируется по картинкам и не обращает внимания на форму и значение предлагаемых слов. О значении таких слов, как “eel”, “firefly”, ученик может догадаться только по картинкам. Но в методике известно, что картинка не всегда дает точное значение слов (неэффективная визуальная поддержка), особенно таких, которые были указаны выше.

Смысл задания теряется также и в игре «Стрельба», когда требуется стрелять по словам, обозначающим цвета (при этом слова, их обозначающие, окрашены в соответствующий цвет).

В целом в программе отсутствует тематическое деление лексики. Лексические единицы выбраны произвольно и не связаны между собой. Они не соответствуют ни лексическому минимуму по английскому языку для начальной школы, ни действующим учебникам, ни принципам отбора лексики.

При работе с программой много времени тратится на развлекательные моменты. Так, в игре «Чердак» требуется упаковывать вещи в определенном порядке несколько раз (задание не направлено на изучение языка). В игре «Бальный зал» время тратится на танцы, также не имеющие связи с изучением иностранного языка, т.е. в целом в программе доминирует развлекательный элемент.

По нашему мнению, данная программа предназначена для американских детей, и русификация программы не приблизила ее к обучению русскоговорящих детей.

К достоинствам программы следует отнести яркую мультипликацию и статистику по результатам обучения (по каждой игре).

Рассмотрим еще одну компьютерную программу, относящуюся к этой группе, - «**Английский с Винни-пухом**».

В данной программе, как и в других программах этой группы, определенное внимание уделяется изучению английской лексики.

Так, задание в домике Кролика, где требуется написать недостающую букву в слове, посвящено отработке операции актуализации графической формы слова (продуктивный аспект). Следует отметить, что задание включает

незнакомые младшим школьникам слова, например: *zag*.

В задании «Собрать одеяло для Тигры» отрабатывается операция актуализации графической формы слова по звуковому образу (продуктивный аспект). В данном задании требуется вставить буквы в слова.

В домике Сова, где дается задание подобрать рифму, тренируется операция соотнесения звуковых форм слов (рецептивный аспект). Это задание является трудным для учащихся начальной школы, так как часто даются лексические единицы, незнакомые детям, например: “Rabbit looked inside his mug and spied a friendly little bug”.

В данной программе лексические единицы не систематизированы. Многие слова малоупотребительны, например “unicorn”, “yarn”, или их значения неизвестны маленьким детям даже в родном языке, например: *igloo*.

Программа «Английский с Винни-пухом» является русифицированной. Следует отметить, что при русификации программы теряется смысл заданий. Так, например, задание, заключающееся в том, чтобы подобрать картинку к слову, которое в английской версии было направлено на тренировку операции соотнесения воспринятой формы со значением (рецептивный аспект), потеряло смысл с точки зрения изучения английского языка при русификации программы. Когда на экране написано слово “fork” и требуется подобрать картинку, обучающийся не смотрит на английское слово, так как диктор произносит слово «вилка» (по-русски).

При русификации программы наблюдается также неточный перевод на русский язык, например: “Rooh hikes” – «Пух бродит», “Rooh takes” – «Пух гребет».

Русскоговорящий диктор неправильно произносит английские буквы. В одном из заданий можно услышать: «Ты должен поставить буквы на свои места - сначала [a], потом [бэ], потом [цэ].»

В программе присутствует много заданий, не связанных с изучением иностранного языка. Например, в игре «Песочница» нужно выбрать сказочного персонажа и предмет из песочницы – пилу, кисточку, молоток и др. Потом дается картинка и предложение “Piglet paints”. При этом все произносится по-русски: «Пятачок рисует».

Данная программа является многоуровневой, но увеличение уровня трудности часто

является необоснованным и заключается в увеличении количества заданий.

Возьмем, к примеру, задание, в котором требуется вставить буквы в слова. Переход от уровня к уровню в этом задании не связан с усложнением задания. На первом уровне даются слова из трех букв, в которые требуется вставить первую букву (например, *mor*, *gug*, *saw*); на втором уровне даются слова из трех букв, в которые надо вставить последнюю букву (например, *fan*); на третьем уровне даются слова, в которые надо вставить вторую букву (например, *bug*, *bow*, *net*).

Мы отнесли эту программу к группе программ-путешествий, так как она предусматривает свободные действия ученика (обучающийся сам выбирает маршрут - на север, на запад или на восток).

Вследствие свободных действий ученика и наличия занимательных заданий, не связанных с изучением языка, теряется очень много времени. По этой причине нарушаются санитарно-гигиенические нормы при работе за компьютером. Еще одним недостатком рассматриваемой программы является отсутствие оценивания результатов ученика.

К положительным моментам можно отнести наличие помощи; наличие инструкций по выполнению заданий; повышение мотивации учащихся за счет поощрений в виде разрешения распечатать закладку, картинку с алфавитом и др.; занимательность заданий (например, требуется не просто вставить букву в слово, а собрать одеяло, чтобы поймать Тигру с дерева).

В целом все игры не имеют системы в изучении лексики. Лексические единицы, включенные в эти программы, не соответствуют лексическому минимуму по английскому языку для начальной школы и принципам отбора лексики. В этих программах не учитываются возрастные особенности младших школьников и санитарно-гигиенические требования, предъявляемые к компьютерным программам для начальной школы.

В программах-путешествиях преобладают развлекательные задания. Смысл многих заданий теряется при русификации зарубежных программ-путешествий.

На обучение с использованием таких программ уходит много времени. Поэтому их можно использовать только во внеурочное время или в домашних условиях.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕТСКОГО БИЛИНГВИЗМА

Детский билингвизм представляет собой овладение ребенком двумя языками в такой степени, которая обеспечивает успешность коммуникации в соответствии с его возрастными особенностями, в устной и/или письменной форме, в одной или нескольких сферах общения.

Проблема определения билингвизма и выявления его типов актуальна во многих аспектах. От ее решения зависит не только установление степени двуязычия мира или основа для формирования научных концепций, но также и языковая политика в области образования, отношение к двуязычным индивидам со стороны общества и их собственная оценка своих возможностей.

Не являясь обязательными для решения проблемы о наличии или отсутствии билингвизма у индивида, такие социолингвистические и этнолингвистические аспекты, как условия усвоения языков, престижность языка, особенности двуязычной социализации, характер контактирования усваиваемых языков и степень их родства, имеют большое значение для установления типов двуязычия и исследования их сущности.

Для детского билингвизма, развивающегося естественным путем, т.е. в ходе общения, а не при специальном изучении языков, очень важным показателем является сознательность его формирования со стороны родителей, самих детей и общества.

При естественном билингвизме наличие или отсутствие сознательности со стороны родителей может привести к разным результатам. Билингвизм может развиваться стихийно, когда родители не планируют заранее языков общения с ребенком, смешивают их сами, не контролируют речь ребенка, не обращают внимания на ее недостатки. Иногда стихийный билингвизм развивается в том случае, если на улице дети разговаривают на языке ином, чем дома, либо смешивают «домашний» и «уличный» языки без всякого внимания к такому речевому развитию со стороны родителей.

Другой путь формирования естественного билингвизма характеризуется сознательным

подходом родителей, поэтому его можно назвать намеренным, или интенциональным. Родители продумывают заранее, по какому принципу, в каком объеме и в течение какого времени будет проводиться общение на каждом языке, чтобы результатом стало формирование билингвизма и биграмотности. К сожалению, недостаток знаний о детском двуязычии в семейных условиях иногда вызывает у родителей неоправданные опасения по поводу речевого и даже когнитивного развития ребенка. В таких случаях родители отказываются от билингвального воспитания, что говорит об отсутствии у них действительно осознанного отношения к двуязычному воспитанию, поэтому и ребенок может утратить приобретенные им навыки общения на двух языках.

При намеренном билингвизме родители знают не только как начинать, но и как продолжать его формирование, они имеют представление об особенностях процессов в ходе развития билингвальности, о трудностях и способах их преодоления, выбирают оптимальную коммуникативную стратегию и методику семейного двуязычного воспитания. Таким образом, для успешного формирования естественного билингвизма, при котором два языка усваиваются одновременно, большое значение приобретает сознательность родителей, в результате чего двуязычие детей развивается как интенциональное.

Стихийность/сознательность может характеризовать и формирование искусственного билингвизма. Казалось бы, при специальном обучении второму языку стихийность не имеет места, но, как отмечает Е.К. Ван, отсутствие продуманной методики, знания возрастных и индивидуальных особенностей обучаемых и других аспектов способно помешать формированию даже пассивного двуязычия¹. Таких примеров достаточно много: нередко после 5-6 лет изучения иностранного языка в школе люди не только не способны говорить, но и понимать иноязычную речь, т.е. у них не формируется даже рецептивный билингвизм.

Важно, чтобы те родственники, которые не участвуют в билингвальном воспитании, воспринимали его положительно, особенно если родители не знают всех особенностей детского двуязычия. В одной из работ, посвященных исследованию детского билингвизма в Дании, приводится печальный опыт того, как родственники отговорили родителей от общения с ребенком на двух языках (датском и финском), о чем они впоследствии сожалели².

Осознанность билингвизма со стороны детей имеет возрастные ограничения. В определении билингвизма, которое дано Т. Скунтабб-Кангас, одна из характеристик этого явления определяется как «самоидентификация» двуязычия³. По всей видимости, такую характеристику могут дать себе только взрослые, поскольку дети в большинстве случаев не способны к подобной самооценке. Однако и не все взрослые, даже активно общающиеся на двух языках, признают себя билингвами, поскольку не обладают знаниями о том, что такое билингвизм.

Билингвизм ребенка формируется и в том случае, если он этого не осознает. Но когда он начинает понимать, что общается на двух языках, на его отношение к этому факту способны повлиять многие окружающие его люди. Недостаток знаний и позитивного отношения к таким детям могут вызвать их нежелание разговаривать на одном из языков. Ребенок начинает отказываться от общения на втором языке, особенно в присутствии посторонних. Самоидентификация его билингвальности в таких случаях иногда приводит к негативной самооценке и либо к прекращению, либо к менее успешному формированию двуязычия. Поэтому в период, когда ребенок начинает осознавать свой билингвизм, особенно важно давать позитивную оценку его билингвального речевого поведения.

Этап нежелания разговаривать с отцом по-немецки прошли двое из троих детей-билингвов Дж. Сондерса, чья семья жила в Австралии. Этот этап длился приблизительно 5 месяцев у двух старших детей, и только младшая из детей, Катрина, никогда не отказывалась говорить с отцом по-немецки, возможно, потому что вся семья поощряла ее общение по-немецки и все хвалили ее за старания⁴.

По свидетельству Э. Хаугена, ему в детстве тоже не хотелось переключаться на норвежский, когда он приходил домой после интенсивного общения по-английски на улице и в школе, и только упорство его родителей устанавливало в качестве границы, где происходит

смена языков, порог их дома в США. Впоследствии, став билингвологом, он оценил усилия своих родителей⁵.

Для формирования адекватного отношения общества к двуязычным детям необходимо повышать уровень знаний людей о билингвизме, что является самым трудным звеном в развитии сознательного отношения к рассматриваемому явлению в одноязычном обществе. Особенно важны знания о детском билингвизме детским врачам, логопедам и педагогам, так как именно они чаще всего дают советы родителям относительно развития детей. Как отмечают билингвологи, некомпетентность этих специалистов в области билингвального речевого развития не мешает им отговаривать родителей от общения с ребенком на двух языках⁶.

Дж. Сондерс замечал нетерпимость к общению на иностранном языке в общественных местах, даже если люди вели личные беседы, не касавшиеся посторонних. Его дети не стеснялись говорить по-немецки с ним за пределами дома, но он опасался, что отношение посторонних может сказаться на их желании использовать немецкий язык. Хотя открыто никто не высказывался об этом, его старший сын Томас старался не говорить на улице по-немецки в возрасте 4 – 6 лет. И только позднее, когда он увидел, что его младший брат, а затем и сестра совершенно игнорировали эту проблему, Томас тоже перестал избегать общения по-немецки за пределами дома⁷.

Самоидентификация русско-английской билингвальности детей в России формируется по-разному. Хотя отношение окружающих к таким детям почти всегда является одинаковым (удивление, заинтересованность, иногда негативная, иногда позитивная оценка), индивидуальные особенности детей, их чувствительность к той или иной реакции на их английскую речь со стороны посторонних русскоязычных людей бывает разной.

Один из детей болезненно переживал то, что недостатки в его поведении (шалость, непослушание, упрямство и т.п.) соотносили с его билингвизмом, поэтому в период с 4 до 5 лет отказывался общаться с папой по-английски на улице и даже дома.

У другого ребенка было больше уверенности в том, что он не хуже других, а, может быть, даже и лучше, как его убеждал папа, поэтому он не только никогда не отказывался говорить по-английски, но разговаривал с папой на улице даже громче обычного.

При сопоставлении отношения к своей билингвальности у детей, одновременно и по-

следовательно усваивавших итальянский и английский языки, М. Козн установила, что гораздо больше гордились этим качеством последовательные билингвы от 5 до 15 лет. Одновременные билингвы такого же возраста осознавали это качество как социально значимое, но считали его вполне естественным и привычным. Когда дети достигли 15-летнего возраста, отношение к своему двуязычию у них стало одинаковым: все они относили это качество к числу престижных⁸.

Родителям следует обращать особое внимание на самоидентификацию билингвизма ребенком, предотвращая, насколько можно, негативное влияние на него со стороны окружающих, а также поддерживая положительную самооценку его двуязычия.

Как на уровне семьи, так и на уровне общества большое значение имеет этнолингвистический аспект формирования билингвизма ребенка.

Билингвизм ребенка наиболее естественно развивается в биэтнической (или полиэтнической) семье, если родители хотят сохранить оба языка для следующего поколения. При формировании интенционального билингвизма у ребенка есть шансы стать сбалансированным двуязычным индивидом. Несмотря на некоторую необычность и трудности, в моноэтнической семье родители тоже могут воспитывать ребенка с рождения на двух языках: один говорит с ним на родном, а второй – на иностранном языке.

Именно по линии этнического состава семьи и наблюдается различие в билингвизме ребенка – биэтнический или моноэтнический билингвизм. Между биэтническим и моноэтническим детским билингвизмом существуют переходные случаи. Если родитель считает своим родным язык своего этноса, но владеет им хуже, чем языком общества, речевое развитие ребенка на этом языке может иметь те же особенности, что и при моноэтническом билингвизме. Такие ситуации возникают у иммигрантов или биэтнических билингвов во втором или третьем поколении.

При биэтническом составе семьи ребенок усваивает не только два языка, но и две культуры от их носителей. В моноэтнической семье родители являются носителями лишь одной культуры. В биэтнической семье ребенок становится и билингвом, и бикультуралом, в моноэтнической семье таких шансов гораздо меньше: ребенок может стать билингвом, но остаться монокультуралом. Следствием этого является недостаток социолингвистической, психолингвистической и этнокультурной ком-

петенции в его речевой деятельности на неродном языке.

Например, носители английского языка, разговаривая на таких языках, как немецкий или русский, имеют трудности с использованием местоимений 2-го лица при обращении к одному человеку. Из-за того, что они не усвоили прагматику использования этих местоимений, их обращения могут прозвучать грубо и могут вызвать коммуникативную неудачу. Такая проблема возникла у детей Дж. Сондерса в Германии. Они привыкли обращаться по-немецки только к отцу и всегда использовали местоимение *du*, что характерно и для многих других англо-немецких билингвов в Австралии и Новой Зеландии. Хотя отец посвятил специальные занятия этой проблеме перед поездкой в Германию, детям пришлось какое-то время задумываться, прежде чем навык правильного выбора местоименного обращения к немцам у них автоматизировался⁹.

Социопрагматическая компетенция на неродном языке проявляется и на невербальном уровне, при использовании необходимых или возможных паралингвистических средств общения. Ее усвоение требует особого обучения в ходе усвоения второго языка в моноэтнической семье, а в биэтнической семье усваивается в ходе естественной коммуникации.

Немаловажное значение для формирования бикультуральности представляет собой ролевая структура коммуникации на каждом языке. Сбалансированность этого аспекта речевой деятельности играет существенную роль в усвоении социолингвистической компетенции на каждом из языков.

Ребенок усваивает культуру посредством языка и актов речевого общения, а самым существенным для ребенка посредником между ним и культурой является взрослый человек. Что происходит, если самые важные для ребенка взрослые люди – родители – общаются с ним, используя средства не одного, а двух языков? Если такая ситуация складывается в одноязычном обществе, то проблема двуязычной социализации существует не только для одноязычной, но и для двуязычной семьи, поскольку соотношение ролей на двух языках в ролевом репертуаре ребенка-билингва очень неравномерно. Мотивы его деятельности, связанные с речью на языке общества, разнообразны и имеют тенденцию к постоянному расширению. Речевая деятельность на языке, не представленном в окружающем ребенка обществе, с возрастом ребенка все более сокращается. Например, речевая деятельность на английском языке у русско-английских детей-

билингвов ограничена лишь одной постоянной ролью — сына/дочери — в ситуации общения «отец/мать — сын/дочь», но постепенно и она имеет тенденцию к сужению.

Это происходит потому, что ролевой репертуар личности в одноязычном обществе предполагает, главным образом, реализацию коммуникативных актов на одном языке, основном для данной культуры. Маленький ребенок рано делает «открытие», что на одном из его языков не говорят в большинстве ситуаций (в детском саду, во дворе, в магазинах, в поликлинике, других семьях и т.д.). Это открытие вызывает у него сомнения в необходимости общения на том языке, на котором нигде не говорят. Даже дома его постоянная роль реализуется лишь в одном из двух сегментов — в общении с папой, но не с мамой (или наоборот), если билингвальное воспитание базируется на принципе «один родитель — один язык».

У детей-билингвов есть одноязычные и двуязычные социальные роли. К первым относятся все роли за пределами дома и часть ролей дома, если не применяется локальный принцип разделения языков общения на «домашний» и «внешний» (язык общества, который не совпадает с родным языком родителей). Двуязычный социально-ролевой репертуар обычно ограничен лишь сегментом роли «сын/дочь». Только эта роль имеет историю взаимодействий ребенка с одним из родителей.

Тем не менее, по распределению социально-ролевых отношений моноэтнический естественный одновременный билингвизм имеет преимущество перед искусственным. Оно состоит в том, что одна из постоянных ролей реализуется билингвально, в то время как при искусственном билингвизме на иностранном языке реализуется обычно лишь переменная позиционная роль «ученик» в ситуации общения «учитель иностранного языка — ученик», довольно ограниченная временем межличностной коммуникации. Общение на иностранном языке с другими детьми на уроке еще более ограничено и имеет характер не реальной коммуникации, а специально подготовленной квазикоммуникации, характерной для учебного общения.

При восприятии элементов иноязычной культуры у двуязычного ребенка обнаруживается меньше языковых лагун, чем у монолингва. Используя метод языковых лагун, предложенный Ю.А. Сорокиным, можно провести сопоставление понятийных, языковых и эмоциональных категорий двух культур. Поскольку

реципиент воспринимает текст с помощью набора правил, присущих его языку и культуре, можно сделать вывод о том, что элементы, воспринимаемые им как непонятные или ошибочные, принадлежат к иному языку и иной культуре. В связи с этим предлагается выявлять разные соотношенности инварианта вербального поведения и его лингвокультурные варианты¹⁰.

Характеризуя особенности билингва в рассматриваемом аспекте, можно ориентироваться также на инвариант вербального поведения для каждой отдельной страны. Количество лагун при одновременном усвоении двух языков зависит от этнопсихолингвистических и социолингвистических особенностей каждого языка и типов формируемого билингвизма.

В двуязычном обществе и биэтнической семье при совпадении усваиваемых ребенком языков с языками общества лингвокультурные варианты его вербального поведения совпадают с инвариантом, характерным для данного общества. Можно предположить, что при восприятии обеих культур и обоих языков у такого билингва не должно наблюдаться никаких лагун.

В одноязычном обществе, но в биэтнической семье, когда лишь один из языков семьи совпадает с языком общества, инвариант вербального поведения в данной стране и в стране, где преобладает второй язык, вероятно, значительно отличается от вариантов вербального поведения биэтнического билингва-бикультурала. Количество языковых лагун у такого билингва возникает на том уровне, который он не может усваивать вне культуры второго языка, т.е. они проявляются в социолингвистическом аспекте.

В одноязычном обществе и моноэтнической семье, все члены которой принадлежат только одной культуре (первого языка), лагуны при восприятии культуры второго языка обнаруживаются не только в социолингвистическом, но и в психолингвистическом аспекте, а вербальное поведение моноэтнического ребенка-билингва характеризуется монокультуральностью. Тем не менее, благодаря естественному усвоению второго языка при восприятии культуры этого языка у ребенка-билингва меньше лагун, чем у монолингва. Для него некоторые факты этой культуры знакомы по книгам и фильмам и рано усвоены вместе с лексическими единицами.

У детей, одновременно усваивающих русский и английский языки в России, вербальное и невербальное поведение отличается преобладанием доминантной в обществе русско-

язычной культуры, причем настолько, что люди, не знающие об их билингвизме, идентифицируют их только с русскими.

Со временем у ребенка усиливается и самоидентификация с определенным этносом. Углубление монокультуральности у русско-английских детей-билингвов наблюдается все более явно, когда они начинают учиться в школе, где все предметы преподаются по-русски.

Ситуация меняется, если подобная семья переезжает в англоязычную страну, где ребенок получает образование на английском языке. Прилагая все усилия для сохранения русского языка в общении дома, родители дают возможность ребенку усвоить письменную речь на родном языке, поддерживают связи с русскоязычным обществом и носителями русского языка, вследствие чего ребенок вполне способен стать носителем двух культур.

Для того, чтобы и в условиях русскоязычного общества билингвальный ребенок мог усвоить русско-английскую бикультуральность, необходимо реальное сближение русской и англоязычной культур как на государственном, так и на межличностном уровне. Недостаточно сбалансировать только присутствие книг, аудиозаписей, видеофильмов и мультфильмов на двух языках. Важнее всего сбалансировать общение на двух языках, а это возможно лишь при достижении одинакового времени пребывания ребенка в условиях русскоязычной и англоязычной культур. Кроме того, сохранению билингвальности и формированию бикультуральности способствует двуязычное русско-английское образование, которое в России пока представлено лишь единичными школами в столице. Существенным содействием становлению бикультуральности могут послужить активные межсемейные контакты.

В двуязычном обществе детский билингвизм развивается по-разному. Если два языка в семье совпадают с двумя языками в обществе, для формирования билингвизма создаются благоприятные условия, особенно если оба языка имеют одинаковый или почти одинаковый статус в обществе. Однако такие ситуации встречаются нечасто, так как обычно языки отличаются разной престижностью.

Престижность языков - это социопсихолингвистическая характеристика языков, взаимодействующих в обществе, но она довольно значима и на уровне семьи. Кроме того, она играет важную роль для развития билингвальности ребенка. В каждой стране эта проблема

для одних и тех же языков проявляется по-разному.

Престижность языка особенно важна для детей и подростков. По этому критерию выделяют два типа билингвизма: аддитивный (additive) и субтрактивный (subtractive)¹¹. Первый формируется в обществе, где оба языка оцениваются одинаково высоко, в результате чего билингвальная речевая деятельность ребенка осуществляется в благоприятных условиях, оказывая положительное влияние и на его когнитивное развитие.

Во втором случае непрестижность языка отрицательно сказывается на двуязычном развитии ребенка, когда и общество, и он сам, низко оценивая этот язык, препятствуют формированию его билингвизма и бикультуральности, задевают его национальные чувства, вынуждая отказаться от дальнейшего усвоения одного из языков.

Подобная картина наблюдается и в тех случаях, когда непрестижность языка мнимая. Например, английский язык имеет высокий престиж практически во всем мире, но ребенок, не осознавая этого, иногда отказывается говорить на нем в русскоязычном обществе, где сверстники воспринимают его как чуждое явление. Реальная оценка приходит позднее, когда ребенок, приехав в англоязычную страну, понимает, что на русском языке там разговаривать почти не с кем.

Дети-билингвы обычно с уважением относятся к другим языкам, не делая различий между их престижем. Такое отношение к разным языкам является одним из следствий раннего билингвизма, что отмечают многие исследователи детского двуязычия.

Для формирования детского билингвизма значимым является и такая социолингвистическая характеристика, как степень родства усваиваемых языков. По степени родства можно выделить близкородственный и неблизкородственный билингвизм¹², в рамках каждого из которых существует градация по степени близости, отражающаяся на разных языковых уровнях. Сходными или различными могут быть и алфавиты, что сказывается на формировании письменной речи билингва.

Значимость степени родства языков принимают во внимание при исследовании интерференции, которая интенсивнее всего проявляется полярно - при взаимодействии сходных и наиболее различающихся языковых систем. Типологические исследования и контрастивный анализ языков разной степени родства дают возможность объяснить некоторые про-

блемы в усвоении каждого из языков, в том числе и при их одновременном усвоении. Детский одновременный билингвизм дает новый материал для исследования интерференции и ее возрастной специфики при взаимодействии русского и английского языков.

Для социолингвистических исследований как массового, так и индивидуального двуязычия имеет значение также характер языковых контактов между двумя языками. Маленький ребенок в наименьшей степени осознает наличие контактов между языками, на которых он говорит, так как оба языка для него сосуществуют в пределах его дома, однако для дальнейшего развития его билингвизма характер языковых контактов приобретает немаловажное значение.

Рассматриваемый критерий позволяет выделить два типа билингвизма: контактный и неконтактный. В условиях первого носители двух языков проживают на смежных территориях (маргинальное контактное двуязычие) или на одной территории при смешанном расселении двух этносов (внутрирегиональное контактное двуязычие). При неконтактном билингвизме народы-носители двух языков географически отдалены друг от друга.

Русско-английский билингвизм характеризуется как неконтактный, что затрудняет тесное взаимодействие культур. Неконтактное двуязычие, таким образом, формируется в более сложных условиях, так как русскому ребенку трудно осознать реальную необходимость применения английского языка в России.

Проводя сопоставительные исследования усвоения разных языков одновременно с английским, важно учитывать и характер языковых контактов. Неконтактный билингвизм для большинства языковых комбинаций связан с ограничением на ряд особенностей кодовых переключений. Кроме того, можно предположить, что при неконтактном билингвизме вербальное поведение ребенка-билингва характеризуется гораздо большим количеством лингвокультурных и социолингвистических лагун в недоминантном языке и культуре. Отдельные исследования интерференции в условиях контактного и неконтактного билингвизма выявляют также более устойчивый характер проявления интерференции. Длительное отсутствие контактов с носителями второго языка

способствует закреплению интерферентных явлений в речи на этом языке.

Сопоставления одинаковых языковых комбинаций в условиях одновременного детского неконтактного и контактного билингвизма, которые пока отсутствуют, могли бы расширить и углубить анализ различных форм взаимодействия языков, объяснить их специфику.

В условиях билингвального развития ребенок рано начинает делать осознанный выбор не только между языками, которыми он владеет, но и культурами. Поэтому в ходе формирования и изучения детского билингвизма очень важно учитывать комбинацию всех его аспектов, поскольку здесь наблюдается очень тесное взаимодействие двух языков, а иногда – двух культур и двух этносов.

Примечания

¹ Ван Е.К. Детский билингвизм в онтогенезе: динамика процессов: Дис... канд. филол. наук. – СПб.: СПбГУ, 1993.

² См.: *Søndergaard B.* Decline and fall of an individual bilingualism // *J. of Multilingual and Multicultural Development*. – 1981. – V. 2, № 4. – P. 297 - 302.

³ *Skutnabb-Kangas T.* Multilingualism and the education of minority children // *O. Garcia & C. Baker (eds.), Policy and Practice in Bilingual Education: A Reader Extending the Foundations*. – Clevedon, 1995. – P. 46.

⁴ См.: *Saunders G.* Bilingual children: From birth to teens. – Clevedon: Multilingual Matters, 1988. – P. 211 - 215.

⁵ *Haugen E.* Bilingualism as a social and personal problem // *R. Filipovic (ed.), Active Methods and Modern Aids in the Teaching of Foreign Languages*. – London: OUP, 1972. – P. 10.

⁶ См.: *Taeschner T.* The sun is feminine. A study on language acquisition in bilingual children. – Berlin: Springer-Verlag, 1983. – P. 22; *De Jong E.* The Bilingual Experience. A Book for Parents. – Cambridge: C.U.P., 1986. – P. 90; *Saunders G.* Bilingual children: From birth to teens. – Clevedon: Multilingual Matters, 1988. – P. 100 – 105; *Harding E. & Riley P.* The bilingual family: A handbook for parents. – Cambridge: C.U.P., 1997. – P. 123.

⁷ См.: *Hamers J. F. & Blanc M. H. A.* Bilingualism and bilingualism / transl. From French. – Cambridge: C.U.P., 1989. – P. 99 – 102.

⁸ См.: *Cohen M.* Bilingual by chance or by choice: Language maintenance and loss in simultaneous and successive bilinguals // *Proceedings of the 5th International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics*. – Porto, 1999. – P. 555 - 560.

⁹ См.: *Saunders G.* Bilingual children: From birth to teens. – Clevedon: Multilingual Matters, 1988. – P. 191 - 193.

¹⁰ См.: *Сорокин Ю.А.* Метод установления лагун как один из способов выявления специфики локальных культур (художественная литература в культурологическом аспекте) // *Национально-культурная специфика речевого поведения*. – М., 1977. – С. 122.

¹¹ См.: *Hamers J. F. & Blanc M. H. A.* Bilingualism and bilingualism / transl. From French. – Cambridge: C.U.P., 1989.

¹² См.: *Михайлов М.М.* О разновидностях двуязычия // *Двуязычие и контрастная грамматика*. – Чебоксары, 1987. – С. 4 – 9; *Михайлов М.М.* Двуязычие в современном мире: Учеб. пособие. – Чебоксары: ЧГУ, 1988.

КАТЕГОРИАЛЬНО-ПОНЯТИЙНАЯ СИСТЕМА КОНТРАСТИВНОЙ СОЦИОЛЕКТОЛОГИИ КАК АВТОНОМНОЙ ОТРАСЛИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (на материале английского и русского языков)

Контрастивная социальная диалектология (социолектология) признается самостоятельной отраслью современного языкознания, обладающей не только историей своего становления и развития, но и всеми существенными атрибутами автономной науки – специфической объектно-предметной областью, категориально-понятийной системой, методологией и дисциплинарной структурой¹. Вместе с тем такой важнейший ее атрибут, как система основополагающих категорий и базовых понятий, требует дополнительного теоретического дефинирования, поскольку социолектология как междисциплинарная наука, синтезирующая известные сущности своих основных донорских наук – социолингвистики, диалектологии, социолексикологии, субстандартной дериватологии и социолексикографии, разделяет вместе с ними и определенные понятия и термины. Это обусловило выбор темы данной статьи и ее цель – изложить категориально-понятийную систему контрастивной социолектологии в авторской концепции. В соответствии с поставленной целью уточняются фундаментальные для этой науки понятия в следующей логической последовательности: контрастивная пара, социолектологическая переменная, социальная вариативность языка, социально-коммуникативная система (СКС), социально-языковая ситуация, билингвизм, диглоссия, социолингвистическая норма, экзистенциальная форма языка, национальный язык, литературный язык, геолект (и его формы), пиджин, подъязык, социолект, субстандарт / просторечие (и их компоненты) и другие смежные понятия. Материалом исследования послужили наиболее фундаментальные толковые словари нестандартной (неконвенциональной, субстандартной, просторечной) лексики и фразеологии британского и американского вариантов полинационального английского языка и русского языка национальных периодов².

Основной единицей компаративного описания в контрастивной социолектологии, также как и в сопоставительной социолингвистике, социолексикологии и социолексикографии,

можно считать *контрастивную пару*, понимая под ней две сопоставляемые языковые и / или социальные единицы, служащие для выявления типологических черт, особенностей, сходств и различий, представляющие, соответственно, любые экзистенциальные формы языка, их компоненты и элементы всех возможных дискретных языковых уровней от фонемы до текста (дискурса), и все возможные этнические, расовые, национальные, ареальные, географические, исторические, социальные, профессиональные, корпоративные, субкультурные и демографические (гендерные и возрастные) группировки носителей этих языковых проявлений, которые находят отражение в их речевом репертуаре – субстандартной/просторечной лексике и фразеологии соответствующей социально-коммуникативной системы – и в корпусе словаря.

Социализация понимается здесь как результат и процесс последовательного (от малых социальных групп в большие коллективы) и постоянного (в течение всей жизни) вхождения, или интеграции индивида в человеческое общество с постепенным освоением родного (и, возможно, иностранного) языка / языков соответствующей системы (систем) знаний, норм, ценностей и опыта во всех возможных и значимых для данного индивида и общества сферах экономической, политической, культурной и профессионально-корпоративной деятельности и этномежличностных отношений, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена этого общества. Язык, речь и речевая деятельность выступают в процессе социализации в двух важных взаимообусловленных функциях – как компоненты и как инструменты социализации. Это позволяет говорить о *языковой социализации*, в частности о таких ее видах, которые осуществляются определенными экзистенциальными формами языка или даже отдельными их компонентами или элементами, в качестве которых могут выступать подъязыки, социолекты и их субстандартные лексические единицы – социолектизмы, обслуживающие социумы.

В качестве основной операционной единицы контрастивно-социолектологического анализа языковой и речевой вариативности в рамках языкового сообщества можно ввести понятие *социолектологической переменной*, под которой мы понимаем две комплексные, взаимосвязанные и взаимодействующие языковые и социальные сущности при обуславливающей роли второй: 1) любую форму существования языка, ее компонент или элемент на любом языковом уровне (от фонемы до текста) и 2) любую социальную (социально-языковую или социально-речевую) группировку носителей конкретного языка (в терминах языкового сообщества, социума, языкового или речевого коллектива или общности) и любой социолингвистический параметр или совокупность параметров (характеризующих данные группировки, отдельных индивидов и ситуацию общения), обуславливающих выбор и употребление этих языковых форм и единиц речи для построения социально корректного высказывания.

Социальная вариативность языка и речи характеризуется сочетанием двух измерений – стратификационного и ситуативного. *Стратификационная вариативность* непосредственно связана с социальной структурой общества и проявляется в различном наборе языковых форм, их компонентов и элементов и в их речевых различиях, которые постоянно, вне зависимости от социально-речевой ситуации, присущи представителям соответствующих социумов, коллективов и общностей. *Ситуативная вариативность* выражается в преимущественном выборе определенных языковых средств – экзистенциальных форм, их компонентов или элементов – и употреблении их в речи в зависимости от социолингвистических параметров социально-речевой ситуации и коммуникативного акта.

Под *социально-коммуникативной системой* мы понимаем системно организованные и обладающие своей собственной структурой все языковые средства речевого общения конкретного социума, обеспечивающие процесс интеракции-коммуникации его членов в соответствии с социолингвистическими параметрами коммуникации и принятыми в нем нормами.

Концептуальное содержание понятия *социально-языковая ситуация* базируется на следующих существенных дифференциальных признаках социально-языковой ситуации как результата сбалансированного взаимодействия внеязыковых и языковых факторов, признаков, которые можно логически свести в три взаи-

мосвязанных комплексных аспекта – социальный, лингвистический и функциональный, составляющих предлагаемую нами трактовку этой сложной социально-лингвистической сущности.

В *социальном аспекте* языковая ситуация складывается как результат формирования и как одна из сторон социальной ситуации. В создании социальной ситуации, а через нее и языковой ситуации участвуют объективные и субъективные экономические, политические, этнографические и демографические факторы, сконцентрированно выраженные в языковой политике общества, а также в социальных установках, которых придерживаются в отношении языковых систем и подсистем члены соответствующих языковых и речевых коллективов. Поэтому есть основание рассматривать языковую ситуацию как социально-языковую, складывающуюся в пределах данного политико-административного и административно-территориального объединения людей и культурного ареала, в рамках этнической общности на конкретном этапе ее существования, во всех сферах общественной жизни каждого народа на данном этапе его исторического развития.

В *лингвистическом аспекте* социально-языковая ситуация представляет собой обусловленную вышеназванными факторами совокупность всех национальных языков, их национальных вариантов и форм существования, включая общенародный и литературный языки, территориальные и социальные диалекты, полудиалекты и говоры в их письменной и устной формах реализации, подязыки или субязыки, жаргоны, арго и другие просторечные языковые формы, языки-пиджины и креольские языки, другие формы смешанных языковых образований, их отдельные системы и подсистемы, функциональные стили. Все эти формы существования языка могут рассматриваться как языковые коды или субкоды, составляющие иерархически структурированную социально-коммуникативную систему соответствующего социума.

В *функциональном аспекте* социально-языковая ситуация выступает в виде статичной и динамичной модели социально-функционального распределения сосуществующих, взаимодействующих и взаимодополняющих друг друга СКС, подсистем и их элементов в континууме языковой коммуникации во всех сферах общественной жизни в условиях билингвизма и диглоссии с учетом специфики использования этих языковых образований и фактов в речи в зависимости от социолингви-

стических параметров коммуникантов и ситуации общения.

Установленные выше характеристики социально-языковой ситуации не исчерпывают их возможного набора. В каждом конкретном случае предпочтительнее обращаться к тем чертам социально-языковой ситуации, которые будут выступать в качестве определяющих для анализируемого социального, языкового или функционального явления в терминах социолектологической переменной. Для контрастивной социолектологии релевантными будут все те признаки языковой ситуации, которые можно применить к подъязыкам, социолектам, их лексическим системам и их элементам как специфическим экзистенциальным языковым формам или проявлениям этих форм, обслуживающим соответствующий социум.

Уточним теперь два основных состояния социально-языковой ситуации – билингвизм и диглоссию, поскольку они имеют определяющее отношение к характеристике основного объекта контрастивной социолектологии – социолекта на предмет функционирования его просторечной лексической системы в соответствующем социуме.

Билингвизм (или *дваязычие*) – это реализация контактов и смешения языков и культур, характеризующая социально-речевую ситуацию, которая сложилась в пределах одного государства и проявляется в различном по степени владении функционально распределенными и дополняющими друг друга двумя языками, в их альтернативном использовании (кодовом переключении) в социально-речевом общении отдельных индивидов, социальных групп или всего общества в качестве единой комплексной, иерархически структурированной социально-коммуникативной системы (с возможной интерференцией ее разноязычных элементов на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях) как средства интеракции-коммуникации в конкретной социально-речевой ситуации для построения социально корректного высказывания в рамках принятых в данном социуме норм речевого поведения для достижения целей коммуникативного акта (в устной и/или письменной форме) в соответствующей сфере общения.

Диглоссия – это разнообразная по сочетанию реализация контактов и смешения всех возможных в данный исторический период форм существования одного и того же национального языка и соответствующих субкультур единой национальной культуры данного

народа, характеризующая социально-речевую ситуацию, сложившуюся в пределах одного государства, которая проявляется в различном по степени владении функционально распределенными и дополняющими друг друга двумя и более гомогенными языковыми формами, в их альтернативном использовании (кодовом переключении) в социально-речевом общении отдельных индивидов, социальных групп или всего общества в качестве единой комплексной, иерархически структурированной социально-коммуникативной системы (с возможной интерференцией ее подсистемных элементов на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях) как средства интеракции-коммуникации в конкретной социально-речевой ситуации для построения социально корректного высказывания в рамках принятых в данном социуме норм речевого поведения для достижения целей коммуникативного акта (в устной и/или письменной форме) в соответствующей сфере общения. Перейдем теперь к уточнению содержания еще одного основополагающего для контрастивной социолектологии понятия «социолингвистическая норма».

Социолингвистическая норма национального языка определяется как совокупность индивидуально и коллективно осознанных и допускаемых в обществе, исторически сложившихся, относительно устойчивых национально-этнических, культурно-идеологических, социопсихолингвистических и этико-стилистических правил выбора и употребления любых экзистенциальных форм данного языка и имеющихся в их системах или потенциально возможных любых структурных средств и единиц всех языковых уровней, составляющих СКС, для построения корректного в формальном, семантическом и прагматическом аспектах речевого высказывания, детерминированного соответствующими социолингвистическими параметрами коммуникации, понимаемого и принимаемого непосредственным партнером в конкретной ситуации общения, отдельным речевым или языковым коллективом, к которому принадлежат взаимодействующие коммуниканты, а через них и всем языковым сообществом в действующей социально-языковой ситуации в данном государственно-территориальном объединении.

В предложенной трактовке социолингвистической нормы мы исходим из положения о том, что норма проявляется в нормативности, являющейся постоянным языковым качеством, без которого не могут функционировать любые формы существования языка и любые единицы всех языковых уровней. Норматив-

ным можно признать все то, что создано или может быть создано по имеющимся в языковой системе моделям и что принимается коммуникантами в конкретном коммуникативном акте, в социуме и обществе в целом. При этом «широкая» вариативная нормативность отдельной конкретной ситуации общения «сужается» до стабильной кодифицированной нормативности, осознаваемой и принимаемой всем языковым сообществом. Отсюда социолингвистическая норма может быть представлена как комплексная вариативная система языковых норм, реализуемых в речи в зависимости от социолингвистических параметров коммуникации. Здесь норма, проявляющаяся в кодифицированной нормативности, являющейся существенным дифференциальным признаком литературного стандарта как составной части СКС, называется *нормой первого уровня*; норма, проявляющаяся в некодифицированной нормативности, являющейся существенным дифференциальным признаком языкового субстандарта как составной части СКС, подводится под термин *нормы второго уровня*.

Норма первого уровня выступает в качестве нейтрального фона, на котором проявляются свойства нормы второго уровня – структурные, семантические и функциональные особенности, характерные для тех форм существования языка и отдельных подсистем этих форм или конкретных языковых единиц всех уровней (фонетического, грамматического и лексического), которые находятся не только вне литературного стандарта как самой кодифицированной части литературного языка, но также и за пределами литературного языка. При этом пограничная зона между литературным стандартом и субстандартом будет соответствовать переходной полукодифицированной норме коллоквиальной (объединяющей литературные и «низкие» коллоквиализмы) части социально-коммуникативной системы национального языка.

Обе нормы в рамках национального языка образуют *общую социолингвистическую норму*, которая может существовать в трех основных видах ее варьирования и языкового наполнения: 1) преобладании нормы первого уровня и соответствующих языковых форм и элементов литературного стандарта; 2) паритетном сосуществовании обеих норм в виде переходной полукодифицированной нормы и соответствующих коллоквиальных форм и элементов; 3) преобладании нормы второго уровня и соответствующих языковых форм и элементов субстандарта.

Экзистенциальная форма языка – это социально-вариативная конститутивная форма существования социально-коммуникативной архисистемы, обладающая собственной иерархически структурированной системой единиц всех языковых уровней, различной степенью коммуникативной автономности, особыми функциями и специфическим социумом, который она обслуживает. Экзистенциальная форма далее не членится на более мелкие экзистенциальные системы без потери названных существенных признаков и без перехода в новое качественное состояние – неэкзистенциальную форму существования языка. Здесь понятия «форма существования» и «экзистенциальная форма» соотносятся как общее и частное. Формы существования языка могут быть как экзистенциальными, так и неэкзистенциальными, если последние не отвечают всем существенным дифференциальным признакам первых. При этом степень автономности экзистенциальных форм языка может быть различной. Она проявляется в качестве ситуации двуязычия и диглоссии, создаваемой взаимодействием форм существования языка.

Национальный язык – это исторически сложившаяся на данной территории, в определенном государстве и обществе наивысшая, предельно устойчивая, наиболее комплексная и полифункциональная, системно организованная и иерархически структурированная, максимально стилистически дифференцированная экзистенциальная форма как тип бытия языка, охватывающая все возможные в данном социуме формы существования языка и их единицы на всех лингвистических уровнях и все имеющиеся сферы использования языка конкретной нации, обладающая комплексной, варьирующей системой социолингвистических норм. *Государственный язык*, в дополнение к этому, может рассматриваться здесь в качестве интегрирующего национального языка однонационального или одного из национальных языков многонационального государства как исторически сложившегося территориального, этнокультурного, административно-политического и социально-экономического целостного мегасоциума.

Литературный язык – это ведущая, исторически сложившаяся, относительно стабильная, системно организованная и иерархически структурированная, общенародная, универсальная, полифункциональная и стилистически наиболее дифференцированная, полностью автономная экзистенциальная форма национального языка, характеризующаяся обра-

ботанностью в своих письменной и устной разновидностях и соответствующая кодифицированным нормам первого уровня.

Геолект в качестве родового понятия определяется как абстрагированная языковая форма, объединяющая все возможные регионально, территориально или локально ограниченные формы существования одного национального государственного языка. Понятие геолекта охватывает видовые понятия региолекта, территориального и локального диалекта и говора. Все разновидности геолектов характеризуются размытостью границ и наличием определенных социальных и этнических черт.

Региолект – это регионально ограниченная форма существования национального государственного языка, которая может включать в себя несколько территориальных и локальных диалектов и говоров. В качестве региолектов могут выступать, например, формы английского языка в Великобритании и США и русского языка в РФ, условно дифференцированные только географически по сторонам света с привязкой к крупным территориям.

Территориальный диалект – это территориально ограниченная форма существования национального государственного языка, которая может включать в себя несколько локальных диалектов и говоров. Территориальные диалекты отражают административно-территориальную дифференциацию соответствующей страны.

Локальный диалект, или **полудиалект** – это локально ограниченная форма существования национального государственного языка, которая может включать в себя несколько говоров. Локальный диалект, или полудиалект привязан к определенной части административно-территориальной единицы данной страны, например: лондонский кокни, ливерпульский скауз, полудиалект Гарлема, имеющие и социально-этнолектные черты.

Говор – это местная форма существования национального государственного языка, ограниченная самой наименьшей территорией и далее не распадающаяся на более мелкие территориально ограниченные экзистенциальные языковые формы.

Пиджин – это сложившаяся социально-исторически в результате торгово-экономических, военно-политических и этнокультурных контактов представителей неродственных, первоначально метропольного (британского) и местного (аборигенного), позднее различных индоевропейских и неиндоевропейских со-

циумов и языков, не имеющая своей исконной языковой истории и своих исконных носителей, системно структурированная, автономная экзистенциальная гибридная форма языка, преимущественно устная, но также допускающая письменную фиксацию, генетически связанная в большей степени с доминирующим языком-источником первоначально господствующего, позднее коммуникативно адресующего этноса, выступающим в роли языка-лексификатора, и в меньшей степени с языком-субстратом первоначально подчиненного, позднее коммуникативно адресатного этноса, выступающим в роли языка-модификатора; форма, характеризующаяся определенными внутривидовыми фонетическими инновациями, предельно упрощенной грамматической системой, реализующей тенденцию к максимальному аналитизму, изоляции и частично агглютинации, и тематически ограниченной, смешанной лексической системой, собственной социолингвистической нормой и достаточной коммуникативной способностью, обеспечивающей взаимопонимание в ограниченных сферах межэтнического общения.

Любой структурный фонетический, морфологический, синтаксический, лексический, семантический элемент языка-пиджин называется *пиджинизмом*. Соответственно, процесс формирования языка-пиджин называется *пиджинизацией*. В процессе пиджинизации можно выделить три этапа: 1) *пиджин-жаргонизацию* – образование пиджиноподобных жаргонов – неавтономных экзистенциальных гибридных языковых форм и их элементов – пиджинизированных жаргонизмов; 2) *препиджинизацию* – образование препиджинов – полуавтономных экзистенциальных гибридных языковых форм и их элементов – препиджинизмов; 3) *собственно пиджинизацию* – формирование пиджинов и пиджинизмов. Нас интересуют только пиджин-жаргонизмы.

Креольский язык – это автономная экзистенциальная форма языка, сформировавшаяся на основе развития, креолизации, предшествующего пиджина и являющаяся, в отличие от него, первым (родным) языком для определенного языкового сообщества, языком, способным получить или получившим статус национального и/или государственного языка с соответствующими социальными, лингвистическими (системно-структурными) и функционально-коммуникативными характеристиками.

Лингва-франка – один из функциональных типов языка, который используется в качестве средства общения между носителями

разных языков в ограниченных социально-коммуникативных сферах. Первоначально это был смешанный язык, сформировавшийся на основе французской, провансальской и итальянской лексики в Средние века в регионе Средиземноморья как средство торгового общения арабских и турецких купцов с европейцами. Позднее этот смешанный язык обогатился заимствованиями из испанского, греческого, арабского, турецкого и других языков и стал известен под названием сабир (от лат. sapere – понимать), который функционировал вплоть до XIX в.

Трасянка и суржик. В условиях русско-национального двуязычия может происходить интерференция двух близкородственных языковых систем, их постоянное смешение и взаимоуподобление. Это проявляется, например, в таких языковых формах, как *трасянка* (первоначально – смесь сена с соломой как корм для скота) – в условиях белорусско-русского двуязычия и *суржик* (первоначально – смесь зерна пшеницы и ржи, ржи и ячменя, ячменя и овса и т.п.) – в условиях украинско-русского двуязычия. Эти смешанные контактно-языковые формы рассматриваются в двух социолингвистических планах в зависимости от характера социально-языковой ситуации, вида билингвизма и степени билингвальности: 1) для русскоязычных жителей (а) Украины, (б) Беларуси и соответствующих приграничных территорий Российской Федерации – как стихийно русифицированные на фонетическом, грамматическом (морфологическом и синтаксическом) и лексическом (лексико-семантическом) уровнях, преимущественно нестандартные варианты и формы двух национальных языков – украинского (*суржик*) и белорусского (*трасянка*); 2) и, в зеркальном отражении, для (а) украиноязычных и (б) белорусоязычных жителей соответствующих приграничных территорий Украины, Беларуси и Российской Федерации – как украинизированные и белорусизированные нестандартные варианты и формы русского языка. При этом степень и характер взаимовлияния этих контактирующих языков варьирует в социально-территориальном, социально-демографическом, профессионально-корпоративном и этнокультурном планах и часто зависит от политических и идеологических факторов.

Подъязык (или субъязык) – это исторически сложившаяся, относительно устойчивая для данного периода автономная экзистенциальная форма национального языка, обладающая своей системой взаимодействующих со-

циолингвистических норм первого и второго уровней, представляющая собой совокупность некоторых фонетических, грамматических и преимущественно специфических лексических средств общенародного языка, обслуживающих речевое общение определенного социума, который характеризуется единством профессионально-корпоративной деятельности своих индивидов и соответствующей системой специальных понятий. Фонетическая и грамматическая системы любого подъязыка – это соответствующие системы национального языка, обеспечивающие нормативное функционирование и понимание этого подъязыка как в обществе в целом, так и в конкретном социуме. Однако они могут иметь некоторые, не нарушающие языковой системы специфические профессионально детерминированные новообразования, отражающие формализованность отдельных видов речевого общения на естественных и искусственных языках, особенно в узкоспециальных сферах коммуникации. Эти системы могут также включать в качестве обиходных вкраплений известные фонетические и грамматические отклонения от литературной нормы (формы внелитературного просторечия), отражающие особенности речевого поведения, присущие представителям различных социализированных расовых, национальных, этнических, демографических, региональных, территориальных, локальных, профессиональных (смежных и несмежных профессий) и корпоративных (по интересам вне профессий) групп, составляющих данный социум.

Социолект понимается как исторически сложившаяся, относительно устойчивая для данного этапа, автономная, полуавтономная или неавтономная форма существования общенародного языка национального периода, обладающая своей системой социолингвистических норм второго уровня, функционально и понятийно закреплённая за определенным социальным профессионально-корпоративным или антиобщественным социумом или социализированной субкультурой, обладающая специфической просторечной лексической системой, элементы которой могут носить этнизированный и локализованный характер, и инвентарем внелитературных грамматических и фонетических особенностей, обусловленных социолингвистическими характеристиками его носителей. *Социолектизм* – это элемент фонетической, морфологической, синтаксической, лексической и семантической систем социолекта, обладающий соответствующими признаками. В нашем исследовании, ограни-

ченном рамках лексикологической контрастной социолектологии, социолектизм рассматривается только на лексическом уровне и представляет только субстандартное / просторечное слово или фразеологизм.

Языковой субстандарт, или **языковое просторечие** – это исторически сложившаяся, относительно устойчивая, комплексная, системно организованная, автономная экзистенциальная макроформа национального языка или его национального варианта полинационального языка, состоящая из системно организованных частных экзистенциальных и неэкзистенциальных языковых форм и их элементов, отвечающих социолингвистической норме второго уровня и создающих языковую ситуацию диглоссии различной степени в соответствующих сферах социально-речевого общения в зависимости от социолингвистических параметров коммуникативного акта. Далее мы расширяем субстандарт / просторечие как родовое понятие и включаем в него четыре видовых понятия: 1) внелитературный субстандарт / просторечие, 2) территориальный субстандарт / просторечие, 3) этнический субстандарт / просторечие и интересующий нас 4) лексический субстандарт / лексическое просторечие.

Внелитературный субстандарт / внелитературное просторечие – это исторически сложившаяся, сравнительно неустойчивая, неэкзистенциальная языковая форма, охватывающая все возможные для носителей общенародного национального языка или его национального варианта фонетические, грамматические (морфологические и синтаксические) и семантические отклонения от литературной нормы первого уровня, характерные для интердиалекта неграмотных или малограмотных людей, различных расовых, этнических, национальных, территориальных, социально-демографических и профессионально-корпоративных социумов и субкультур, не создающая в них языковой ситуации диглоссии. Ср., например, внелитературные элементы, выделенные нами полужирным курсивом: 1) элементы *внелитературного субстандарта в английском языке* могут быть показаны на примере реплик морских пехотинцев США: L.Q., Danny, *ole'* cousins. I *ain't gonna* let no Jap get you... . *Naw*, we *was gonna* toast our pal³; 2) элементы *внелитературного просторечия в русском языке*: *местов*, *вырватый*, *яблок кислый*⁴.

Территориальный субстандарт / территориальное просторечие – это исторически сложившаяся, относительно устойчивая, ком-

плексная, системно организованная, автономная экзистенциальная макроформа национального языка или его национального варианта, состоящая из системно организованных частных экзистенциальных и неэкзистенциальных языковых форм, представленных различными социализированными геолектами (которые могут обладать в функционально-понятийном плане определенными несущественными расовыми, этнонациональными, социально-демографическими и профессионально-корпоративными признаками) – региональными и территориальными диалектами, локальными полудиалектами и говорами, городскими койне, или интердиалектами и их элементами на всех языковых уровнях – фонетическом, грамматическом, лексическом и семантическом в соответствии с определенными сочетаниями норм первого и второго уровней в зависимости от социолингвистических параметров ситуации социально-речевого общения, создавая при этом языковую ситуацию геолектной диглоссии различного типа и степени. Ср.: 1) элементы *английского территориального субстандарта*: *cant* (*Irel, Nhb, Dur, Yks*) *adj.* Шустрый; *п. уловка*⁵; 2) элементы *русского территориального просторечия*: из говоров Архангельской обл.: *бздавать*, -даёт, -даю, *несов., перех.* Бить. *Интенс.*⁶

Этнический субстандарт / этническое просторечие – это исторически сложившаяся, относительно устойчивая, комплексная, системно организованная, автономная экзистенциальная макроформа национального языка или его национального варианта, состоящая из системно организованных частных экзистенциальных и неэкзистенциальных языковых форм, представленных различными социализированными этнолектами (которые могут обладать в функционально-понятийном плане определенными несущественными территориальными, социально-демографическими и профессионально-корпоративными признаками) или интерэтнолектами и их элементами на всех языковых уровнях – фонетическом, грамматическом, лексическом и семантическом, создающими языковую ситуацию диглоссии различного типа и степени в соответствии с определенными сочетаниями социолингвистических норм первого и второго уровней в зависимости от социолингвистических параметров ситуации социально-речевого общения, создавая при этом языковую ситуацию этнолектной диглоссии различного типа и степени. Ср.: 1) элементы *английского этнического субстандарта*: а) *Black Talk*: *Charlie Derogatory term for white male*⁷; б) *Indian English*: *Bul-*

lumteer, s. Anglo-Sepoy dialect, for "Volunteer". (Bengal Army); **buxee**, s. A military paymaster; Н. Bakhshi⁸; 2) элементы *русского этнического просторечия*: этнолект *донского казачества*: **БАСИЛА**, ы, м. Щеголь. *Басила* – *фарсистый человек*⁹.

Лексический субстандарт / лексическое просторечие – это исторически сложившаяся, относительно устойчивая, комплексная, системно организованная и иерархически структурированная экзистенциальная макроформа национального языка или его национального варианта, охватывающая частные экзистенциальные и неэкзистенциальные системно организованные языковые формы – сложные социально-стилистические, иерархически структурированные категории лексики и фразеологии, отличающиеся от литературного стандарта этико-стилистической сниженностью и инвективностью различного характера и различающиеся между собой своеобразной социальной профессионально-корпоративной и эзотерической детерминированностью (которая может сопровождаться в функционально-понятийном плане несущественными этнизированными, локализованными и социально-демографическими факторами), представленные различными субстандартными лексическими пластами – низкими коллоквиализмами, общими сленгизмами и вульгаризмами, составляющими общенародное лексическое просторечие (субстандарт), профессиональными и корпоративными жаргонами и эзотерическими арго / кэнтон, составляющими специальное лексическое просторечие (субстандарт), совместно формирующими отвечающий социолингвистическим нормам второго уровня речевой репертуар своих носителей в соответствии с социолингвистическими параметрами ситуации социально-речевого общения, создавая при этом языковую ситуацию лексической диглоссии различного типа и степени. Уточним теперь основные компоненты лексического субстандarta / просторечия применительно к английскому и русскому языкам.

Общенародное лексическое просторечие / общенародный лексический субстандарт – это исторически сложившаяся, генетически разнообразная, относительно устойчивая, комплексная, системно организованная и иерархически структурированная интерсубстандартная экзистенциальная макроформа национального языка или его национального вари-

анта, охватывающая частные экзистенциальные и неэкзистенциальные системно организованные языковые формы – сложные, социально-стилистические, иерархически структурированные категории общеупотребительной лексики, обозначающей общеизвестные в сферах повседневного неформального речевого общения бытовые предметы, явления, признаки, процессы и категории, представляющие собой лексические подсистемы, отличающиеся от литературного стандарта и различающиеся между собой своеобразной этико-стилистической сниженностью и инвективностью различного характера (которая может сопровождаться в функционально-понятийном плане несущественными этнизированными, локализованными, социально-демографическими, социально-профессиональными и социально-корпоративными признаками), представленные низкими коллоквиализмами, общими сленгизмами и вульгаризмами, совместно формирующими отвечающий социолингвистическим нормам второго уровня речевой репертуар своих носителей в соответствии с социолингвистическими параметрами интеракции-коммуникации, создавая при этом языковую ситуацию частичной лексической диглоссии очень малой степени. Уточним теперь составные компоненты лексического субстандarta / просторечия – низкие коллоквиализмы, общий сленг и вульгаризмы.

Низкие коллоквиализмы – это исторически сложившаяся и генетически достаточно однородная, относительно устойчивая и незамкнутая, комплексная, системно организованная и иерархически структурированная интерсубстандартная неэкзистенциальная форма общенародного лексического просторечия в пределах национального языка или его национального варианта, охватывающая общеупотребительную лексику, обозначающую общеизвестные в сферах повседневного неформального речевого общения бытовые предметы, явления, признаки и процессы, отличающуюся от литературного стандарта и от других форм лексического просторечия своеобразной этико-стилистической сниженностью и инвективностью шутивно-иронического и фамильярно-насмешливого или подобного характера (которая может сопровождаться в функционально-понятийном плане несущественными, ослабленными этнизированными, локализованными, социально-демографическими, социально-

профессиональными и социально-корпоративными признаками), формирующую, в соответствии с социолингвистическими параметрами интеракции-коммуникации, отвечающий социолингвистическим нормам второго уровня компонент речевого репертуара своих носителей, имеющий основную коммуникативную функцию с преобладанием денотации над коннотацией, не создавая при этом ситуации лексической диглоссии. Низкие коллоквиализмы занимают пограничную зону между литературными коллоквиализмами – слоем литературного языка, отвечающим социолингвистической норме первого уровня, и общими сленгизмами, являясь связующим звеном между литературным стандартом и общенародным лексическим просторечием – нормой второго уровня, способствуя проникновению просторечных элементов в литературный язык. В толковых словарях просторечия¹⁰ низкие коллоквиализмы снабжаются пометами *colloquial* (*coll.*, *colloq.*), *low*. и *разг.* (*разговорное*) или *жрр.* (*жаргонизированная разговорная речь*). Ср.: **batty-fang**. To beat: *coll.*; spit, n. A smoke (of a cigarette): *low*: С. 20; **bobble** n. A mistake. *Colloq.*; **ЖОР**, -а, м. *Жрр.* Аппетит.

Общий сленг – это исторически сложившаяся и генетически неоднородная, относительно устойчивая и незамкнутая, комплексная, системно организованная и иерархически структурированная интерсубстандартная полужесткая форма народного лексического просторечия в пределах национального языка или национального варианта, охватывающая стилистически маркированную лексику, которая обозначает общеизвестные и общеупотребительные в сферах повседневного неформального и, частично, профессионально-корпоративного речевого общения обычные и в меньшей степени специальные предметы, явления, признаки и процессы, отличается от литературного стандарта и от других форм лексического просторечия своеобразной этико-стилистической сниженностью и инвективностью фамильярно-насмешливого, уничижительного (пейоративного) или подобного характера (которая может сопровождаться в функционально-понятийном плане несущественными, но заметными этнизированными, локализованными, социально-демографическими, социально-профессиональными и социально-корпоративными признаками); лексику, которая формирует в соответствии с социо-

лингвистическими параметрами интеракции-коммуникации отвечающий социолингвистическим нормам второго уровня компонент речевого репертуара своих носителей, имеющий основную эмотивно-коммуникативную функцию с преобладанием коннотации над денотацией, создавая при этом ситуацию частичной лексической диглоссии. Общие сленгизмы имеют различную степень приближения к литературному стандарту и занимают в пределах общенародного лексического просторечия переходную зону между низкими коллоквиализмами и общими сленгизмами, способствуя переходу элементов специального лексического просторечия в низкие коллоквиализмы и их дальнейшему проникновению в литературный язык. В толковых словарях просторечия общие сленгизмы подаются без социально-стилистических и стратификационных помет, так как являются основным компонентом в корпусе словаря сленга. Ср.: **burn**, v. To smoke (tobacco): Late C. 19-20; **mouth-wash**. A drink of liquor: since ca. 1930; **glom** v.t. To take a look at ... n. A look or glance; **КАТОК**, -тка, м. Лысина.

Вульгаризмы – это исторически сложившаяся и генетически достаточно однородная, устойчивая и незамкнутая, комплексная, системно организованная и иерархически структурированная интерсубстандартная неэкзистенциальная форма общенародного лексического просторечия в пределах национального языка или его национального варианта, охватывающая стилистически маркированную, предельно сниженную лексику (интенсификаторы, ругательства, богохульства, гробизмы, вульгаризмы-табу, матизмы, в содержании и структуре которых закреплена вульгарная коннотация с ярко выраженной инвективной направленностью), обозначающую общеизвестные и общеупотребительные в сферах повседневного неформального и профессионально-корпоративного речевого общения обычные предметы, явления, признаки и процессы (преимущественно связанные с человеком, его телом и характеристиками), отличающуюся от литературного стандарта и от других форм лексического просторечия своеобразной пейоративной и нецензурной экспрессивностью (которая может сопровождаться в функционально-понятийном плане несущественными этнизированными, локализованными, социально-демографическими, социально-профес-

сиональными и социально-корпоративными признаками), формирующую в соответствии с социолингвистическими параметрами интеракции-коммуникации отвечающий социолингвистическим нормам второго уровня компонент речевого репертуара своих носителей, имеющий основную эмотивно-дисфеместическую функцию с подавляющим преобладанием коннотации над денотацией, не создавая при этом ситуацию лексической диглоссии. В толковых словарях просторечия вульгаризмы обычно имеют пометы *vulgarism, taboo, вульг.* (*вульгарное*). Ср.: **leak** v. To make water: a *vulgarism*: from ca. 1590; **hot shit** [*taboo*] A big shot; **ДУШЛО**, -а, ср. 1. Мол. Вульг. Влагалище. 2. Гом. Вульг. Анальное отверстие.

Специальное лексическое просторечие / специальный лексический субстандарт – это исторически сложившаяся, генетически разнообразная, относительно устойчивая, комплексная, системно организованная и иерархически структурированная, социально маркированная экзистенциальная макроформа национального языка или его национального варианта, охватывающая частные экзистенциальные и неэкзистенциальные, системно организованные языковые формы – сложные, социально-стилистические, иерархически структурированные категории общеупотребительной лексики, обозначающей специфические в сферах профессионально-корпоративного речевого общения специальные предметы, явления, признаки и процессы, лексические подсистемы, отличающиеся от литературного стандарта и различающиеся между собой своеобразной этико-стилистической сниженностью и инвективностью различного характера, обязательно сопровождающейся в функционально-понятийном плане существенными социально-профессиональными, социально-корпоративными и эзотерическими признаками (а также несущественными этнизированными, локализованными и социально-демографическими чертами), подсистемы, представленные социально-профессиональными и социально-корпоративными жаргонами и социально-эзотерическими арг / кэнтон, совместно формирующими отвечающий социолингвистическим нормам второго уровня речевой репертуар своих носителей в соответствии с социолингвистическими параметрами интеракции-коммуникации, создавая при этом языковую

ситуацию лексической диглоссии различного типа и степени.

Социально-профессиональные жаргоны – это исторически сложившиеся и генетически неоднородные, относительно устойчивые и незамкнутые, комплексные, системно организованные и иерархически структурированные субстандартные полужкзистенциальные формы специального лексического просторечия в пределах национального языка или его национального варианта, охватывающие социально-стилистически маркированную лексику, обозначающую употребительные в сферах специального профессионального речевого общения специальные (и, реже, обычные) предметы, явления, признаки и процессы, отличающуюся от литературного стандарта и от других форм лексического просторечия своеобразной этико-стилистической сниженностью и инвективностью от шутливо-иронического и фамильярно-насмешливого до уничижительного (пейоративного) и, реже, вульгарного характера, которая обязательно сопровождается в функционально-понятийном плане существенными социально-профессиональными признаками (и несущественными, но заметными этнизированными, локализованными и социально-демографическими, и социально-корпоративными чертами), лексику, формирующую в соответствии с социолингвистическими параметрами интеракции-коммуникации отвечающий социолингвистическим нормам второго уровня компонент речевого репертуара своих носителей, имеющий основную коммуникативно-эмотивную функцию с паритетным соотношением коннотации и денотации, создавая при этом ситуацию частичной лексической диглоссии в сферах профессиональной коммуникации. В словарях просторечия такие жаргонизмы подаются с пометами, указывающими на профессию. Ср.: **театральный** (*theatrical, theatrical slang*), **железнодорожный** и **бухгалтерский жаргоны** (*railwaymen's, railroad use, бухг.*): **bum boozier**. A desperate drinker: *theatrical*; **ghost** n. The treasurer of a theater. *Theatrical slang*; **hooker**. A shunter: *railwaymen's*; **ash-cat** n. A locomotive fireman. **Railroad use**; **КРБЖ**, -а, м. Бухг. Галочка.

Социально-корпоративные жаргоны – это исторически сложившиеся и генетически неоднородные, относительно устойчивые и незамкнутые, комплексные, системно органи-

зованные и иерархически структурированные субстандартные полуэкзистенциальные формы специального лексического просторечия в пределах национального языка или его национального варианта, охватывающие социально-стилистически маркированную лексику, обозначающую употребительные в сферах корпоративного речевого общения специальные для данной корпорации или группы (и, реже, обычные) предметы, явления, признаки и процессы, отличающиеся от литературного стандарта и от других форм лексического просторечия своеобразной этико-стилистической сниженностью и инвективностью от фамильярно-насмешливого до уничижительного (пейоративного) и даже вульгарного характера; лексику, которая обязательно сопровождается в функционально-понятийном плане существенными социально-корпоративными признаками (и несущественными, но заметными этнизированными, локализованными, социально-демографическими и социально-профессиональными чертами); лексику, формирующую в соответствии с социолингвистическими параметрами интеракции-коммуникации отвечающий социолингвистическим нормам второго уровня компонент речевого репертуара своих носителей, имеющий основную эмотивно-коммуникативную функцию с преобладанием коннотации над денотацией, создавая при этом ситуацию частичной лексической диглоссии для субкультурных групп вне профессий. В словарях лексического просторечия корпоративные жаргонизмы фиксируются пометами, указывающими на социально-групповую сферу их функционирования. Для иллюстрации приведем *студенческий жаргон* (*schools' and universities', student use*) и *жаргон наркоманов* (*drug addicts', addict use*): **bug-shooter**. A volunteer (soldier): *schools' and universities'*; **sheba** n. An attractive girl, esp. a sweetheart. *Student use*; **needle, be on the**. To be addicted to drugs requiring an injection; (esp. teenage) *drug addicts'*; **mezonny** n. Money; orig. money spent for drugs. *Addict use*; **ПЫХА**, -и, Мол. Курево.

Арго (кэнт) – это исторически сложившиеся и генетически неоднородные, относительно замкнутые и устойчивые, комплексные, системно организованные и иерархически структурированные субстандартные полуэкзистенциальные формы специального лексиче-

ского просторечия в пределах национального языка или его национального варианта, охватывающие стилистически маркированную и социально закрепленную лексику, обозначающую употребительные в сферах эзотерического речевого общения, специальные для данного социума (и, реже, обычные) предметы, явления, признаки и процессы, отличающуюся от литературного стандарта и от других форм лексического просторечия своеобразной этико-стилистической сниженностью, инвективностью и резкостью оценки пейоративного и даже вульгарного характера, которая обязательно сопровождается в функционально-понятийном плане существенными социально-эзотерическими признаками (и несущественными, но заметными этнизированными, локализованными, социально-демографическими, социально-профессиональными, социально-корпоративными чертами); лексику, формирующую, в соответствии с социолингвистическими параметрами интеракции-коммуникации отвечающий социолингвистическим нормам второго уровня компонент речевого репертуара своих носителей, имеющий основную эзотерическую функцию пароля и подчиненную ей коммуникативно-эмотивную функцию с паритетным варьированием коннотации и денотации, создавая при этом ситуацию частичной лексической диглоссии для субкультурных антисоциальных и асоциальных групп. В словарях английского просторечия арготизмы снабжаются пометами: *c.* (= *cant*) – для британского и *underworld use* – для американского ареалов; в словарях русского просторечия – пометой *арго* или указателями на вид арго – *угол.* (уголовный), *тюр.* (тюремный), *лаг.* (лагерный), *крим.* (криминальный). Ср.: **break**. Money collected by friends for a prisoner's defence: *c.*; **both hands** A prison sentence of ten years. *Underworld use*; **клифт**, -а, м. Шинель. ВВ: вохр.: солд.: 1960+: Север (< *вор.* «пиджак», «пальто»); **двадцать шесть**. *устар.* Тюремный надзиратель. *Тюр.*: нач. 20 в.+: СПб. В словарях арго арготизмы могут не снабжаться указателями арго: **МИНОМЁТ**, -а, м. Ложка.

Употребление низких коллоквиализмов и вульгаризмов в речи не создает ситуации диглоссии, поскольку коммуникативно они не подменяют собой лексику литературного стандарта. Употребление общих сленгизмов создает

частичную ситуацию социально-стилистической лексической диглоссии, поскольку их лексико-семантическая система может частично противостоять соответствующей системе литературного стандарта. Употребление профессиональных жаргонизмов в социально-речевом общении создает ситуацию социально-профессиональной диглоссии вследствие того, что лексико-семантическая система профессионального жаргона коммуникативно противопоставлена профессионально-терминологической системе в рамках вокабуляра соответствующего отраслевого профессионально-технического или научного подъязыка. Употребление корпоративных жаргонизмов создает ситуацию социально-корпоративной диглоссии, поскольку они могут коммуникативно подменять собой лексику литературного стандарта, часто являясь основным средством социально-речевого общения конкретного социума. Лексико-семантическая система кэнта и различных арго не соотносена непосредственно с определенным слоем терминологической лексики литературного стандарта. Она противопоставлена номинативно многим компонентам словарного состава языка. Употребление арготизмов (кэнтизмов) в речи создает ситуацию социально-эзотерической диглоссии, поскольку они часто являются единственным средством социально-речевой идентификации представителей конкретной антисоциальной или асоциальной маргинальной субкультуры или социума.

Маргинальная асоциальная субкультура – это система ценностей, традиций, норм и форм поведения, присущих определенному социуму, представители которого (чаще добровольно, реже вынужденно) исключены в разной степени из существующей в данном обществе и в данное время привычной среды, сферы деятельности и образа жизни, из общепринятого социокультурного пространства, вытеснены на обочину окружающего, часто навязываемого порядка вещей, оторваны от прежнего окружения. Данная общность людей имеет свой, отличный от традиционного, взгляд на жизнь, её ценности и своё место в ней. К маргинальным субкультурам принадлежат гомосексуалисты, лесбиянки, трансвеститы, проститутки, сектанты, наркоманы, неформалы.

Лексиконы маргинальных асоциальных субкультур как полуавтономные или неавтономные экзистенциальные формы языка – это иерархически структурированные просторечные (субстандартные) лексические системы, элементы которых (слова и устойчивые словосочетания) функционально (часто в функции кода или пароля) и понятийно (отражая свойственную данному социуму систему понятий) соотносены с соответствующим субкультурным социумом, обладают этико-стилистической сниженностью и инвективностью различного качества (от шутливо-иронической и фамильярно-насмешливой до уничижительной и вульгарной) и социально-корпоративной детерминированностью, отражающей субкультурную специфику данного социума. Поскольку полуавтономные маргинальные лексиконы противопоставлены в понятийно-функциональном плане соответствующим лексическим подсистемам литературного стандарта, элементы лексиконов маргинальных асоциальных субкультур могут создавать ситуацию только частичной лексической диглоссии, представляющей собой одновременное функционирование литературного языка как ведущей экзистенциальной формы и маргинального субкультурного лексикона как подчиненной ей формы существования языка в пределах одного социума, т.е. форм, которые выступают как неравнозначные средства коммуникации: первая – как целостный языковой код, обеспечивающий коммуникацию на данном языке, а вторая – как лексические элементы другого языкового кода, которые могут присутствовать в речи их носителей как отдельные вкрапления в соответствии с социолингвистическими параметрами коммуникативного акта.

Элементы лексических субстандартов / просторечий, которые выступают объектом контрастной социолексикологии и которые должны также получать социолексикографическое описание в английских и русских толковых словарях, охватывают все экзистенциальные формы лексического субстандарта / просторечия – низкие коллоквиализмы, общие сленгизмы, вульгаризмы, профессиональные и корпоративные жаргонизмы, арготизмы / кэнтизмы и элементы других эзотерических языковых форм, таких как романи [Romany], шелта [Shelta], поросьячь латынь [Pig Latin], а также детских «тайных языков» типа джиббе-

риш (gibberish), зиф (Ziph) и гиперниз (Hypernese), социализированные локализмы типа лондонского кокни, ливерпульского скауз, Estuary English, этносоциолектизмы типа афроамериканского, или негритянского сленга, локализованные этносоциолектизмы типа сленга Гарлема, жаргонизированные пиджинизмы и элементы других смешанных языковых форм, таких как лингва-франка [Lingua Franca], сабир [Sabir], парльяри [Parlyaree], хинглиш [Hinglish], спэнглиш [Spanglish], медновский, кяхтинский, таймырский и сибирский пиджины, руссенорск, суржик и трасянка, лексиконов различных субкультур типа битников, панков, фанатов, диггеров, хичхайкеров, а также асоциальных субкультур типа хиппи, гомосексуалистов, лесбиянок, трансвеститов, садо-мазохистов, проституток и т. п., межкультурные интерсоциолекты или интержаргоны – компьютерный сленг, сленг Интернета, чата и СМС, а также условно-профессиональные подязыки типа арго офеней, жаргона корабелов.

Примечания

¹ См. об этом: *Коровушкин В.П.* Основы контрастной социолектологии: Автореф. дис... д-ра филол. наук. – Пятигорск, 2005; *Коровушкин В.П.* Основы контрастной социолектологии: Монография: В 2 ч. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2005.

² Словари: 1) *британский субстандарт: Partridge E.* A Dictionary of Slang and Unconventional English: in 2 v. –

L.: Routledge & Kegan Paul, 1979; 2) *американский субстандарт: Wentworth H., Flexner B.S.* Dictionary of American Slang. Second Supplemented Edition. – N.Y.: Thomas Y. Crowell Publishers, 1975; 3) *русское просторечие: Грачев М.А.* Словарь тысячелетнего русского арго: 27 000 слов и выражений. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003; *Коровушкин В.П.* Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII - XX веков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000; *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2000.

³ См.: *Uris L.* Battle cry. – N.Y.: Bantam Books, 1955. – P. 175.

⁴ См.: *Капанадзе Л.А.* Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие. Проблемы изучения. – М.: Наука, 1984. – С. 8 - 10.

⁵ См.: *Маковский М.М.* Английская диалектология. Современные английские территориальные диалекты Великобритании. – М.: Высш. шк., 1980. – С. 99.

⁶ См.: *Нефедова Е. А.* Экспрессивный словарь диалектной личности. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 27.

⁷ См.: *Smitherman G.* Black Talk. – N.Y.: Houghton Mifflin, 2000. – P. 89.

⁸ См.: *Yule H., Burnell A.C.* Hobson-Jobson. A Glossary of Colloquial Anglo-Indian Words and Phrases, and of Kindred Terms, Etymological, Historical, Geographical and Discursive. – L.: Routledge and Kegan Paul, 1985. – P. 125.

⁹ См.: Большой толковый словарь донского казачества / *В.И. Дегтярев, Р.И. Кудряшова, Б.Н. Проценко, О.К. Сердюкова.* – М., 2003. – С. 36.

¹⁰ Здесь и далее примеры извлечены из словарей, приведенных в сноске 2.

Раздел 3

СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

УДК 329

М. Суботиц
НИИ по международной политике и хозяйству,
г. Белград (Сербия)

СЕЦЕССИЯ В ТРАКТОВКЕ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

Как моральный и политический принцип самоопределение заложено в фундаменты трех больших революций. Либерально-демократические принципы французской революции стали основанием политических концепций, моделью, благодаря которой геополитическая картина Европы менялась два последующих столетия. Кроме принципа суверенности гражданина, т.е. принципа свободы, равенства и братства, в понятие о правах человека включается элемент национальности, который становится основной движущей силой оформления современных национальных государств. Эти принципы нашли отклики и приняты во всей Европе. Сербские восстания 1804 – 1815 гг., сербская история Нового времени вообще основывается на принципе народности, на борьбе за национальное освобождение и объединение. Но даже два столетия спустя нам не удалось осуществить национальный и государственный идеал, к которому стремился еще Карагеоргий. Мы сегодня ничуть не стали ближе к этим стремлениям, потому что Югославия оказалась недолговечным образованием.

В югославском случае национально-конституционный характер принципа самоопределения народов, образцом для которого было итальянское и немецкое объединение, не удался. Теория о том, что сербы, хорваты и словенцы являются одним народом, на практике не прижилась по причине религиозных различий.

Известно, что Дж. Мадзини настаивал на возведении принципа самоопределения в статус международного права, по которому каждой нации принадлежит неотъемлемое право установления собственного национального государства. Он считал, что «суверенность принадлежит исключительно нации как единственно передовому и вечному толкователю самого высокого морального закона, потому что везде, где суверенность признается различными силами, там открывается путь насилию»¹. Принцип народности И. Гердер поднимал до уровня «основного принципа» человечества, а И. Фихте восхвалял и прославлял «принцип национальной независимости и объединения»².

Несмотря на существование ссылки на право самоопределения, а также на «Четырнадцать пунктов» В. Вильсона, которые он в виде послания произнес 8 января 1918 г. в американском конгрессе и которыми этот принцип поддерживался, югославское государство не было создано. В Югославию вошли три по многим признакам различных, ранее враждебно настроенных друг к другу народа. Поэтому при создании совместного государства право на самоопределение оказалось не фактическим выражением «троименного народа», а только политическим лозунгом. Хорватским (в меньшей степени словенским) государственным идеалом являлась триалистически переустроенная Габзбургская монархия, в которой

третьей частью они видели Хорватию, основанную на хорватском государственном и историческом праве. Поэтому словенцы и хорваты в югославское государство вошли только потому, что у них после проигранной в составе Австро-Венгрии войны не было другого выбора. Еще в 1916 г. Ф. Супило подчеркивал, что хорваты не хотят объединения с Сербией. При этом хорваты ссылались на Майскую декларацию (1917 г.), в которой говорилось о возможности создания Великой Хорватии в рамках триалистической Габсбургской монархии. Сербское настаивание на «троименном народе, политическом унитаризме и государственном централизме» было бессмысленным. Трумбич на Корфской конференции, ссылаясь на право на самоопределение, избежал даже намека на территориальное разграничение с Сербией, требуя только «общую территорию». Он твердо остался при мнении, что в совместном государстве необходимо сберечь хорватское государство, т.е. «необходимо до конца уважить право хорватов на самоопределение». Ссылаясь на «хорватское государственное и историческое право», исторически необоснованное политическое, искусственно созданное выражение, хорватские политики требовали переустройства государства и установления в форме так называемого «идеального дуализма» федерации/конфедерации с «цивилизационной границей на реке Дрине»³.

На хорватское государственное и историческое право ссылаются и современные хорватские составители Конституции. В Изначальных основах Конституции 1990 г. они ссылаются на хорватское государство и его объединение в Королевство СХС, при этом упуская, что Королевство Сербии непосредственно перед объединением было объявлено непризнанным «государством словенцев, хорватов и сербов». Его единство поддерживалось лишь народом, проживающим на его территории.

Новое государство необходимо было учредить на федеративном или конфедеративном принципе. Только это могло обеспечить существование в составе сербской части государства всех или почти всех областей с сербским этническим большинством. Это соответствовало бы и постановлениям Лондонского договора, и позициям русских, а также политическим принципам западных сил⁴. Если бы Сербия согласилась с федеративным устройством, требуемым хорватами и словенцами, и произвела территориальное разграничение по национальному принципу, были бы устранены все политические недоразумения и трагические столкновения двух народов, которые дос-

тигли кульминации в геноциде над сербами во время Второй мировой войны, а также в изгнании сербов из Республики Сербской Краины в последнем десятилетии XX в.

Известно, что вопросом права на самоопределение кроме американского президента В. Вильсона занимался В.И. Ленин. «Четырнадцать пунктов» Вильсона явились инструкцией к послевоенному переустройству мира, чему способствовала Лига Наций. Требования Вильсона были способом разлома Австро-Венгрии, для чего он и приветствовал возникновение новых национальных государств: Чехословакии, Польши и югославского образования. За год до этого Ленин в статье «О праве наций на самоопределение» провозгласил политический принцип, на основании которого должна быть оформлена Российская Федерация (1918 г.) и СССР (1922 г.). Принцип Ленина о праве наций на самоопределение вплоть до отделения будет находиться и в югославских конституциях с 1946-го по 1974 г. В статье «Финляндия и Россия» Ленин подчеркивает, что чем свободнее Россия, чем настойчивее она будет признавать право на отделение нероссийских народов, тем эти народы будут настойчивее требовать союза с Россией. Поэтому ленинский принцип самоопределения предлагает самую широкую автономию и подробно разработанные гарантии прав национальных меньшинств.

Политическая история XX столетия показывает, насколько применение права народов на самоопределение и оформление собственных национальных государств обусловлено геополитически, непосредственно зависит от констелляции глобальных сил, могущества и влияния великих держав, их политических, военно-стратегических и других интересов.

Будучи внесенным в Хартию ООН, самоопределение из морального и политического принципа становится юридическим, т.е. принципом международного права. Оно имеется в ст. 1, п. 2, а также в ст. 55 Хартии ООН. В ст. 1, п. 2 говорится о «развитии между нациями дружеских отношений, основанных на уважении принципов равноправия и самоопределения народов, а также о принятии соответствующих мер для укрепления общего мира», а в ст. 55 говорится о создании условий стабильности и благосостояния, необходимых для миролюбивых и дружеских отношений между нациями, которые основываются на уважении принципов равноправия и самоопределения народов.

Право на самоопределение заложено и в других международных документах. Деклара-

ция о деколонизации 1960 г. в п. 2 подтверждает, что все народы имеют право на самоопределение. На основании этого права они свободно определяют свой политический статус и свободно осуществляют свое экономическое, общественное и культурное развитие. В п. 3 и 5 данной Декларации указывается на право на самоопределение. Декларация внесла значительный вклад в ликвидацию колониализма: с 1945-го по 1966 г. применением права на самоопределение освобожден не один колониальный народ и сформировано 55 новых государств. Пакты о правах человека 1966 г. также содержат право на самоопределение, и в них уточнена его суть. То же указывается и в Декларации о принципах международного права и сотрудничества между государствами 1970 г., а также в Заключительном акте Хельсинки 1975 г.

Хельсинским заключительным актом провозглашена защита территориальной целостности и нерушимости европейских границ.

Однако на югославском примере, как и на советском или германском примерах, иллюстрируется утверждение геополитической обусловленности прав народов на самоопределение. Германская политика несколько раз в XX в. показала, что сила выше права и что международные отношения основаны больше на силе и действиях с позиций силы, чем на общепринятых международных документах.

Ленинский принцип явился основой югославского федерализма, введенного на втором заседании АВНОЮ в 1943 г. Известно, что КПЮ была создана по приказу Коминтерна в 1924 г. и с тех пор занималась разрушением югославской страны. На своем IV съезде, проведенном в Дрездене (1928 г.), КПЮ приняла решение об оформлении независимых государств Хорватии, Словении, Македонии и Черногории (первый раз в официальных партийных документах). Таким образом, Сербия сводилась к предкумановским границам.

Когда Вторая мировая война уже началась, коммунистическое руководство, возглавляемое И. Броз Тито, на V конференции КПЮ (Загреб, октябрь 1940 г.) приняло решение о защите Югославии в такой формулировке: «Коммунисты решительно стоят на принципе права самоопределения наций до их отделения, оформления независимых национальных государств или подключения к другим государствам. КПЮ никогда не будет препятствовать отделению нации, если она будет настаивать на этом». Именно тогда КПЮ начала разрушение сербской нации и государства в це-

лом, начался процесс оформления новых наций на антисербской основе⁵.

Концепт национальной федерации стали проводить в жизнь сразу после возобновления второй Югославии. М. Пияде «предлагал оформление сербского автономного края в Хорватии, но Тито, Ранкович и Джилас отбросили эту идею, считая границы условными, поскольку хорваты не разделяют уезды ("котары") на национальной основе⁶. И. Броз Тито жестко сопротивлялся автономии сербов в Хорватии, на которой настаивал М. Пияде⁷. Оставаясь при мнении о «единой Хорватии», он «разорвал документ о территориях автономии». И. Броз Тито и его коммунистические проектировщики не соглашались с оформлением автономных краев в самой Хорватии, хотя некоторые ее части веками до этого были самостоятельными.

Но по другую сторону границы, в Сербии, были оформлены автономные образования - Воеводина, Косово и Метохия, для того чтобы поднять их на уровень республик с сепаратистскими претензиями. Таким образом, разбивалось единство Сербии и обесмысливалась ее борьба за освобождение и объединение сербского народа.

Провозглашением Конституции 1974 г. Сербию «зацементировали», что и явилось целью и смыслом этой Конституции; тезис о «великосербском гегемонизме» приобрел абсолютное право гражданства. Выдвигали тезис: «Слабая Сербия – сильная Югославия». Ослабление Сербии продолжалось и после смерти И. Броз Тито, когда Словения и Хорватия стали откровенно поддерживать сепаратизм и Косово, и Воеводины. Сепаратизм достиг кульминации в 1981 г., в суровых антисербских и антиюгославских демонстрациях косовских албанцев. С тех пор Косово является самым подходящим сепаратистским пунктом для незаконного и насильственного отделения Словении и Хорватии от СФРЮ, которое произойдет позже. Бесспорно, что если бы не было страха перед Советским Союзом, эти республики уже тогда пошли бы на насильственную сецессию.

Существует мнение, что выход для сербского народа заключался в более высоком уровне интернационализации. К. Обрадович указывает на ошибку югославского государства, не вынесшего проблему государственного кризиса еще до войны в Словении на Совет Безопасности ООН. Он считает, что вооруженный бунт Словении и Хорватии сразу после объявления их независимости и неуспешной интервенции ЮНА нужно было трактовать

вать как проблему, которая является угрозой всему миру и безопасности вообще⁸.

Брионская декларация июля 1991 г. явилась последним документом, в котором требовалось, чтобы союзное государство осталось целостным. Но с ее положениями не согласились Словения, Хорватия и союзное государство.

Оказавшись выброшенными из новой хорватской конституции, свои права сербы закрепили в виде Республики Сербской Краины и отделились от Хорватии.

Республика Сербской Краины является ответом на сепессионистский, односторонний, юридически необоснованный и насильственный акт Хорватии, неконституционность которого обусловила такой же, по сути революционный, акт оформления Республики Сербской Краины.

С начала югославского кризиса существовало стремление к его интернационализации. В самом начале все важнейшие международные факторы, государства и международные организации поддерживали югославское государство и демократический метод его возможного переустройства. Многочисленные декларации Европейского Содружества (ЕС), КЭБС-ОЭСР, ООН, а также отдельные заявления высокопоставленных представителей США, Германии, Италии, Великобритании и т.д. выражали поддержку целостной и демократической Югославии. Известно заявление американского госсекретаря Дж. Бейкера в июне 1991 г. о том, что Вашингтон не признает односторонние акты сепессии и что о будущем Югославии ее федеративные единицы должны договориться мирным путем. Почти с такими же заявлениями выступали Г. Коль, Г.-Д. Геншер и др. Первый открытый шаг для разгрома Югославии совершила Германия требованием в 1991 г. признать независимость Словении и Хорватии. Международный фактор становится посредником, а временами и важнейшим актором и арбитром в югославском конфликте.

Германия открыто подстрекала конфликт в Хорватии. Г.-Д. Геншер советовал хорватам не прекращать столкновения с ЮНА, потому что, по его словам, каждый день войны приближал их к государственной самостоятельности. Открытым давлением на многие государства, а также давлением на ЕС и КЭБС-ОЭСР Германия прямо способствовала дальнейшему разжиганию войны на территории бывшей Югославии. Под давлением той же Германии ЕС откажется от собственной позиции поддерживать единую и целостную Югославию (Гагская и Брионская декларации, июль 1991 г.) и

свои посреднические услуги предложит сепаратистским республикам (Гагская конференция, план Каррингтона, октябрь 1991 г.). Как посредник в югославском кризисе, ЕС отреклось от «духа» Хельсинки и проигнорировало право на защиту территориального интегритета югославского государства. Таким образом, и ЕС способствовало расширению гражданской войны в бывшей СФРЮ.

На Конференции в Гааге 7 сентября 1991 г. ЕС провозгласило следующие принципы:

- Недопустимость одностороннего изменения границ.
- Защита прав всех народов Югославии.
- Полное уважение всех легитимных стремлений.
- Не признавать независимость ни одной из республик Югославии до достижения окончательного и положительного решения югославского кризиса в целом.

Но уже в начале октября того же года председатель Конференции по Югославии лорд Каррингтон и представитель ЕС голландский министр иностранных дел Г. ван ден Брук выносят готовый план, по которому югославский кризис предлагается решить признанием всех республик. Представители Сербии и Черногории отказались от предложенной Декларации, так как она, по их мнению, «отменяет действующий конституционный порядок и вычеркивает Югославию как государство». Они указывали на явный факт существования Югославии на самом деле, на тот факт, что отделение некоторых из ее республик не грозит ее международной непрерывности, и требовали, чтобы к двойной федерации (Сербии и Черногории) присоединили части сербского народа Хорватии, Боснии и Герцеговины, где они являются этническим большинством. Но из-за сильного нажима Германии и Ватикана ЕС склонилось к политике насильственной сепессии и разлома югославского государства. Право на самоопределение народа было отождествлено с правом на самоопределение республик и, таким образом, проигнорировано право на самоопределение сербского народа в Хорватии, Боснии и Герцеговине. Германский диктат из Маастрихта западноевропейские государства соблюли, как требовалось от них, вслед за самой Германией и Ватиканом, признав Словению и Хорватию.

Говоря о роли Ватикана в югославских политических и военных событиях, необходимо подчеркнуть, что разгром Югославии являлся постоянным стремлением римской курии. Это была важная часть ее стратегии в разрушении коммунизма, «новой» евангелизации и прозе-

литизма. Германско-ватиканский геополитическо-прозелитский концепт в разрушении Югославии оказался сильнее европейско-интернационалистического подхода, который требовал сохранения югославского государства.

В интервью итальянской газете «La Stampa» 2 марта 1992 г. М. Горбачев сказал: «Все, что в Восточной Европе произошло в последние годы, было бы невозможно без присутствия Папы, без роли Папы на мировой сцене». А чуть ранее Папа отметил: «Горбачева к нам направило Провидение...» Папа требовал сепарации Словении и Хорватии, подчеркивая, что народы Югославии между собой отличаются по культуре, религии, истории, языку, и осуждал одновременно «микро-национализм», понимая под ним требования сербского народа в Хорватии. О войне в Хорватии Папа сказал в Риме (13.11.91 г.): «Это агрессия, с которой необходимо покончить», указав: «бесспорно, агрессор – Сербия»⁹.

ЕС же свой подход на Конференции по Югославии обосновало следующим:

1. СФРЮ существует не как единый политический субъект, а только как группа независимых и суверенных государств.

2. Право на самоопределение квалифицируется не как право конститутивных народов, а как право федеральных единиц, т.е. СФРЮ исчезает по воле своих республик-членов.

3. При решении югославского кризиса необходимо придерживаться территориального статус-кво, т.е. принципа о неизменяемости границ.

План Каррингтона также предусматривал «специальный статус» для всех меньшинств, недвусмысленно указывая на сербов в Хорватии.

Высшего же предела в распутывании югославского кризиса ЕС достигло через Арбитражную комиссию. ЕС согласилось на раздел СФРЮ на составные части, которые были поставлены в одинаковое положение. Это значило, что они могли, соответственно Декларации о критериях признания новых государств в Восточной Европе и СССР и мнению Арбитражной комиссии, быть признанными как суверенные и независимые государства и как таковые явиться равноправными членами бывшей СФРЮ.

Еще одним фактором затруднения сербской версии самоопределения явилось то, что Россия согласилась с европейским арбитражем при проведении разграничения с бывшими республиками Советского Союза по существующим административным линиям несмотря

на то, что за пределами России, в так называемом «ближнем зарубежье», осталось приблизительно 25 миллионов русских.

Республика Сербия лорду Каррингтону задала три вопроса:

1. Разрешается ли Хартией ООН и международным правом сепарация Хорватии, Боснии и Герцеговины?

2. Кто является титуляром права на самоопределение: нации или федеративные единицы?

3. Можно ли считать границами в смысле международного права демаркационные линии между конститутивными единицами федерации?

После того, как Каррингтон произвольно переформулировал вопросы сербской стороны, последние прозвучали в следующем виде:

- Имеют ли право на самоопределение сербские жители Хорватии, Боснии и Герцеговины, являясь конститутивным народом Югославии?

- Можно ли считать внутренние границы между Хорватией и Сербией, с одной стороны, и Сербией, Боснией и Герцеговиной, с другой, границами в смысле публичного международного права?

На первый вопрос Комиссия ответила, что в настоящей фазе развития международное право не уточняет все следствия права на самоопределение. Но известно, что, несмотря на текущие обстоятельства, право на самоопределение не может привести к изменениям границ, которые существуют в момент независимости (*uti possidetis juris*), кроме случаев, когда заинтересованные государства договариваются иначе.

При ответе на второй вопрос Арбитражная комиссия подчеркнула, что внешние границы необходимо соблюдать во всех случаях соответственно принципам, о которых напоминает Хартия ООН, и что республиканские административные границы между Хорватией и Сербией, или между Сербией, Боснией и Герцеговиной, или, по возможности, между другими соседними независимыми государствами можно менять только путем свободной и взаимной договоренности, т.е. «если не будет договорено иначе, прежние границы получают характер границ, защищенных международным правом»¹⁰.

Иными словами, сепарация республик была переформулирована в «дезинтеграцию» союзного государства, а потом право народа на самоопределение было заменено правом республик на самоопределение.

Выступая на Трибунале в Гааге как свидетель по делу бывшего югославского президента С. Милошевича, профессор Р. Маркович подтвердил, что сепаратистские акты Словении и Хорватии были противоконституционными и что Конституционный Суд Югославии их аннулировал, потому что, соответственно Конституции 1974 г., титуляром права на самоопределение является конститутивный народ (шесть югославских народов), что применение права на самоопределение и отделение, которое включает и изменение границ союзного государства, можно осуществить только в Скупщине СФРЮ в соответствии с Конституцией определенным порядком. Газета «Новости» от 14.01.05 г. писала: «Отделение имело место, но ни в коем случае как односторонний акт, а только при согласии всех. Сепарация, исходя из мнения Конституционного Суда, была возможна, но при этом необходимо было соблюсти принципы Конституции». Р. Маркович подчеркивал: «Югославия не была договорным образованием, неким собранием частей, она существовала, пока у нее были хотя бы две федеральные единицы, тем более, что эти две единицы занимали большую часть территории страны и численности населения... Поэтому республиканские акты о сепарации неконституционны, о чем Конституционный Суд Югославии указал и руководящему Конференцией о Югославии лорду Каррингтону. Конституционный Суд Югославии считал, что у каждой нации одинаковое право выйти из Югославии или остаться в ней, что одно не может быть "сильнее другого". Этими же причинами профессор Маркович доказывал незаконность переоформления в межгосударственные границы внутренних административных границ республик»¹¹.

Но Германия принудила ЕС отступить от международного права и отказаться от собственного мнения, подстрекая признать право сепаратистских республик «воевать до признания». Международное признание сепаратистских республик шло и в рамках американских (НАТО) интересов, соответствовало «новой геостратегии». Поэтому вопрос разлома Югославии оказался вопросом, по которому Германия и США легко договорились. Разлом Югославии пришелся по душе американцам для осуществления их глобальных целей. Война в Хорватии, Боснии и Герцеговине позволила НАТО расширить свои стратегические планы на Восток, навязывая программу «Партнерство ради мира» всем государствам Юго-Восточной, Центральной Европы и Центральной Азии, стремясь к обладанию ими со стра-

тегической целью овладеть русской государственной площадью.

Самый известный американский геополитик З. Бжезинский надменно сообщает, что Россию надо разорвать на конфедерацию трех республик: Сибирской республики, Московской России и Дальневосточной республики. Дальнейшая стратегия Бжезинского подразумевает партикуляризм и поощрение конфликтов в разорванном русском государстве, оправдывая это защитой прав человека, с целью окончательно завладеть не только сибирскими и каспийскими энергетическими ресурсами, но и в целом «политически неорганизованной» русской государственной площадью. Сербия же является страной, стоящей на пути американских геостратегических направлений. Из Сербии американский империализм намерен сделать политически неорганизованное, хаотическое пространство, которое можно использовать как обычную логистическую базу и оперативную основу для дальнейшего наступления¹².

Но проблема в том, что ни одно «сербское» правительство или режим, несмотря на весь свой сервилизм и прислужничество западным хозяевам, даже предательство сербского национального и государственного интереса, не внушают достаточно доверия и не являются надежными союзниками в походе на «мир наций», в основном на европейский юго-восток и Россию.

ЕС смирилось с разломом югославского государства и разделением сербского этнического пространства, насильственно загоня сербский народ в новые, вражеские государства. Не был замечен геноцид сербского народа в Краине и самая большая этническая чистка, через которую Хорватия при поддержке США пропустила свыше 500 тысяч сербов, убивая их, сжигая их поселения и уничтожая их имущество. Под влиянием США Европа, ссылаясь на права человека и демократию, бросила под ноги международное право, на которое опиралось антигитлеровское европейское здание.

США с Западной Европой остались глухи к правам их союзника в двух мировых войнах – сербского народа, но поддержали те народы и религиозные группы, которые развивались на антисербской основе. Способ признания Хорватии, Боснии и Герцеговины нагляднее всего свидетельствует о применении двойных стандартов при развязке югославского кризиса. Захват сербского Косово и Метохии является пределом цинизма «западных демократий».

Таким образом, в Европе сегодня реализуются два противоположных процесса: один

интеграционный, который выступает за единую Европу, созданную из суверенных государств с совокупностью их территорий, которые в этом виде интегрируются в европейский энтитет; другой основывается на редукции и фрагментации сербской этнической и государственной площади.

Очевидно, что «США хочется быть управляющим на балканском распутье. С такой целью после распада СФРЮ продолжаются попытки его дальнейшего дробления, так что игра ведется вокруг отделения из СРЮ Черногории, Космета, даже Воеводины. Босния и Космет для Америки являются причиной, из-за которой они якобы должны остаться в Европе, так же, как Израиль является причиной их задержки на Ближнем Востоке <...> для того чтобы они приютились на просторах Сибири и Каспия», - делает вывод Г. Зюганов¹³.

Но то, что видно в далекой России, не видит власть ДОС в Сербии. Она отказалась от государственного континуитета и, подчиняясь требованиям создателей глобализации и нового мирового порядка, аннулирует СРЮ и оформляет гибридное политическое и государственно-правовое содружество, государственный провизориум Сербии и Черногории сроком на три года.

Все должны понимать, что США вместе с восемнадцатью государствами членами НАТО совершили незаконную, варварскую агрессию против СРЮ, оправдывая ее якобы гуманитарной катастрофой албанцев на Космете, а по сути исходя из единственной цели – поддержать албанцев в их намерении насильственно отторгнуть Космет от сербского народа и государства и оформить большое албанское государство на Балканах, которое для американцев могло бы быть опорой в их дальнейших претензиях к Востоку.

Гагская «инквизиция» своей целью положила только одно: наказать почти всех серб-

ских военно-политических руководителей, потому что они, исходя из международного права и в соответствии с ним, защищали законные стремления своего народа, сопротивляясь разрушению и оккупации собственного государства. В Гааге судят Сербию, судят ее законные стремления сохранить целостность Сербского государства.

Пер. автора.

Примечания

¹ Цит. по: *Колакович Ю.* История современных политических теорий. - Загреб, 1981. - Т. 1. - С. 268.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: *Янович Д.* Государственно-правовая история Югославии. - Белград, 1987; *Кризман Б.* Распад Австро-Венгрии и оформление югославского государства. - Загреб, 1977; *Екмечич М.* Военные цели Сербии 1914 г. - Белград, 1973; *Животинович Д.* Америка, Италия и возникновение Югославии. 1917 - 1919. - Белград, 1967; *Митрович А.* Делегация Королевства СХС на мирной конференции. 1919 - 1920. - Белград, 1967.

⁵ Цит. по: *Глигориевич Б.* Коммунистическая партия Югославии и сербский вопрос в Хорватии 1918 - 1991 гг. и Республике Сербской Краине. - Белград, 1996. - С. 340.

⁶ Цит. по: *Петранович Б., Лакич З.* Партизанская автономия Санджака 1943 - 1945 гг. - Белград, 1993. - С. 262

⁷ См.: *Глигориевич Б.* Коммунистическая партия Югославии и сербский вопрос в Хорватии 1918 - 1991 гг. и Республике Сербской Краине. - Белград, 1996. - С. 348.

⁸ См.: *Обрадович К.* О достоинствах международного права сегодня и умение им пользоваться // *Международная политика* (Белград). - 1994. - № 1024. - С. 25.

⁹ Цит. по: *Аврамов С.* Opus dei - новый крестовый поход Ватикана. - Вестерник, 2000. - С. 208.

¹⁰ Цит. по: *Шушич С., Терзич З.* От Бриона до Дейтрона. Хронология кризиса на просторах Югославии. 1990 - 1995. - Белград, 2003.

¹¹ Цит. по: Газета «Новости» (Белград). 2005. 19 января. - С. 16.

¹² Там же.

¹³ *Зюганов Г.* Геополитика России. - Белград, 1999. - С. 197.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ

Современная реклама во всех ее типах и составляющих – от ATL до BTL – становится все более значимым фактором формирования социального пространства. В полной мере это

относится и к региональному измерению социального пространства. Усложняется отношение к рекламе как социальному феномену со стороны общества, усложняются задачи,

которые призвано решать эффективное рекламное сообщение, меняются и сами представления об эффективности и качестве. Реклама стала важной частью информационного пространства, более того, она стала серьезнейшим каналом трансляции новых смыслов, образов, моделей поведения.

Сегодня малопродуктивно говорить о рекламе как о некоем преходящем социальном зле. Уже очевидно, что реклама никогда не будет информационным маргиналом, от разрушительного влияния которого необходимо защищать общество. Представляется более продуктивным интенсифицировать полноценный диалог в обществе по поводу природы современных медиа, полноправной частью которых является реклама. Реклама, как и масс-медиа в целом, в зависимости от нашего к ним отношения – неизбежное обременение нашего социального бытия или поле новых возможностей организации нашего быта и источник важнейшей социальной информации. Поэтому экспертное сообщество, заинтересованное в оптимизации социальной среды обитания, должно приложить усилия к налаживанию полноценного диалога между производителями, трансляторами и получателями медиа-сообщений, исходя из того предположения, что открытый, полноценный диалог всегда ведет к улучшению взаимопонимания, взаимобменам, способствует взаимообогащению сторон, участвующих в этом диалоге.

Нарастание социальности в современной рекламе как глобальный тренд. Природа рекламного сообщения такова, что оно по большому счету всегда социально, и чем полнее рекламное сообщение выполняет свои функции, тем более зависит оно от социума, тем более на этот конкретный социум ориентировано. Непонимание этой жесткой зависимости рекламного сообщения, языка рекламы в целом от системы ожиданий общества – скорее всего, болезнь роста, которая лечится не только опытом, но и сознательными усилиями участников информационных обменов. Нарастание социальности в современной рекламе – это глобальный тренд. По крайней мере, именно к такому выводу пришла редакция журнала «Рекламные идеи», проанализировав лучшие образцы рекламных продуктов фестиваля «Каннские львы-2006». Основные заключения таковы:

1. Социальность рекламы как глобальный тренд. Медиа перешли в руки потребителей. Люди в наше время хотят не слушать истории, а участвовать в них, творить и делиться плодами творчества.

2. Люди все меньше верят традиционным медиа и все больше – друг другу. Масс-медиа проигрывают более целевому интерактиву и прямым рассылкам.

3. В силе реклама, которую «играют друг на друге»: перформансы, праздники, флэш-мобы, внутрикорпоративные кампании по повышению лояльности.

4. Телевизионная реклама становится похожа на кино, чтобы зритель мог ей сопереживать; радиореклама – на песни или сатирические выступления, чтобы слушатель мог над ней посмеяться.

5. В измерениях эффективности кампаний помимо традиционной «доли рынка», «спонтанной узнаваемости» и «намерения купить» все больше косвенных показателей вроде «процента отреагировавших», позволяющих кроме прямого маркетингового эффекта измерять реакцию людей на саму кампанию.

Вывод: совершенно необходимо вовлекать людей в свою рекламу, даже если сегодня не собираешься им ничего продавать. Потребители рекламы – далеко не всегда потребители продукта: рекламу делают с оглядкой на инвесторов, на бизнес-сообщество и просто на общество. Реклама становится «безотходным производством»: те ее компоненты, которые напрямую не продают товар, используются в целях корпоративной репутации и стратегического менеджмента¹.

Можно предположить, что нарастание социальности как раз и отражает ту тенденцию к «новой практичности», о которой сегодня все чаще говорят и в России. «Новая практичность» предполагает отказ от утилитарности и феномена немедленной отдачи от инвестиций, она предполагает не продвижение услуги, продукта, политика, но продвижение стиля жизни, предложение и продвижение не только новых смыслов и образов, но и динамичной модели среды обитания и развития этих новых смыслов и образов. При таком подходе конкретность, индивидуальность, идентичность приобретают все более важное значение. Можно предположить, что демассификация рекламы – логичное продолжение демассификации медиа, еще недавно казавшейся для российских специалистов технократической утопией западных футурологов, но сегодня констатируемой как свершившийся факт и в нашей стране. Регионализация здесь – одно из ключевых направлений демассификации.

Новое состояние национального медийного пространства таково, что именно его региональное измерение может оказаться наиболее важным и принципиальным локусом форми-

рования диалога нового типа. Общие тренды информационного пространства и очевидные тенденции развития информационного пространства страны определяют нарастание важности регионального измерения как зоны специфических региональных идентичностей. Общеизвестно, что поиск новых локальных идентичностей по многим причинам сегодня отражает доминирующее развитие информационных магистралей. Среди вновь обретаемых идентичностей все большую роль занимают национальные, религиозные, культурные и субкультурные, а также региональные идентичности.

Усиление регионального фактора в деятельности традиционных медиа России. В недавней статье с характерным названием «Рекламный переворот в регионах» А. Ковалев, начальник отдела внешних связей ЗАО «Видео Интернешнл "Тренд"», выделил как очевидные следующие тенденции, характеризующие динамику медийных пространств российских регионов:

- Масштаб происходящего: кардинальные изменения на региональных рынках сравнимы только с процессами второй половины 90-х гг.
- Крупнейшие мировые компании вкладывают средства в размещение рекламы на региональных рынках (Procter & Gamble, Unilever, Nestle, Danone, Pepsi Co, Coca-Cola, Samsung Electronics, Вымпелком, Балтика и др.).
- Доля федеральных рекламодателей, размещенных московским офисом «ВИ "Тренд"» на эксклюзивных ТВ каналах в городах сети дочерних предприятий за 9 месяцев 2006 г. составила 46 % без учета московского рынка.
- Основная особенность регионального телевидения – близость к аудитории.
- Программы местных каналов, информационные проекты – основной источник событийной информации для жителей региона.
- Региональное телевидение полезно для жителей практически.
- Оно «внимательнее» относится к особенностям региона, социальным характеристикам конкретной телевизионной аудитории.
- Для регионального зрителя важна живая обратная связь.
- Зачастую рейтинги программ на местных каналах превосходят рейтинги программ на каналах федеральных.
- Тенденция последних лет – трансформация локальных каналов в федеральные

(например, ТВ-5). Телевидение перестает быть московской монополией, региональное ТВ постепенно завоевывает и удер­живает аудиторию.

Увеличение числа каналов и усиление сегментации аудиторий как фактор повышения внимания к региональным медиарынкам. Очевидная тенденция к резкому увеличению числа каналов, доступных российским аудиториям, выявляет ряд принципиальных изменений как в конфигурации и форматах самих каналов, так и в профилях их аудиторий:

- Общая тенденция – уменьшение универсальных каналов, увеличение нишевых каналов (прогноз: в ближайшее время число каналов возрастет до 100, при этом универсальных останется 2 - 3); вслед за США закрепление термина 100+.
- Рост числа каналов не влияет на время просмотра (сегодня – примерно 3,5 ч).
- Зритель будет менять приоритеты, выбирая интересное лично для него. Доступное без ограничений телевидение будет персонализированным.
- Уже сегодня в круговой диаграмме предпочтений телезрителей растет доля «других» ТК. Уход зрителя на нишевые каналы, уход к наиболее живому, интерактивному телевидению.
- В ближайшем будущем, когда аудитории станут «более целевыми», федеральным рекламодателям придется иметь в каждом городе уже не 3 - 4 канала с необходимой аудиторией, а 10 - 15.
- Кому удастся раньше узнать все хитрости регионального медиапланирования и успешно использовать происходящее в телевизионном пространстве страны, тот и сможет себе обеспечить в ближайшие годы конкурентное преимущество в своем сегменте².

Существуют объективные предпосылки для того, чтобы именно региональное рекламное пространство рассматривалось как принципиальный локус формирования и функционирования эффективных сообщений. Но позитивный эффект невозможен без изменения качества диалога между рекламой и обществом, между региональными производителями, ретрансляторами рекламных сообщений и непосредственно жителями крупных городов. Сами по себе эти предпосылки не могут изменить ситуацию кардинальным образом, и региональная реклама автоматически не станет (так же, как и региональные СМИ в целом) более гуманистичной и гуманитарной, более

качественной и конкретной. Поэтому основная задача для всех участников процессов в регионе – понять природу рекламы в современном обществе как сложнейшего социально-психологического и экономического явления и на этом понимании выстраивать новый уровень отношений.

Медиаобразование как диалог медиа и общества. Одним из серьезнейших факторов, сдерживающих развитие рекламного пространства как пространства эффективных социальных коммуникаций, на сегодня является низкий уровень диалогических отношений включенных в него акторов. К региональному информационному пространству это относится в первую очередь. Представляется, что позитивную роль в оптимизации этих диалогических отношений могло бы сыграть широко понимаемое системное медиаобразование, реализуемое по региональным (или адаптированным к условиям региона) программам в школах и вузах области, а также в виде специальных программ повышения квалификации, дополнительного образования и переподготовки кадров журналистов, рекламистов, специалистов в области социальных коммуникаций.

Акцент на специфических конфигурациях регионального рекламного пространства позволит всем участникам этого процесса – и производителям, и получателям рекламных сообщений – лучше понять друг друга и выстраивать отношения на более доверительной и открытой основе.

Сегодня российское медиаобразование признано как специальное направление образовательной деятельности. Существует огромное количество литературы по данному вопросу, выпускаются специальные периодические издания, активно работают специализированные интернет-ресурсы, разработано несколько вариантов примерных учебных программ различного уровня, которые реализуются на специализированных кафедрах ряда российских вузов и региональных образовательных центров³. Эти учебные программы являются хорошим ориентиром для создания региональных образовательных программ медиаобразования, а наработанный российский опыт позволяет наиболее полно решать задачи, стоящие перед медиаобразованием в регионе.

Необходимо обратить внимание на один принципиальный аспект. Изначально медиаобразование возникло как результат стремления общества обеспечить информационную безопасность подрастающего поколения. Стратегия британского медиаобразования в форму-

лировке российских специалистов (Е.Л. Вартановой и Я.Н. Засурского) выглядит, например, так:

Медиаобразование = защита от СМИ + подготовка к анализу СМИ + понимание сущности и функций СМИ + осознанное участие в медиакультуре⁴.

В силу переходного характера российской экономической и культурно-образовательной ситуации отечественный вариант стратегии медиаобразования, с точки зрения авторов, должен соответствовать несколько иным критериям, а именно ориентироваться не только на детей, но и на взрослых, на самые широкие группы россиян.

Е.Л. Вартанова и Я.Н. Засурский пишут: «...При формировании основ российского медиаобразования необходимо разделить его на взаимосвязанные, но отличающиеся друг от друга модели. Поэтому российский модуль медиаобразования должен сочетать в себе две основные характеристики – гибкость и универсальность. *Российский подход к медиаобразованию = гибкость + универсальность*»⁵.

Среди ключевых задач медиаобразования можно выделить следующие:

- подготовить новое поколение к жизни в современных информационных условиях, к восприятию различной информации;
- научить человека понимать законы порождения, трансляции и восприятия информации в пространстве медиа, осознавать последствия воздействия на психику и другие эффекты медиа.

Для российского медиаобразования в его региональном аспекте наиболее актуальной представляется теория репрезентативной парадигмы в медиаобразовании.

Репрезентативная парадигма – это понимание способов, которыми медиа представляют реальность; технологий и идеологий, которые при этом используются; это расширение пространств принятия свободных и ответственных решений человеком в обществе. В основе системы обучения лежит несколько конкретных положений:

- Медиа не отражают реальность, а репрезентуют - представляют ее.
- Главная цель медиаобразования – «денатурализация» медиа.
- Медиаобразование – это всегда исследовательский процесс⁶.

Язык медиа, в том числе и язык рекламы в широком понимании этого слова, нуждается в систематическом изучении и освоении. Это специфическая знаковая система, границы и

принципы кодирования которой до сих пор не до конца устоялись и вряд ли когда-нибудь будут очерчены жестко. Тем не менее, уже сегодня можно говорить о неких ключевых концептах медиаобразования, аутентичность понимания которых участниками процессов уже сама по себе позволяет снизить уровень конфликтности и угроз взаимонепонимания. Эти очевидные позиции и должны оказаться в центре образовательного процесса. Вокруг них должна происходить кристаллизация содержания учебных курсов. Среди основных можно назвать:

- язык медиа;
- естественность и реальность;
- аудиторию;
- конструкцию;
- медиавосприятие;
- репрезентацию (переосмысление);
- отбор;
- сегментацию;
- код, кодирование/декодирование (включая специфику невербальных кодов);
- идеологию;
- риторику;
- обозначение;
- ассоциацию;
- жанр;
- повествовательную (нарративную) структуру;
- рассуждение;
- субъективность⁷.

Целью образовательного процесса должна стать социальная медиаграмотность как фактор повышения эффективности диалога общества и СМИ, в том числе общества и рекламы.

Медиаграмотность в традиционном понимании этого термина включает в себя несколько ключевых компетенций:

- развитие способностей, знаний и отношений, необходимых для анализа способов, с помощью которых медиа активно конструируют реальность;
- формирование социального, культурного, политического и экономического понимания значений этих конструкций и распространяемых ими ценностей;
- развитие уровня оценки и эстетического восприятия медиатекстов;
- декодирование медиатекстов для распознавания и оценки культурных ценностей, практической значимости, идей, содержащихся в них;
- осознание того, что те, кто конструирует медиатексты, делают это, исходя из множества мотивов – экономических, политических, ор-

ганизационных, технических, социальных и культурных;

- понимание того, что каждый человек вовлечен в селективный и аналитический процесс исследования медиатекстов, что этот процесс и связанные с ним смыслы/значения зависят от психических, социальных и природных факторов⁸.

В г. Череповце и Вологодской области сегодня имеется серьезный исследовательский ресурс, представленный, прежде всего, Центром региональных исследований Корпоративного университета «Северсталь», а также рядом других организаций. В оптимизации коммуникативных процессов заинтересованы редакции СМИ и ряд наиболее серьезных рекламных агентств, только что создан муниципальный информационный центр. Имеется и серьезный потенциал как исследовательского, так и образовательного характера, представленный в первую очередь преподавателями и студентами кафедр связей с общественностью и социологии, политологии и права Гуманитарного института ЧГУ. Правительство области в полной мере осознает необходимость системных и принципиальных усилий в этой области. Об этом, в частности, свидетельствует областная целевая программа мероприятий по поддержке русского языка на территории Вологодской области, деятельность Совета по русскому языку, литературе и культуре при Правительстве области. Одним из элементов данных программ является проведение ежегодных семинаров «Язык региональной рекламы», «Язык СМИ», издание специальных научно-методических сборников, посвященных этой проблематике.

Объединение имеющихся ресурсов и возможностей создает необходимые условия не только для разработки качественных программ медиаобразования, ориентированных на региональное информационное пространство, но и для их успешного внедрения, позволяющего в среднесрочной перспективе надеяться на успешное решение таких принципиальных задач, как:

- углубление социальности региональных медиа (включая рекламу);
- повышение лояльности региональных аудиторий к региональным СМИ;
- повышение эффективности взаимодействия региональных аудиторий и медиа;
- доминирование в региональных нишах каналов, ставящих перед собой серьезные и важные для населения области цели и задачи.

Региональное измерение позволяет добавить к предложенному Я.Н. Засурским и

Е.Л. Вартановой российскому модулю медиаобразования еще один аспект - конкретность. Прежде всего, конкретность понимания того, что именно происходит в региональном информационном пространстве, как именно складываются зрительские и читательские предпочтения, каковы системы ожиданий зрителей, слушателей и читателей в отношении получаемых ими от СМИ сообщений, каковы представления самих СМИ о своих аудиториях, их характеристиках и т.д.

Медиаобразование в его региональном аспекте должно базироваться не только на неких общих представлениях о механизмах функционирования СМИ, но и на конкретных, эмпирически подтвержденных и изученных механизмах создания, трансляции и восприятия сообщений масс-медиа. Это ни в коей мере не означает какой-то замкнутости или искусственной локализации. Она невозможна в принципе. Это означает только одно – эффективное использование реально сформировавшихся трендов на глобальных информационных рынках, в первую очередь тренда локальных идентичностей.

Таким образом, сочетание гибкости, универсальности и конкретности позволяет рас-

считывать на успешность и перспективность такого рода программ, а также на то, что их разработка и внедрение позволят повысить эффективность социального диалога и принести пользу всем его участникам.

Примечания

¹ См.: Букша К. Канны-2006: лев с человеческим лицом // Рекламные идеи. - 2006. - № 5. - С. 11.

² Ковалев А. Рекламный переворот в регионах // Лаборатория рекламы, маркетинга и PR. - 2006. - № 5 (48).

³ Подробный перечень изданий, посвященных данной теме, вышедших в России до 2001 г., см. в монографии: Федоров А.В., Чельшьева И.В. Медиаобразование в России: краткая история развития. - Таганрог: Познание, 2002.

⁴ Вартанова Е.Л., Засурский Я.Н. Российский модуль медиаобразования: концепции, принципы, модели // Информационное общество. - 2003. - Вып. 3. - С. 5 - 10.

⁵ Там же.

⁶ Подробнее см., напр.: Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. - М.: Академический Проект, 2005. - С. 395 - 428.

⁷ Краткий словарь основных медиаобразовательных терминов приводится в работе: Федоров А.В., Чельшьева И.В. Медиаобразование в России: краткая история развития. - Таганрог: Познание, 2002.

⁸ См.: Кириллова Н.Б. Указ соч. - С. 400.

УДК 329

З. Милошевич
Институт международной политики и экономики,
г. Белград (Сербия)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И КОРРУПЦИЯ

У партий есть возможность получать доходы другими, нелегальными путями. И они вынуждены это делать. И никакие разоблачения и судебные процессы не в состоянии остановить развитие данной объективной тенденции.

А. Зинovieв

Борьба против коррупции является одним из условий вхождения в члены Евросоюза. Борьба с коррупцией призывает и Всемирный банк, Совет Безопасности стран Европы, а также ряд других влиятельных международных и национальных организаций. Однако в то же время переход к либерально-демократическому режиму выдвигает на первый план политические партии. Таким образом, борьба с коррупцией при всем уважении к многопар-

тийности преподносится как первостепенный и обязательный вид модернизации посткоммунистического общества.

Политология неоднозначно относится к коррупции политических партий. Некоторые теоретики предлагают гипотезу, согласно которой коррупция – «необходимое зло», другие же клеймят данное явление с точки зрения морали. Наша позиция, которую мы в данной работе попытаемся защитить, основывается на

утверждении, что политические партии и коррупция являются плодом либерально-демократического порядка.

Политические партии можно трактовать по-разному. Для нашего исследования особое значение имеют два часто цитируемых определения. Согласно М. Веберу, политическую партию необходимо рассматривать в качестве объединения, основанного на базе (формально) свободного вхождения в его ряды, с целью наделения лидера влиянием, распространяемым на всех участников данного сообщества, а также с целью получения (идеальной или материальной) возможности для активных его участников (реализовать определенные планы, или осуществить личные замыслы, или и то и другое). Подобные объединения могут носить эфемерный или наперед спрограммированный характер. Их цель заключается в том, чтобы иметь возможность реализовать себя в обществе любого строя независимо от того, на какой основе входят участники: личных симпатий, традиционного подхода, рационалистических расчетов (целевых или ценностных, «сходно мировоззрению»). Данные объединения могут быть ориентированы на личные интересы или же на истинную цель¹.

Л. Тадич утверждает, что слово «партия» происходит от латинского «pars» (часть) или «partire» (делить). В сущности же политическая партия представляет собой часть политически активного народа, т.е. населения, или граждан. Партии существуют там, где неорганизованным социальным группам необходима способность к действию, своеобразный толчок и ясность целей в политической борьбе. Политические партии – общественные организации, или *организованные* социальные группы, осознающие цели, к которым стремятся неорганизованные группы со сходными интересами, и представляющие собой эталонную общественную систему, в которой могут реализоваться интересы всех участников. То, что в позиции определенных общественных групп еще не приняло ясных очертаний и порой является неосознанным, политические партии трансформируют в сознание и волю группы. Для существования одной политической партии необходимы два элемента: организация и программа².

Согласно этому, политические партии – это политические организации с политическими программами, цели которых направлены на приход к власти в государстве вопреки тому, что некоторые (социалистические и коммунистические) партии руководствуются далеко

идущими планами отмены любого вида власти человека над человеком³. Будучи в достаточной мере прочными и стойкими образованиями, политические партии представляют собой наиболее простую форму интеграции политически активных граждан. Они основаны на принципе добровольного вхождения в ряды членов и добровольной агитации избирателей. По определению политические партии – свободные ассоциации, существование которых возможно только в системах, построенных на принципах политической демократии. В тех же случаях, когда данное условие не срабатывает, партии свое дальнейшее существование в обществе могут обеспечить лишь насильственным путем.

Коррупция (от лат. *corruptio* – подкуп, испорченность, декадентство) широко распространена среди различной степени ответственности служащих и начальников, политиков и офицеров, а также среди политических партий⁴. В Словаре иностранных слов и выражений Р. Алексича слово «коррумпируют» означает: 1. путем подкупа склонить кого-либо к аморальным действиям; 2. морально портить⁵.

По причине распространенности коррупции и сложности структуры ее проблематики данному понятию тяжело дать определение, хотя значение самого слова относительно ясно. Разные авторы приводят различные толкования коррупции в зависимости от ее роли в общественной и политической жизни. Определения коррупции также не совпадают в отдельных странах, что, в свою очередь, находит свое отражение в принятии мер по борьбе с ней. Согласно анализу литературы, мнения авторов из разных стран совпадают в выделении активной (дача денег, материальных ценностей) и пассивной (взятие денег, материальных ценностей) коррупции.

Толкованием понятия «коррупция» занимаются независимые авторы, институты и учреждения. Все они сходятся во мнении, что коррупция – это злоупотребление служебным положением, т.е. принятие подарков в целях удовлетворения личных потребностей. Совет Евросоюза предлагает следующее определение коррупции: «Коррупция – это подкуп или аналогичные действия по отношению к лицам, обладающим определенной властью в общественной или частной сфере, приводящие к незаконным действиям с их стороны в исполнении служебных полномочий в зависимости от статуса служащего в общественной организации, от функций наемного рабочего в частном секторе, независимого представителя и т.д. с

целью извлечения выгоды для себя лично или для некоторого третьего лица»⁶.

Мировой банк определяет коррупцию следующим образом: «Предложение, датие, согласие взять или требование каких-либо выгод, которые могут повлиять на решение служащего при подписании договора или в выборе поставщика услуг»⁷. Transparency International определяет коррупцию как «злоупотребление служебным положением с целью получения выгоды нечестным и незаконным путем»⁸.

Коррупция представляет собой широкое понятие, которое включает в себя несколько категорий. Некоторые авторы относят коррупцию к наказуемым действиям: **подкупу** с целью получения материальной выгоды со стороны служащего при исполнении своих обязанностей (данное явление зачастую сопровождается угрозами и шантажом); **обману**, цель которого заключается в получении материальной выгоды, когда служащий намеренно недоговаривает или скрывает детали сделки, вводя клиента таким образом в заблуждение, что влечет за собой ущерб его материального положения; **злоупотреблению положением служащего**, что представляет собой злоупотребление служебным положением или служебными правами, бесчестное поведение на рабочем месте, фальсификацию или уничтожение документов, книг, записей и списков, раскрытие коммерческой тайны, незаконное посредничество и т.д.; **фальсификации, отмыванию денег, контрабандизму, сокрытию данных и спекуляции**. Кроме того, выделяют малую (мелкую) и крупную (систематизированную) коррупцию.

Коррупция имеет место как в развитых, так и в бедных странах. Это доказывает то, что бедность и переходный период не являются первопричинами коррупции. Коррупция зависит прежде всего от государственной системы и морали нации. Данное явление, конечно же, базируется на нескольких факторах политического, экономического, социального, культурного, исторического и правового характера.

О том, насколько серьезно встал вопрос коррупции, говорит и тот факт, что данной проблемой занималась ООН, вынесшая в 1996 г. Декларацию ООН по борьбе против коррупции, а в 2003 г. – Конвенцию ООН против коррупции. Совет Безопасности Европы также в 1990-м и 1999 гг. рассматривал данный вопрос и принял определенные Конвенции по этому поводу.

Доказать факт присутствия политической коррупции обычно достаточно трудно, так как

прямых доказательств часто не бывает. В случае политической коррупции речь идет прежде всего об использовании политической поддержки с целью получения материальной выгоды для себя и для своей политической партии. Зачастую данный вид коррупции имеет место в области хозяйственной деятельности, экономического и неэкономического криминала, а также в процессе принятия некоторых законов.

Важнейшую проблему политической коррупции представляет вопрос финансирования политических партий. Существует большое количество законов, в которых оговаривается процесс финансирования политических партий. В данных законах речь идет, как правило, об ограничении получения денежных средств во время предвыборных кампаний. Политические партии финансируются из государственного бюджета. Еще одной статьей пополнения партийной «казны» являются членские взносы, дотации физических и юридических лиц, прибыль от собственных предприятий, процентные выплаты. Все перечисленное приносит партиям большие доходы, но, несмотря на это, данные субъекты политики без больших усилий обходят многочисленные правила для того, чтобы получить дополнительные средства.

Много внимания уделяется политической коррупции и в Евросоюзе, а в качестве одного из условий вступления в данную организацию является требование сокращения всех форм коррупции, в том числе и тех, которые связаны с политическим процессом и политическими партиями⁹. В то же время в самом Евросоюзе разоблачаются многочисленные коррупционные скандалы, связанные с политическими партиями и их членами. Чаще всего речь идет о незаконном присвоении средств, которые выделяет Евросоюз государствам-членам и государствам-кандидатам.

Европейский суд по финансовым нарушениям на протяжении семи лет не мог отклонить иски Евросоюза, объясняя это тем, что Комиссия не располагает полной и проверенной информацией, где бы конкретно указывалось на то, каким путем поступали средства Евросоюза: напрямую или через посредника¹⁰.

Становится все яснее, что коррупция, прежде всего связанная с деятельностью людей, занимающих высокую политическую позицию, превратилась в серьезную проблему во многих государствах Евросоюза. Речь идет о самых влиятельных представителях данной организации: Великобритании, Германии, Франции и Италии. Согласно приводимым данным, выясняется, что государства-канди-

даты на вступление в Евросоюз менее коррумпированы, чем старые члены¹¹.

Приведем несколько конкретных примеров коррупции со стороны отдельных политиков и политических партий. В начале 1992 г. в Италии произошел скандал, связанный с тем, что социалистическая партия (в то время «партия власти») получила «благодарность» от частного предпринимателя за то, что тому было предоставлено уникальное право оказывать определенный вид услуг для государства. Лидер партии Кракси заявил, что аналогичным образом поступали все партии. Под следствием оказалось более 400 человек, среди которых были лидеры социалистической и социал-демократической партий, 9 министров, 46 депутатов, 12 сенаторов, 182 локальных политических деятеля и государственных чиновника¹².

Аналогичный скандал произошел во Франции. В политической коррупции были замешаны и уличены верховные представители государственной власти. По словам политолога И. Мени, опубликовавшего фундаментальное исследование на данную тему, коррупция во Франции еще никогда не была настолько системно и методично организована, как в последние десять лет¹³.

Например, согласно данным Open Society Institute, во Франции было несколько коррупционных скандалов. Среди них и тот, который произошел с президентом страны Ж. Шираком, или в Италии с С. Берлускони, в Германии также имели место скандалы, связанные с финансированием политических партий¹⁴. Для данных примеров характерно то, что они связаны с присвоением денежных средств отдельными лицами и партиями, в результате чего определенные частные фирмы получили возможность осуществлять некоторые виды деятельности.

В Словении, начиная с 2000 г., все политические партии нарушали закон о финансировании партий. Ни один данный субъект политики не понес за это серьезного наказания или других санкций. Кроме того, социал-демократическая партия получила 24 758 евро от некоторого английского фонда на предвыборную кампанию. Финансирование из-за рубежа осуществлялось не на текущий счет партии (что само по себе незаконно), а на счет неизвестного сообщества, которое организовали руководители и члены партии.

Либеральная партия Словении также получила около 1,95 млн евро от одной швейцарской фирмы, у которой правительство (его со-

ставляли члены данной партии) закупало продукт по завышенной цене.

В Чешском парламенте, например, у политических партий есть «неформальный» рынок, на котором «продаются» законы. Иными словами, заплатив депутатам и их политическим партиям, предприниматели и другие заинтересованные богатые лица могут «купить» нужный им закон. В данном государстве в 1997 г. произошла смена правительства по причине скандала, связанного с получением денег лидирующими партиями от предпринимателей на нужды предвыборной кампании. В Румынии данное явление представляет собой системную проблему, а в Болгарии, Литве, Польше и Словакии политические партии ассоциировались с коррумпированностью¹⁵.

В Союзной Республике Югославии, т.е. в Сербии и Черногории, также имели место случаи коррумпированности политических партий. Специфика сербской политической арены заключается в том, что деньги на партийные нужды давали, а значит покупали «государство», влиятельные силы США и Евросоюза. Так, в 2001 г. средствами массовой информации были опубликованы фельетоны, а также переведен ряд книг западных авторов, указывающих на то, что большинство сербских политических партий, составлявших демократическую оппозицию Сербии (ДОС), борющуюся с режимом С. Милошевича и стремящуюся «вывести Сербию в Европу», получали деньги от США и Евросоюза. В то же время в период после С. Милошевича отмечаются и классические формы партийной коррупции, и создание новых партий на данных принципах¹⁶.

Конечно же, подобная практика коррумпированности политических партий и политиков имеет место и после вступления в Евросоюз. В первую очередь коррупции подвержены политики – депутаты Европарламента. Так, например, зарплата депутата Европарламента составляет 3000 евро, к этому следует прибавить 17 000 на оплату услуг личных помощников, советников и т.д. Каждая страна имеет от 50 до 100 своих представителей в Европарламенте (некоторые меньше). Согласно данному факту, можно заключить, что в странах, где средняя зарплата составляет 250 евро, депутаты не стремятся отстаивать интересы своего народа больше, нежели Евросоюза, т.е. больших корпораций и олигархов Европы¹⁷.

Олигархи и политики Евросоюза при помощи коррупции со стороны политических партий, их лидеров и политической элиты также обеспечивают себе кредиты в банках и

куплю своих «рабов» в государствах – кандидатах для вступления в Евросоюз.

Также следует обратить внимание на то, что обычно не замечают аналитики при исследовании коррупции: политические представители США и Евросоюза в период кризиса после распада Югославии, занимавшие высокое положение при решении данного вопроса, уезжали из Боснии и Герцеговины, Косова и т.д., значительно поправив свое финансовое положение. Вся помощь «при строительстве» и при поддержке других проектов буквально возвращалась в Евросоюз, т.е. к её жителям¹⁸. Исследования степени коррумпированности политиков и политических партий проводили в 64 странах мира такие компании, как Transparency International и Gallup International. Самыми коррумпированными государствами оказались Аргентина (58,27%), Япония (51,9%), Турция (42,5%), Великобритания (41,2%)¹⁹, Индия (41,2%), США (39,1%). В России, например, коррупция охватывает око-

ло 24,5% политиков и партий²⁰. Исследование во многом меняет представление о коррупции и в первую очередь о коррумпированности политиков и политических партий. Выяснилось, что в бедных государствах, а также в государствах, переживающих переходный период, коррупция распространена меньше, чем в развитых странах и странах, из которых осуществляется «экспорт демократии» (см. табл. 1-3).

Подобная практика политических партий – практика продажи государственных, национальных и экономических интересов – на жаргоне Мирового банка называется «покупкой государства». Мировой банк располагает сведениями, что около 20% от общего числа народов мира терпит ущерб от политической коррупции, осуществляемой путем принятия законов в парламенте (через «покупку законов») и финансирования политических партий²¹.

Таблица 1

Показатели «покупки государства»: процентные показатели предприятий, пострадавших от принятия «купленных» решений

Страна	Парламентское законодательство	Президентские директивы ²²	Центробанк	Суды	Хозяйственные суды	Партийное финансирование	Хозяйственный индекс покупки
Болгария	28	26	28	28	19	42	28
Чехия	18	11	12	9	9	6	11
Эстония	14	7	8	8	8	17	10
Венгрия	12	7	8	5	5	4	7
Литва	40	49	8	21	26	35	30
Латвия	15	7	9	11	14	13	11
Польша	13	10	6	12	18	10	12
Румыния	22	20	26	14	17	27	21
Словакия	20	12	37	29	25	20	24
Словения	8	5	4	6	6	11	7
Средний показатель	19	14,4	14,6	14,3	14,7	18,5	15,1 ²³

Таблица 2

Ответ предприятий на вопрос: «Какое влияние имели следующие формы коррупции на деятельность Вашего предприятия? – Продажа голосов депутатов в парламенте во имя частных интересов» (в %)

Страна	Никакого влияния	Малое влияние	Значительное влияние	Очень большое влияние	Число ответов
Болгария	62	10	18	10	68
Чехия	71	12	14	4	95
Эстония	67	19	9	5	103
Венгрия	73	15	7	5	101
Литва	77	8	10	6	73
Польша	66	21	8	5	171
Румыния	62	16	12	11	76
Словакия	69	11	17	3	71
Словения	80	12	2	6	111
Латвия	30	30	31	9	122

Таблица 3

Ответ предприятий на вопрос: «Какое влияние имели следующие формы коррупции на деятельность Вашего предприятия? – Принятие политическими партиями средств во имя частных интересов» (в %)

Страна	Никакого влияния	Малое влияние	Значительное влияние	Очень большое влияние	Число ответов
Болгария	47	10	22	21	78
Чехия	87	8	2	3	89
Эстония	55	29	13	4	108
Венгрия	90	7	2	2	108
Литва	69	18	7	6	83
Польша	74	16	6	4	172
Румыния	59	14	17	10	71
Словакия	56	24	14	6	84
Словения	67	22	6	5	109
Латвия	34	31	24	12	119

В рамках политологии существует несколько теорий относительно основания политических партий: институциональная, кризисная, модернизационная и организационная. Согласно институциональной теории, в качестве причин возникновения партий приводятся парламент, избирательное право, идеология, роль личных интересов и коррупция²⁴.

Подобное мнение о возникновении политических партий по причине личных интересов и коррупции основывается на политической практике государств, где и были основаны первые политические объединения – в США и Великобритании. Например, в Великобритании политические партии развиваются при

помощи средств, полученных путем коррупции, а в США подобным образом политический вес набирают выборные комитеты.

Чтобы лучше объяснить нашу гипотезу, воспользуемся теорией А. Зиновьева, который, в свою очередь, различает идеологическую демократию и реальную демократию. То, что преподносится общественности, когда речь заходит о демократии и носителях демократического процесса – о политических партиях, является *идеологической, идеализированной* и несуществующей демократией. Реальная же демократия, согласно описанию Зиновьева, выглядит так: «В одном из журналов я прочитал следующую характеристику американской

демократии. Тайные центры организуют выборы, избирают президента и формируют правительство, которое устраивает их. Выборы "народных избранников" - циничный обман. Партийная борьба представляет собой не что иное, как прямое насмехательство над "настоящей демократией" (обратите внимание – "настоящая демократия"!)). Используются все средства: подкуп, взятки, обман, насильственные методы. Кандидаты обещают все и сразу, сулят реформы, руководствуясь самыми благородными намерениями, своим сторонникам обещают деньги, высокое положение и т.д. Исход президентских выборов зависит от суммы вложенного капитала. Борьба за власть, постоянные колебания то в одну, то в другую сторону заставляют находящихся у власти оставлять свое положение. Победители же, осознавая, что их ждет аналогичная участь, стараются извлечь из своего положения как можно больше собственной выгоды. Девиз "Воспользуйся шансом" является руководством к действию для чиновников. Подкуп и личные эгоистические интересы господствуют во всей политической системе. Во главе партий стоят акулы животного мира, принцип которых заключается в том, чтобы урвать как можно больше. Дух *взяточничества и подкупа пропитал все устройство*. Нет независимого суда. При помощи денег можно выйти из любого неприятного положения и избежать заслуженного наказания. Газеты находятся в руках тех, кто создает "политический климат" и определяет направление вектора внутренней и внешней политики. Зависимые от воли общественного покровителя, газеты или молчат, или кричат на все стороны о том, о чем получили приказ, однако истина всегда остается скрытой. Хитрые дельцы обманывают народ и манипулируют общественным мнением как им вздумается. Газеты и продажные партийные лидеры зомбируют людей, вынуждая их слепо и бездумно верить тому, что все поступки совершаются ими во имя свободы, права, равноправности, прогресса и демократии. Положение вещей не изменится, даже если к власти придет другая партия. Сменяются люди, система остается»²⁵.

В подобной системе коррупция представляет собой многоуровневое и многообразное явление. В данном случае интересен аспект, связанный с финансированием партий. Пути финансирования, послужившие поводом к вышеупомянутым скандалам, все еще считаются преступными. Партии обладают возможностью получения средств другими, нелегальными путями. И они вынуждены делать это.

Поэтому никакие расследования и суды не в состоянии остановить развитие данной объективной тенденции²⁶.

Естественно, что голоса в пользу легализации партийной коррупции стали раздаваться громче, данный процесс получил название «параллельного финансирования» или несколько иначе, но обязательно без криминального оттенка. Подобные названия отражают суть вещей, однако все еще в завуалированной форме. Сама же суть состоит в том, как по праву указывает Зиновьев, что партии и партийное руководство стремятся официально занять то положение в обществе, которое они уже фактически имеют в государственной системе. Идеалом же данного положения может послужить статус аппарата КПСС и партийных чиновников при советском режиме²⁷.

Немного иначе, однако в том же ключе и с теми же выводами была сформулирована позиция Open Society Institute, где на 14 страницах цитируемого издания говорится: «Коррупция во многих государствах-членах Евросоюза представляет препятствие качеству и нормальному функционированию демократических институтов».

Иными словами, коррупция «исчезнет» только тогда, когда политики получат право, которое им обеспечит возможность брать из государственной казны столько денег, сколько им надо, принимать на работу того, кого они хотят и где они хотят, продвигать и протектировать тех людей и ценности, которые им выгодны, или же устранять и подвергать критике тех, кто им мешает.

Евросоюз различными методами пытается бороться с коррупцией вообще и коррупцией политических партий в частности. Рекомендации, даваемые Евросоюзом по этому поводу кандидатам и государствам-членам Евросоюза, следующие:

- Отрегулировать устранение конфликта интересов.
- Принять закон о финансировании политических партий.
- Обеспечить доступ к информации о коррупции²⁸.

По опыту большого числа стран-членов Евросоюза, а также кандидатов для принятия в члены Евросоюза очевидно, что коррупция, несмотря на закон о финансировании политических партий, не упразднилась сама по себе. Результатом нововведения по регулированию партийного финансирования стало появление нового типа партий – картельного, как его еще называют: различные партии объединяются по вопросу принятия нового закона, согласно ко-

торому большую часть денег на проектирование получают от государства. В то же время в подобной системе финансирования партии становятся государственными агентами, что само по себе во многом меняет природу политических партий, так как они перестают зависеть от членских взносов и самих членов, что ведет к отчуждению от избирателей.

Кроме того, Евросоюз выстраивает сложную систему «хорошего поведения», активная работа над которой началась после издания так называемой Белой книги о правлении в июле 2001 г. Меры, сопровождавшие принятие Белой книги, составляли издание Кодекса поведения членов Европарламента, а также попытки усовершенствовать кодекс служащих Евросоюза.

Кроме данных мер (назовем их новыми) Евросоюз в начале 90-х гг. прошлого века подписал несколько антикоррупционных постановлений и конвенций по защите финансовых интересов и по борьбе с коррупцией. Однако по сей день ни одна из принятых Конвенций не была ратифицирована в достаточной мере, чтобы её исполняли²⁹.

Несмотря на это Евросоюз от каждого государства-кандидата в качестве условия для вступления выдвигает требование сокращения объемов коррупции до «терпимой меры». Практика приема в Евросоюз показывает, что данный критерий соблюдается в недостаточной мере (случаи Румынии, Болгарии, Польши, Чехии, Литвы и Латвии). Также можно заметить, что и у самого Евросоюза есть «допустимый» и «недопустимый» уровень коррупции. «Допустимым» для данного политического объединения считается коррумпировать политические партии, лидеров и правительства других стран во имя реализации собственных интересов, «недопустимым» же является наносить ущерб европейской политической системе, став кандидатом в её члены.

Из сказанного можно сделать вывод, что коррупция, связанная с деятельностью политических партий, стала системной проблемой Евросоюза, т.е. проблемой всего либерально-демократического устройства.

Примечания

¹ См.: Weber M. Partije // Političke stranke kao faktor suvremenog političkog sistema / Под ред. S. Pulišelić. - Zagreb: Naprijed, 1971. - P. 81 – 82.

² См.: Tadić Lj. Nauka o politici. - Beograd: Rad, 1988. - P. 313.

³ Там же. - С. 314.

⁴ См.: Мельник В. Современный словарь по политологии. - Минск: Книжный дом, 2004. - С. 184.

⁵ Aleksić R. Rečnik stranih reči i izraza, Prosveta. - Beograd: Prosveta, 1978. - P. 411.

⁶ Corruption and Economic Development, URL: <http://www.worldbank.org/html/jextdr/corrupt/cor02.htm>

⁷ Helping Countries Combat Corruption: The Role of the World Bank, <http://www.worldbank.org/publicsector/antikorrupt/corrupt/coridx.htm>

⁸ Там же.

⁹ В данном случае сложилась двусмысленная ситуация: у самого Евросоюза нет конкретной, последовательной и системной программы борьбы против коррупции. В то же время Европейская Комиссия по принятию новых членов настаивает на том, чтобы новые кандидаты подписали и ратифицировали Конвенцию Совета Европы, содержащую ряд правовых актов, а также другие документы.

¹⁰ См.: The Independent. 2002. 30 maj.

¹¹ См.: Spremljanje pridruženja EU: Korupcija in protikorupcijski ukrepi v Sloveniji. - Budapest: Open Society Institute, 2002. - P. 20.

¹² См.: Зиновьев А. Запад. Феномен западнштва. - Београд: Наш дом, 2002. - С. 162.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Spremljanje pridruženja EU: Korupcija in protikorupcijski ukrepi v Sloveniji. - P. 33.

¹⁵ Там же. - С. 65.

¹⁶ Организация «Транспарентност Србија», исследуя январские выборы 2007 г., заключила, что политические партии в ходе предвыборной кампании потратили больше, чем предусмотрено законом, израсходовали суммы, превышающие выплаты из бюджета и от донаторов. Иными словами, это означает, что существуют и «тайные» донаторы, и «тайные» способы получения политическими партиями средств, т.е. наличие классической коррупции и «продажа страны». См.: Политика. 2007. 10 февраля. - С. 7.

¹⁷ См.: Милошевић З. Између Европске уније и савеза православних Словена // Јединство православних Словена. - Сарајево: Филозофски факултет, 2006. - P. 61.

¹⁸ Смягченный вариант описания данного процесса можно найти на страницах загребского периодического издания «Јутарњи лист». См.: странке потрошиле више него што су смелее? // Политика. 2007. 8 февраля. - С. 10.

¹⁹ В апреле 2006 г. в Великобритании произошел еще один скандал, связанный с деятельностью премьер-министра Тони Блэра и Лейбористской партии. Речь идет о сенсационной афере, связанной с продажей титула лорда богатым людям, которые не «за просто так» были готовы «отстегнуть» парочку миллионов Лейбористской партии. См.: Поповић П. Полиција у Даунинг стриту 10 // НИИ. - Београд, 2007. - С. 58.

²⁰ <http://www.gazeta.ru/#265704>

²¹ Spremljanje pridruženja EU: Korupcija in protikorupcijski ukrepi v Sloveniji. - P. 61.

²² Директивы в Евросоюзе почти всегда связаны с коррупцией. Когда власти или президент государства вынесут директиву, первый вопрос, возникающий в Евросоюзе, - «кто заказчик?» Иными словами, директива считается недемократическим методом предоставления льгот определенному предприятию или индивидуальному лицу.

²³ См.: Hellman J., Jones G., Kaufmann D. Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition // Policy Research Working Paper 244, World

Bank Institute and Office of the Economist, EBDR. 2000. September. - P. 9.

²⁴ См.: *Fink-Hafner D. Politične stranke*. - Ljubljana: Fakulteta za družbene vede, 2001. - P. 41.

²⁵ *Зиновьев А. Запад*. - С. 142.

²⁶ Там же. - С. 162.

²⁷ Там же.

²⁸ *Spremljanje pridruženja EU: Korupcija in protikorupcijski ukrepi v Sloveniji*. - P. 24.

²⁹ Там же. - С. 32.

УДК 659

О.В. Смирнова
Череповецкий государственный университет

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Общество само по себе не может сделать человека свободным, человек должен сделать свободным общество.

Н.А. Бердяев

Специфической особенностью отечественной философии является ее антропологичность, поскольку именно человек и проблемы его существования традиционно стоят в центре внимания наших мыслителей. Важно заметить, что русская философия не отрывает человека от мира его бытия – общества и культуры, в которых он творит и реализует себя.

Одним из аспектов взаимосвязи личности и общества, исследуемых русскими философами, были отношения по поводу свободы. В конце XIX - начале XX в. тема свободы занимала видное место в творчестве В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Ф.М. Достоевского, С.Н. Булгакова, Н.О. Лосского, С.А. Левицкого, Е.Н. Трубецкого и др. В отличие от западноевропейской трактовки свободы как индивидуальной ценности, для русских религиозных мыслителей свобода выступает как социальный феномен. Как справедливо отмечает Л.А. Коган: «чистая (абсолютная, обособленная) свобода – это абстракция, пустая и бесплодная. Свобода – всегда в связях и отношениях между людьми, в связи с миром и историей, с конкретной ситуацией...»¹.

Целостность человеческого бытия обеспечивается неразрывностью отдельности и слитности, автономности и единства, соборности и свободы. Как подчеркивал Н.А. Бердяев, «хоровое» начало, единство любви и свободы, персонализма и общности – это «идея чисто русская».

Единство личностного и общественного выступает у В.С. Соловьева как «личностно-общественное начало», у Н.О. Лосского как

«иерархический персонализм», у Л.П. Карсавина как «симфоническая личность», у С.А. Левицкого как «персоналистический солидаризм». Последний считает, что данное единство свободно от крайностей и либерализма с его идеей абсолютно суверенной индивидуальности, и коллективизма с его представлением о человеке как социальном атоме.

Нетрудно заметить, что позиция русских мыслителей явно противостоит новоевропейской установке, согласно которой свобода есть способ самоутверждения и самореализации отдельного индивидуума.

«Свободой такой индивид считает отрешенность от традиционных уз общности, сдерживающих и подавляющих личную свободу, т.е. частную инициативу, предприимчивость, - справедливо замечает современный исследователь. – Для индивидуалистического воззрения общинность – это жесткие нормы, дисциплина, деспотическое ограничение и подавление свободы личности, а отделенность от общинной жизни, выход из ее "пут", обособление, превращение в независимого от общины частного лица есть настоящее благо, свобода, самостоятельность, утверждение своей (не общей) воли»².

В противоположность этому подходу в русской религиозной философии, начиная со славянофилов, утверждается взаимосвязь соборности (общественного) и свободы (индивидуального).

Еще А.С. Хомяков отмечал, что соборное единство заключено в основе православного учения и церковной жизни не как извне навя-

занный авторитет, а как внутреннее достояние личности. В понятии соборности он нашел сочетание двух трудносоединимых принципов: свободы и единства. По его мнению, в католицизме есть единство, но принудительное, без свободы, в протестантизме – свобода без единства. Только православие основано на принципе: единство в свободе и свобода в единстве. Для соборного образа мысли свобода – это свобода в общине, лишить которой – значит обречь человека на одиночество, неприкаянность и отверженность. Именно любовь к Богу свободно объединяет верующих в Церкви.

Позднее эта формула была положительно воспринята и поддержана целым рядом религиозных мыслителей: В.С. Соловьевым, С.Н. Булгаковым, Н.А. Бердяевым, Ф.М. Достоевским, С.А. Левицким и др.

В частности, В.С. Соловьев понимал человека как духовную реальность. Дух есть центр, средоточие подлинно человеческого в человеке, в том числе и такой его сущностной характеристики, как свобода. Именно божественное начало в человеке делает его способным выходить за пределы своего несовершенства, устремляясь в бесконечность, к идеалу. Стремление к совершенству есть обращенность к Богу как к воплощению высшей нравственности. В статье «Великий спор и христианская политика» он отмечает, что понятие свободы необычайно важно для выработки критериев оценки практической деятельности людей, их взаимодействия в обществе. По мнению философа, свобода всегда требует нравственного отношения и к выбору решения, и к практическому осуществлению его. Подлинная свобода не может определяться ни интересами материальности (выгодой), ни интересами властными (себялюбием), но только интересами нравственности (долгом)³.

Конечно, ни отдельный человек, ни сообщество людей не могут быть не связанными с материальными интересами и властными побуждениями, но у истинно свободного субъекта они должны контролироваться чувством долга, совести, ответственности.

Сама категория совести, по Соловьеву, есть категория не науки, а веры, поэтому и свобода как ответственное, совестливое поведение есть продукт веры, а не позитивного знания. Таким образом, философ связывает свободу не только с необходимостью, но и с обязанностью, с нравственными идеалами, с совестью и верой, т.е. с социальными ценностями.

Сходное понимание свободы находим в нравственной философии Ф.М. Достоевского.

Свобода по Достоевскому – это подлинная, глубинная сущность человека. Она всегда противоречива, поскольку может не только возвысить человека, но и привести его к падению в бездну греха. Отсюда и известное предостережение Достоевского о том, что если у человека нет Бога, то ему все становится дозволенным. Вот почему так важно идти к Богу, ведь Бог – это любовь, добро. В сердце человека всегда борются Бог и дьявол, но человек все же находит в себе силы для нравственного возрождения, обратившись к Богу и пройдя перед этим долгий путь страданий. Если же кто отвергает Бога – тот встает на путь грехопадения и нравственной гибели.

С одной стороны, писатель понимает бунт против Бога, основанный на невозможности выносить страдания мира, ведь каждый человек имеет абсолютную ценность. Но, с другой стороны, Ф.М. Достоевский обличает так называемое свободное самоутверждение человека за счет других. Результаты своевольной и пустой свободы неизбежно будут жестоки и аморальны.

Свобода от морали превращается для героя романа «Преступление и наказание» Раскольникова в гибель бессмертной души. «Наука же говорит: возлюби прежде всех одного себя, ибо все на свете на личном интересе основано, – говорит один из героев романа. – Возлюбишь одного себя, так дела свои обделаешь, как следует»⁴.

Разум способен оправдать любые преступления, и только религия и вера, по Ф.М. Достоевскому, способны ограничить разум. Когда Бога нет, гуманизм переходит в антигуманизм; человек становится лишь материалом, он лишь «унавоживает почву» для сверхчеловека. Для сверхчеловека не существует понятий добра и зла, они меняются местами. Для супермена все остальные люди – материал для выполнения его желаний. Путь человекобожества ведет, по Ф.М. Достоевскому, к отрицанию человечности, к отрицанию гуманизма и свободы. Лишь путь Богочеловека (человека по образу и подобию Бога) ведет к утверждению человеческой личности и свободы. Писатель подчеркивает, что там, где нет религиозного основания, там нет и не может быть нравственности. «Всякая нравственность, – пишет Ф.М. Достоевский в дневнике, – выходит из религии, ибо религия есть только формула нравственности».

Н.А. Бердяев, как известно, также рассматривал свободу как фундаментальную характеристику, которая присуща человеку как духовному существу. Подлинной свободой явля-

ется способность человека действовать на основе высших религиозных ценностей и жить по совести, по Богу. Без свободы невозможно осуществление своей основной миссии – продолжать творческую деятельность в мире, начатую Богом. Человек, по Бердяеву, богоподобен как творец, он не может жить иначе, чем творя свою жизнь, свой мир, свою судьбу, самого себя. Творчество – это и смысл, и цель, и средство. Это способ жизни человека.

Противоречие между сложившимся социумом и человеком тем острее, чем больше это творческое начало в человеке развито. Современное технологизированное общество, по мнению Бердяева, препятствует свободе творческой самореализации личности. Личность, стремящаяся к свободе, все более и более оказывается подавленной обществом. Он пишет: «Уже индустриально-капиталистический строй, основавший себя на индивидуализме и атомизме, привел к подавлению личности, к безличности и анонимности, к коллективному, массовому стилю жизни. Материалистический коммунизм, восставший против капитализма, окончательно уничтожает личность, растворяет ее в социальном коллективе, отрицает личное сознание, личную совесть, личное суждение. Личность в человеке, которая есть в нем образ и подобие Божье, разлагается, распадается на элементы, теряет свою целостность»⁵. Философ считает, что трагический конфликт личности и общества неразрешим на почве внерелигиозной. Только христианство может разрешить эту мучительную проблему, поскольку оно дорожит именно личностью, ее индивидуальной человеческой душой, признает безусловную целостность всякой личности. «Только христианство может защитить личность от грозящей ей гибели, и только на почве христианства возможно внутреннее соединение личности с другими в общении, в общности, в которой личность не уничтожается, а осуществляет полноту своей жизни», - утверждает Н.А. Бердяев⁶.

С.А. Левицкий в своей знаменитой книге «Трагедия свободы», впервые изданной в Германии в 1958 г., вновь обращается к традиционной для русской религиозной философии теме. Свободу он считает первоначальным свойством личности, столь существенным, что оно связано со всеми сторонами личности и мира. Он считал, что свобода есть великий, но вместе с тем и роковой дар, люди как грешные существа поддаются всевозможным соблазнам, и тогда возникают различные извращения свободы.

С этой проблемой рано или поздно сталкивается каждый, задаваясь вопросом о последнем основании наших поступков и мотивов, пытаясь понять, независимы мы в своей судьбе, в становлении своего характера, своей личности или наша жизнь лишь поле влияния внешних и чуждых нашему «Я» сил? В современную эпоху, по мнению философа, как никогда актуален ответ на вопрос: «Свободна ли человеческая воля выбирать между мотивами или она лишь проводник детерминизма?» С.А. Левицкий справедливо указывает, что мало внешнего освобождения человека. Социальная свобода не есть только утверждение демократии, «мало того, освобождением от тирании и эксплуатации не кончается, а скорее начинается одиссея свободы», гораздо сложнее и значимее становление внутренней духовной свободы индивида, а оно невозможно без осознания своей связи с обществом, поскольку свобода «...есть тонкий и пока довольно хрупкий плод культуры. Свобода – не в царстве природы, а в царстве культуры»⁷. Поэтому так «важно согласование личной свободы со свободой моих ближних и дальних. Важно преодоление идололatriи свободы, под маской которой скрывается одержимость гордыней или бегство в безответственность»⁸.

Эти слова, высказанные русским мыслителем в середине XX в., как нельзя более актуальны в наше время. Для современной России, освободившейся от ига тоталитаризма и командно-административной системы, важно не впасть в крайности анархии, которая несет с собой не свободу, а дикий произвол хищных индивидов и демагогизированных масс. Поэтому сегодня тема свободы – не просто предмет философской рефлексии, но и проблема личного выбора каждого из нас.

Примечания

¹ Коган Л.А. Триединство свободы // Вопросы философии. – 1997. - № 5. – С. 31.

² Лазарева А.Н. Идеи соборности и свободы в русской религиозной философии. – М., 2003. – С. 9 – 10.

³ Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. Т. 1. – М., 1988. – С. 130.

⁴ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Соч. Т. 5. – М., 1979. – С. 146.

⁵ Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире // Новый мир. – 1990. - № 1. – С. 221.

⁶ Там же.

⁷ Левицкий С.А. Трагедия свободы. – М., 1995. – С. 311.

⁸ Там же.

Е.В. Тишина
Череповецкий государственный университет,
Ю.Н. Тишин
Череповецкий военный инженерный институт радиоэлектроники

РЕКУРСИВНАЯ СТРУКТУРА ВУЗА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Слово «структура» используется в речи как нечто очевидное. Структуры классифицируются, противопоставляются друг другу и выступают в роли инстанции, на которую ссылаются для объяснения предмета. Однако само это понятие, как правило, применяется без осмысления. Что означает отсылка к структуре и почему она возможна? Отнюдь нельзя считать, что эта тема исчерпана онтологическим структурализмом, который, поместив структуру в центр всякого рассуждения и превратив ее в код, избегает необходимости определять, каким образом и благодаря чему этот код накладывается на вещи. То же самое происходит, если структура сводится к совокупности наших операций как процедура структурирования. Мы с неизбежностью имеем дело с тем, что не можем охарактеризовать, отталкиваемся от этого и снова возвращаемся, когда говорим, что организация «устроена (т.е. структурирована) так, что...», – в итоге заполняя структурами все вокруг нас и в нас самих. Предполагается, что если нам известно, как устроено нечто, то на этой фазе все вопросы должны прекратиться; однако остается непонятным, как можно зафиксировать эту «устроенность»¹.

То же самое относится к фрактальным структурам, которые стали использоваться в теории организации.

Необходимость разобраться в этих проблемах, которые на деле представляют собой стороны одной и той же проблемы существования структур, становится тем серьезнее, чем глубже мы стремимся понять системность организации. Так, Э. Гуссерль обнаруживает «всеобщие структуры чистого сознания», когда переходит от естественной установки к опыту как таковому; М. Хайдеггер описывает необходимые структуры нашего присутствия в мире; и в простой попытке описать нечто незнакомое мы сталкиваемся с ограничениями «структур» понимания и языка². Рассмотрение структур, таким образом, стягивает в одной тематической точке основополагающие онтологические и гносеологические вопросы.

Мы приступаем к этой задаче, не опираясь на конкретную теорию структур организации или на определение понятия «структура». Напротив, подступ к пониманию структуры является в настоящей статье искомым.

Статья не использует заранее очерченного контекста, а устроена по модели смысловых концентрических кругов, постепенно выводящих нас к пониманию того, с чем мы имеем дело.

Предметом исследования в статье выступают рекурсивные структуры в предельно широком контексте их реализации в организации вуза.

Термин «рекурсия» заимствуется из математической логики и теории множеств. Рекурсивные структуры – это самовоспроизводящиеся, усложняющиеся структуры, включающие в себя алгоритм собственного разворачивания через самоповтор. Главным отличием их от других (статичных) структур является способность к бесконечному усложнению по собственной закономерности – конечному (но допускающему изменения) правилу, которое доступно рациональному познанию. Это самодостраивание до некой динамичной целостности делает принцип рекурсии подобным принципу действия голограммы.

Рекурсивная структура рассматривается в статье как обобщение понятия фрактала, которое относится преимущественно к естественнонаучному познанию, но может быть использовано и в изучении теории организации как рекурсивной структуры. Если ранее устанавливались простые соответствия различных рекурсивных структур (в гуманитарном познании) и фрактальных форм (в математике и физике) для использования их эпистемологических возможностей, то сейчас можно использовать сам принцип аналогии как рекурсивное отношение, которое имеет определенный онтологический смысл.

По А. В. Анисимову, рекурсия – это способ организации сложной системы, при которой выделяется некоторый набор базовых подсистем; система способна в процессе своего

функционирования создавать неограниченное число копий базовых систем, осуществлять взаимодействие между ними и, если необходимо, уничтожать их; функционирование сложной системы заключается в функционировании активных копий базовых подсистем; при вызове копий допустимо ее изменение, определяемое ситуационной обстановкой в момент вызова. С одной стороны, рекурсивная система за счет создания собственных копий получает возможность неограниченного роста и усложнения, с другой стороны, эта сложность имеет организованный вид, определяемый локальными правилами функционирования³. По отношению к вводимому нами понятию это определение избыточно, поскольку включает кибернетические связи и при этом сужает круг тех явлений, которые могут быть исследованы через рекурсию.

Анализ деятельности вузов как рекурсивной структуры ставит перед нами дилемму: рекурсия структуры бесконечна (И.Д. Рожанский, В.А. Янков), но бесконечная структура организаций - нонсенс. А следовательно, необходимо уточнить, каковы возможности рекурсии структуры организации и где ее граница.

Также необходимо уточнить, как рекурсия структуры может влиять на деятельность организации вуза. Каким образом существуют сами структуры вуза, если их можно обнаружить практически во всех явлениях, т.е. какова природа структуры организации образования?

Для этого необходимо понять, что само определение рекурсивной структуры может очень много объяснить в деятельности организаций образования и определить возможности направления и пределы роста.

Для истолкования понятия «рекурсия структуры организации» можно использовать подходы И.Д. Рожанского и В.А. Янкова⁴. Среди трактовок конструктивистов в рамках нашей темы наиболее важны работы А.В. Петрова, Д. Дж. О'Миры, Р.С. Брумбахуа, С.И. Герша, Г.Р. Морроу и Дж. М. Диллона, Дж. Э. Коултера, М.Ф. Вагнера, С. Рапе.

Х. фон Ферстер применил кругообразность к знанию в «кибернетике кибернетики», а в различных направлениях конструктивизма (Ф. Варела, У. Матурана, Э. фон Глазерсфельд, П. Ватцлавик, Н. Луман) кругообразность появляется в виде автопоззиса, варианты которого тщательно изучены С.А. Цоколовым. Особая кругообразность, свойственная феноменологии, отмечена Э. Гуссерлем и Э. Левинасом⁵.

В ключевых онтологических суждениях о рекурсии структуры организации изучаются труды М. Хайдеггера, Ж.-Л. Нанси и У. Десмонда, интерпретаторов Хайдеггера: Г. Вальтера, К. де Боер, В.А. Брөгана.

В наши дни изучением рекурсии в структурах организации занимаются М. Шредер, А.В. Анисимов, В.В. Тарасенко и др. Однако в трудах этих авторов рекурсия не получила онтологической трактовки и не была приведена в смысловую связь с философской традицией, позволяющей осмыслить значение этого феномена.

Для исследования понятия рекурсии структуры вуза необходимо использовать феноменологический метод. Введенное выше понятие рекурсивной структуры оказывается близко к гегелевскому понятию предмета, который «сам развертывает свои определения», а также к хайдеггеровскому понятию феномена. Феномен, как он определен в «Бытии и времени», - это «себя-в-себе-самом-показывание»⁶, такое сущее, которое с необходимостью выступает из себя. Известно, что Хайдеггер противопоставлял феномену явление, которое всегда есть явление чего-то, что не является им самим. Феномен же определяет собственное самораскрытие, не имея за собой ничего другого, в том числе и внешнего ему способа развертывания. Когда А.В. Анисимов говорит о рекурсии как задающей объекты, определяемые через себя, то он, по сути, сжато формулирует одну из версий феноменологического подхода (сам объект в данной процедуре его усмотрения будет, конечно, подвергнут трансформации, а точнее, феноменологической редукции, поскольку будет выведен из статичного способа данности)⁷. Рекурсивная структура состоит из воспроизводящихся самоотсылок. Возможно, именно благодаря рекурсии «объект» и становится феноменом.

Исследование таких структур, следовательно, отвечает феноменологической задаче усмотрения сущности, а не объекта: «интуиция сущностей касается - по ту сторону объектов - условий их существования» (Э. Левинас). Нечто дано, но какова должна быть специфика этого данного и нашего взаимодействия с ним, чтобы оно могло выводиться в «несокрытость»? (Хайдеггер). Призыв У. Десмонда к «динамизации» категорий онтологии, очевидно, принадлежит тому же руслу феноменологической мысли. Слова Хайдеггера «не объяснять, а прояснять» также применяются как методологический принцип, вытекающий из этой концепции. Для циркулярного подхода невозможно указать на финальное «объяснение»

чего бы то ни было в виде конечного набора аксиом: можно лишь прояснять данное знание в системе всего знания в целом. Поэтому математические и физические аналогии и фрактальность как таковая не выступают объясняющими знаками, под которые должно быть подведено понятие организации. Они играют роль фрагмента структуры организаций, проясняющего остальные, но лишь таким образом, что и каждый из остальных фрагментов также содержит в себе ключ к другим. В этом и состоит рекурсивность организации.

В понятие структуры и ее онтологического статуса входит рекурсия как явление самой структуры. Все встречаемое нами в опыте деятельности организации как-то устроено. Эта интуиция, если спустить ее до феноменологической конкретности, должна привести к онтологическим выводам, коль скоро она касается всей организации.

Группа Н. Бурбаки представляла мир организации как иерархию структур, в центре которой находятся порождающие структуры⁸. Философ может воспользоваться арсеналом общих теорем, относящихся к структурам конкретного типа. Такая способность охвата, определения (внешних и внутренних) отношений, заложенная в структуре, выводит ее за пределы вещей. Следовательно, требуется отказаться от интерпретации структуры как формы, эйдоса. Однако она может быть усмотрена и как система сходств. Предварительное определение может быть таким: структура - это диспозиция отношений. Как можно описать отношение? Отношение - это не то, что связывает, а скорее то, что завязывается. Момент процессуальности, свершения в отношении свидетельствует о его принадлежности плану имманенции, т.е. смысловой поверхности. Если воспользоваться выражением Э. Мейерсона, которое он применяет к общим понятиям, то отношения, связи, вещи и т.д. - это «волокна реальности», но волокна разного рода⁹.

Рекурсия не относится к структуре как свойство, потому что определяет все ее существование: рекурсивная структура должна воспроизводить и варьировать себя, к чему не может принудить ни одно свойство. Рекурсия не есть и форма структуры (строго говоря, фрактал может иметь любую форму). Она демонстрирует устроенность сущего (вообще) каким-то определенным образом. Говоря «рекурсивная структура», мы фактически говорим «структурирующая структура», порождающая,

трансформативная структура. Понятие рекурсивности относится к «расслоению» сущего и «схождению» его слоев в обнаруживающихся подобиях (аналогии). Именно так явлен, собирая в себе бытие данным конкретным образом, всякий феномен. Быть - значит «быть-в-рекурсии»¹⁰.

Структура образовательного учреждения и организации учебно-воспитательного процесса в нем призвана максимально эффективно реализовывать содержание образования и обеспечивать функционирование технологий. Она отражает распределение обязанностей между педагогическими работниками на разных уровнях, определяет место каждого субъекта в системе. В то же время эта структура, являясь макроформой организации деятельности, оказывает непосредственное влияние на выбор образовательных технологий, регламентирует временные характеристики процесса, влияет на функционирование всех ресурсов педагогического обеспечения.

Университет, насчитывающий в своем составе несколько тысяч студентов и сотрудников, является крупной организацией. Но его место в типологии организаций, изучаемых философией, определить довольно сложно. Исследованию организационных аспектов образовательных систем до недавнего времени в российской философии не придавалось должного внимания. В некоторых работах отмечается противоречие между потребностями общества, с одной стороны, и организационной структурой профессионального образования, с другой, но оно приписывается в основном не социальной организации образования, а диспропорциям в структуре контингента студентов по отдельным направлениям подготовки. Анализ кризисных явлений в воспроизводстве научно-педагогического потенциала вузов, например, обычно ограничивают социально-экономическим фоном, и складывается впечатление, что источник противоречий в сфере профессионального образования относится только к государственному уровню управления. При таком видении проблемы упускалась постановка вопроса о вузе как о корпорации, обладающей особыми интересами и ориентациями в отношении окружающего социального пространства¹¹. Этот недостаток постепенно преодолевается в последнее время с развитием исследований структуры образования как рекурсивной социальной системы и ее функциональной организации.

Рассмотрение университета как корпорации подразумевает признание его сложной иерархической структуры и противоречивых интересов, изучение поведения вуза в конкурентной среде и организационно-институциональной системе регионального сообщества, вскрытие связи между его специфическими интересами и стратегиями, с одной стороны, и характером социальных процессов и последствий образования в региональном сообществе - с другой. Благодаря этому удается более точно определить ответственность университета и отдельных групп его персонала в региональной системе и обществе в целом. Кроме того, существенно дополняется институциональный анализ высшего образования, получивший широкое распространение в философии образования во второй половине XX в.

Отметим, что традиция рассмотрения университетов в качестве организаций восходит к работам М. Вебера (школа как бюрократическая организация), Т. Веблена (американский университет как капиталистическое предприятие), Т. Парсонса (университет - социальная система). В них по многим признакам (управлению, стимулированию, контролю и др.) проводится аналогия между университетом и типичным промышленным предприятием в рыночной системе. Так, приложение веберовской теории бюрократии к вузу дает основания для постановки вопросов об организационных патологиях (превосходстве структуры над функцией), когда организационные системы стремятся к самодовлеющему поведению, превращая средства в цель. По мысли Веблена, университеты в своем развитии подчиняются ценностям и законам рыночного выживания, нормам предпринимательства, подстраиваются под требования носителей власти и отступают от истинных целей и ценностей высшего образования, закладывают основу социальных конфликтов в университетском сообществе¹². В зарубежной философии образования постепенно оформился исследовательский подход, сочетающий организационный и властный аспекты изучения образовательной системы. В его рамках уже с 1960-х гг. отдельный университет и объединения университетов представляются как «корпорации». Эта традиция поддержана и в исследованиях образования с позиции критических социальных теорий (социологии конфликта, теории культурных кодов, теории символического контроля, теории взаимодействия).

В изучении университетов как корпораций и их взаимодействия с обществом (сообществом) выделяется несколько групп факторов: характер внутренних структур (социальной, функциональной, организационной и нормативной); механизмы и процессы внутренней социальной жизни университета; механизмы и процессы, относящиеся к его горизонтальным и вертикальным связям в региональном сообществе.

В заключение можно выделить следующие тезисы:

1. Структура определяет всякое целое.
2. Целое определяет структуру каждой организации, в том числе и университетской. Ни один компонент не может быть исключен из структуры без того, чтобы не изменилось целое.
3. Структура охватывает организацию целиком и определяет ее как данность.
4. Предельный вариант структуры организации, представляющий ее как таковую, - это рекурсивная структура, реплицирующая себя.
5. Именно в рекурсивной структуре организации вуза смыкаются образовательные и воспитательные задачи, т.е. мысль и дело, что позволяет ей самопроизводиться в мысли неопределенно долго.

Примечания

¹ См.: Зиятдинова Ф.Г. Образование и наука в трансформирующемся обществе // Социологические исследования. - 1998. - № 11. - С. 12.

² Цит. по: Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Профессиональное образование и рынок труда // Социологические исследования. - 2003. - № 4.

³ См.: Анисимов А.В. Онтология рекурсивных структур. - М., 2004.

⁴ См. об этом: Лечугин С. Рекурсия структур: Дис... канд. фил. наук. - Архангельск, 2006.

⁵ Там же.

⁶ См.: Виртуальные взаимодействия и структурное самоподобие // Ломоносовские аспирантские и студенческие научные чтения. Вып. II: Россия и Европейский Север в XX в.: Тезисы докладов / Отв. ред. А.О. Подоплекин. - Архангельск, 2000. - С. 9 - 10.

⁷ См.: Анисимов А.В. Указ. соч.

⁸ См. об этом: Феноменологическое ожидание // Материалы XI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Вып. 12: В 3 т. Т. 2. - М.: Изд-во МГУ, 2004. - С. 431 - 432.

⁹ Цит. по: Виртуальные взаимодействия и структурное самоподобие. - С. 9 - 10.

¹⁰ См.: Анисимов А.В. Указ. соч.

¹¹ См.: Виртуальные взаимодействия и структурное самоподобие. - С. 9 - 10.

¹² Там же.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ КАК ПРОДУКТ ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Прежде чем приступить к раскрытию какого-либо художественного образа тем или иным автором, следует определиться с самим понятием «художественный образ». Если обратиться к теоретическим трактовкам данного термина, то можно встретить несколько вариантов порой достаточно родственных по содержанию определений. Например, Г.В. Беда дает такое определение художественного образа: «Образ художественный – специфическая форма отражения действительности в конкретно-чувственной, зрительно воспринимаемой форме. Создание художественного образа тесно связано с отбором наиболее характерного, с подчеркиванием существенных сторон предмета или явления в пределах индивидуальной, неповторимой природы этих предметов и явлений. Известно, что сознание человека отражает не только объективный зрительный образ предмета или явления, но и эмоциональные качества их восприятия. Поэтому художественный образ в живописи содержит не только реальные черты изображаемого объекта, но и его чувственно-эмоциональную значимость. Каждый образ – это одновременно правдивое отображение действительности и выражение эстетических чувств художника, индивидуального, эмоционального его отношения к изображаемому, вкуса и стиля»¹.

Нечто подобное, но более краткое в воспроизведении определения понятия «художественный образ» звучит у Ю.М. Кирцера: «Образ – форма отражения явлений действительности в искусстве, художественного воспроизведения действительности. В изобразительном искусстве образ является чувственно-конкретным, наглядным выражением идеи»².

С точки зрения безотносительного понимания этого явления художественный образ представляет собой совокупность обобщенно-характерных черт того или иного предмета (явления), наиболее оптимально отражающих самые выразительные черты данного предмета (группы предметов). Но если мы сделаем попытку рассмотреть само понятие «художественный образ» как образ, уже состоявшийся и существующий на какой-либо картинной плоскости, как нечто относительно статичное

в своем существовании, то придем к понятию «художественное произведение», т.е. нечто уже существующее в своем материальном проявлении. Понятие «художественный образ» перенесется в данном случае на стадию внутреннего, индивидуального, неосознанного уровня как результат сложного творческого процесса, протекающего на стадии внутренней созидательной работы художника. Тогда можно выразить понятие «художественное произведение» как результат слияния художественного образа с его материальным выражением, как нечто конкретное, как реализованный продукт творчества художника. Здесь необходимо отметить, что и сам процесс художественного творчества – достаточно емкое понятие, имеющее множество вариантов индивидуального порядка. Другими словами, сам творческий процесс в целом настолько сложен, многогранен, индивидуален и неповторим, насколько сложен, индивидуален и неповторим каждый отдельно взятый индивидуум в его деятельном проявлении, со всеми его внутренними процессами и проявлениями, со всеми видоизменениями во времени и пространстве. В этом смысле творческий процесс, в частности его роль в структуре создания художественного образа – проблема весьма занимательная, увлекательная и важная. Основная сложность в изучении этого процесса состоит в том, что его невозможно полностью наблюдать извне. Этот процесс состоит, в основном, в скрытой для постороннего взгляда психологической природе его как деятельности художника. Вопрос превращения жизненного материала в «мысленный образ», а затем превращение последнего в «образ художественный» – один из самых сложных и самых актуальных в познавательном процессе, ведущем к пониманию специфики искусства.

Относительно понятия «художественный образ» существует множество мнений и определений. В этом случае важен выбор ракурса, с которого следует посмотреть на данную проблему. С точки зрения самого автора художественного произведения художественный образ – это результат активного, комплексного слияния элементов реального мира, мировоз-

зрения автора, психического состояния конкретной творческой личности и мастерства художника как человека, профессионально применяющего при создании образа на картинной плоскости определенные знания, умения, навыки, те или иные технические приемы. Последнюю составляющую творческого акта можно обозначить как этап материального создания художественного образа. Этому периоду предшествует очень важный и порой достаточно длительный процесс его зарождения (зачатия) и вынашивания, его внутреннего созревания, происходящего в ходе напряженной и не всегда уловимой синтезирующей деятельности воображения и мысли. На пути создания художественного образа творец обязательно проходит важный этап – этап умственных и моральных исканий, размышлений, переживаний, этап, воплощающий в себе все мировоззрение автора, его идеалы. Формируя тот или иной художественный образ, художник «творит» не только в сознании, но и в материале. Многие художники, перед тем как приступить к работе над окончательным вариантом будущего произведения, выполняют множество сюжетных поисков, зарисовок, композиционных вариантов, этюдов в цвете. В этом процессе художник занимает позицию не «копировщика» реалистического мира, а активного преобразователя этого мира, исходя из своей идейно-эстетической позиции. Творец анализирует, ищет методы и средства выражения своих творческих замыслов, создавая максимально цельный и выразительный художественный образ. Как правило, в итоге художественный образ наполнен эстетической содержательностью и с большей или меньшей полнотой воплощает идеал автора.

С позиции зрителя художественный образ – это результат процесса относительно пассивного восприятия материального воплощения художественного образа, представленного как результат авторского понимания и передачи, прошедшего, к тому же, через призму мировоззрения зрителя, находящегося в данной ситуации в определенном психическом состоянии.

Достаточно емко и точно дано определение художественного образа Н.А. Яковлевой: «Художественный образ – это особая, идеальная целостность, в создании и воплощении (материализации, облечении материальной плотью) которой активно участвуют все сферы психической нервной деятельности: сверхсознание, сознание лево- и правополушарное, подсознание и даже досознание, – управляющие процессом творческой деятельности, в результате

которой появляется произведение. Две природные целостности – окружающий мир и человек, – взаимодействуя, создают новую, третью, художественно-образную целостность, вызывают явление художественно-образной реальности в единстве идеального образа и его материальной, овеществленной плоти. Искусство поэтому и определяется как особый род духовно-практической деятельности, в процессе которой происходит освоение мира человеком. Прежде чем быть зафиксированным в произведении, художественный образ развивается в духовно-практической работе художника – в творческом процессе»³.

В результате данной трактовки понятия «художественный образ» последний можно представить в конечном его проявлении как «духовно-практическую работу художника», зафиксированную в материале на какой-либо художественной основе.

Отдельные сферы психической нервной деятельности человека в их деятельном проявлении можно отнести к интуитивным проявлениям творческого процесса, направленного на создание художественного образа. Огромная роль наличия интуиции в творческом процессе – бесспорный факт психической деятельности. Известный русский художник график Е.А. Кибрик считал, что «способность к творческой интуиции есть проявление одаренности художника»⁴.

В воплощении замысла художественного образа интуиция играет далеко не последнюю роль. Более того, интуиция в художественном творчестве может проявляться на всех этапах и во всех областях творческого процесса. На заключительных этапах создания художественного образа, в процессе выполнения практической части работы, мысленное формирование художественного образа так или иначе продолжается, сливаясь воедино с материальным воплощением.

В данном случае можно сделать вывод о том, что процесс создания художественного образа (творческий процесс) включает интуицию в сочетании с мировоззрением конкретной творческой личности, обладающей индивидуальным интеллектуальным содержанием и психическим строем.

При изучении вопросов, связанных с созданием художественного образа, принципиально важно выяснить соотношение логического размышления, осознанного мыслительного процесса и художественной интуиции. И здесь без изучения вопросов, затрагивающих психологию художественного творчества, обойтись невозможно.

Процесс создания того или иного художественного образа начинается с восприятия чего-либо или кого-либо и вдохновения от этого момента. Вдохновение, как правило, служит тем импульсом, который задает движение следующему этапу творческого процесса, направленного на создание художественного образа.

Основным источником вдохновения для вологодских художников всегда оставался замечательный северный край. Русский Север – это и красивый, мужественный народ, проживающий на его просторах; его история, наполненная героическим величием; это и плоды труда человеческого, прославляющие северный край; его традиции, сложившиеся веками, сама северная природа. Эти районы России всегда привлекали и манили художников разных направлений, в том числе и графиков, своей самобытностью и суровой, неповторимой красотой. Искусство мастеров графики немногословное и скупое, как и сама величавая и строгая природа Севера, – в этом их особое созвучие. Среди многочисленного списка мастеров, отразивших своим творчеством Русский Север, одним из первых стоит имя череповецкого художника-графика В.А. Сергеева.

Жизненные реалии не всегда способствовали активному развитию творческих задатков художника. Владислав Александрович от созерцания живописных и графических работ других художников строит основу для развития своего творческого стиля, своего направления в графических формах. Опорой в развитии творческого направления, безусловно, стала для него школа реалистического искусства. Если оттолкнуться от мысли, что искусство нашей страны в своем развитии прошло те же этапы, что и искусство многих стран Европы и Азии, в нем наблюдались те же художественные направления и стилевые течения, которые были характерны для всего европейского искусства, то можно смело рассматривать творчество какого-либо русского художника через призму мирового искусства и через призму русского искусства, в частности⁵. Творчество художника в первую очередь, конечно же, прочно связано с родной землей. Здесь происходит его становление, здесь формируется его мировоззрение, здесь он черпает свои творческие силы и мысли. Этот край подсказывает художнику сюжеты и образы, активно участвует в формировании его замыслов, является неиссякаемым источником для его вдохновения.

Феномен творчества В.А. Сергеева заключается в том, что оно является наглядным отображением связи времен, эпох, народов и т.д.,

т.е. по сути является ярким примером передачи пространства и времени изобразительными средствами, наглядным примером преемственности и передачи художественных традиций последующему поколению мастеров изобразительного искусства. История изобразительного искусства подтверждает догму о том, что само развитие изобразительного искусства неотделимо от процесса движения времени, а подлинное произведение изобразительного искусства по своей сути не ограничивается каким-либо конкретным временем. В содержании произведений В.А. Сергеева заложен генетический код многих поколений художников. Пропущенный через здоровую русскую генетику мастера, этот творческий генетический код проецируется в его работах в художественный образ, который наглядно отображает временное пространство.

Творчество В.А. Сергеева достаточно убедительно демонстрирует формирование в искусстве 1970-х – начала 1980-х гг. новой образно-мировоззренческой тенденции, направленной на проблему духовного начала в современном мире, на активный поиск этого духовного начала. Художник сумел найти те выразительные средства, которые на изобразительной плоскости совместились с его жизненными впечатлениями «углубленно-философского уровня»⁶. Ярким наглядным подтверждением такого рода творческого момента является графический лист «Храмы на озере» – иллюстрация к книге стихов Н.М. Рубцова «Последний пароход» (1973). Долго и мучительно искал художник пластические средства, наиболее ярко и правдиво отразившие содержание произведения, его художественный образ. Сергеев упорно выработывал свое индивидуальное, только ему присущее видение природы, упорно искал и находил только ему присущий пластический язык: с дошностью самого прилежного и старательно-го ученика проделывал десятки и сотни натуральных поисков, этюдов и зарисовок. Понимание им национального характера, стремление раскрыть этот характер в своих образах, удивительные результаты этих поисков – все это достойно тщательного изучения.

Изучение творческого процесса при создании художественных произведений великим мастером представляет особый интерес для искусствоведов, художников, историков, культурологов, психологов и философов. Мы можем бесконечно изучать и анализировать наглядные доказательства, сопровождающие сложную внутреннюю работу художника. Такими доказательствами могут быть натурные

наброски, зарисовки, этюды. Без сомнения, они сыграли немаловажную и даже где-то решающую роль при создании того или иного графического произведения автора. Сложен и многогранен переход от одного этапа осмысления художественного образа к другому, многочисленны оттенки внутренних переживаний в процессе создания картины. Тем не менее, есть объективные и наглядные свидетельства, которые дают возможность проследить некоторую динамику творческого процесса великого мастера. Сопоставление натуральных набросков, эскизов, зарисовок с окончательным вариантом работы дает возможность в какой-то степени восстановить последовательность творческого процесса автора над созданием того или иного художественного образа.

Этапы создания работ в виде кратковременных и более длительных натуральных зарисовок, в виде самостоятельных графических листов с отображением сюжетных сцен художника можно проследить на протяжении всего его творческого пути. Где бы художник ни находился, везде, в любых условиях он наработывал материал, на основе которого рождались его теперь уже всемирно известные работы. Причем, художник использовал натурные зарисовки не «прямолинейно», как бы копируя изображение в окончательном варианте, а перерабатывая его в нужный образ, придавая ему другое движение, другие формы. Иными словами, для художника эти зарисовки не были чем-то неодолеваемым, они продолжали двигаться, продолжали жить. И на этом этапе его творческого процесса можно проследить активное ощущение самим автором движения временного пространства. Следует отметить еще и тот факт, что для самого мастера не существовало понятий «главная работа» и «второстепенная работа» относительно всего того, что он создавал. От небольшого, кратковременного карандашного наброска до глобального по своей сути и виртуозного по исполнению графического произведения - все, что бы ни воспроизводил в своих работах художник, имело для него жизненно важное значение, ибо все это для него содержало в себе саму жизнь.

«Форма произведения изобразительного искусства характеризуется прежде всего тем, что

имеет двойную, духовно-материальную природу. Художественная форма не только создает необходимое условие для эмоционального и психологического переживания у воспринимающего ее человека, как создает их, скажем, природная форма, но и становится выражением духовного состояния и созидательной акции художника», - пишет И.Г. Сапего⁷. Если рассуждать о природе духовного состояния и созидания творцом художественного образа в графическом произведении, то относительно самого художественного образа можно отметить некоторую условность по сравнению с реальными формами отображаемого предметного мира. Особенность графического отношения В.А. Сергеева к реальному миру состоит в том, что в его графическом принципе наблюдается уникальное совмещение черт иконографического, архитектурного и натуралистического понимания. В то же время богатейшим источником новых художественных образов великого мастера, интересных и значительных композиционных находок является и творческое воображение художника, которое формируется в первую очередь на основе личных впечатлений автора от увиденного, на основе его мировоззрения.

Примечания

¹ Беда Г.В. Живопись: Учебник для студ. пед. ин-тов по спец. № 2109 «Черчение, изобр. искусство и труд». - М.: Просв., 1986. - С. 172.

² Кирицкер Ю.М. Рисунок и живопись: Учеб. пособие. - М.: Высш. шк., 2000. - С. 255.

³ Анализ и интерпретация произведения искусства: Учеб. пособие / Под ред. Н.А. Яковлевой. - М.: Высш. шк., 2005. - С. 26 - 27.

⁴ Кибрик Е.А. Объективные законы композиции в изобразительном искусстве // Вопросы философии. - 1966. - № 10. - С. 104.

⁵ См.: Мировое искусство. Русская живопись / Сост. И.Г. Мосин. - СПб., 2007. - С. 3.

⁶ См.: Яблонская М.Н. Взаимовлияние станкового и монументального в советской картине 20-х, 60 - 70-х гг.: Сборник // Советская живопись-74. - М., 1976. - С. 162.

⁷ Сапего И.Г. Предмет и форма. - М., 1984. - С. 39.

Раздел 4

ИСТОРИЯ

УДК 947.083

А.Н. Егоров
Череповецкий государственный университет

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ НАЧАЛА XX в. С ВЛАСТЬЮ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Из всех проблем истории российского либерализма начала XX в. наиболее дискуссионной является проблема отношения либералов к власти. Она является одной из ключевых для понимания их места и роли в общественно-политической жизни в переломные для России годы. Теоретически можно выделить три принципиально разных отношения любой политической партии к существующей власти: поддержка, конструктивная оппозиция, полное отрицание. Любой из этих подходов вытекает из цели, которую ставит перед собой та или иная политическая доктрина, а цель, в свою очередь, во многом определяет методы ее достижения, проявляющиеся, прежде всего, в партийной тактике.

Цель либеральной оппозиции начала XX в. достаточно очевидна – добиться реализации своей модели общественного переустройства России, основанной на принципах гражданского общества и правового государства. Манифест 17 октября 1905 г., несмотря на свою половинчатость и ограниченность, создал принципиально новые возможности для достижения этой цели, поскольку отныне стало возможным не только легальное функционирование либеральных политических партий, но и их деятельность в рамках Государственной думы. Поэтому именно парламентская борьба и стала для либералов главным методом достижения поставленных целей, а дум-

ская трибуна превратилась в место диалога оппозиции с властью.

Рассматривая данную проблему, историки спорят вокруг целого круга вопросов. Кем были либералы по отношению к власти – «оппозицией Его Величества», т.е. политической силой, недовольной практикой данного режима, но при этом не посягавшей на основы существующего строя, или «оппозицией Его Величеству», стремившейся к кардинальной перестройке общества? К чему они стремились – поддержать монархию в ее борьбе с революционным движением, выпросив одновременно для себя незначительные уступки; заставить царя пойти на необходимые реформы, используя революционную угрозу; самим взять власть в руки для кардинального переустройства страны? Насколько эффективной была их парламентская тактика? Способствовала ли их деятельность предотвращению революции или, наоборот, стимулировала социальный взрыв? Дискуссии по всем этим вопросам начались еще в годы Первой российской революции и вряд ли прекратятся в обозримом будущем.

Процесс переосмысления прошлого, начавшийся в нашей стране в конце 1980-х гг., в полной мере коснулся и истории российского либерализма. Отпали цензурные и идеологические ограничения, расширилась источниковая база, были переизданы многие мемуары и работы эмигрантских авторов, существенно изменились оценки либерального движения.

Если в советское время о нем говорили лишь критически, то в наши дни большинство историков пишут о либералах позитивно, что порой приводит к их идеализации, восприятию их доводов без должной критической оценки. Российские исследователи продолжили лучшие традиции советской историографии, отказавшись от ее идеологических догм и стереотипов.

Пересмотр доктринальных основ советской историографии либерализма сказался и на проблеме «либералы и власть». Для лучшего осознания происходивших процессов необходимо вспомнить эмигрантские дискуссии 1920 - 1930-х гг. В то время начался своеобразный синтез леволиберальных (кадетских) и правосоциалистических (меньшевиков и эсеров) идей, который нашел свое политическое воплощение в «новой тактике» П.Н. Миллюкова. Если до революции идейное противостояние между либералами и социалистами достигало весьма большой остроты, то для эмиграции это уже не было характерно – главным идеологическим противником первых стали консервативные силы. По проблеме «либералы и власть» наметился совершенно очевидный консенсус между леволиберальными и социалистическими историками и общественными деятелями. Те и другие считали либералов (речь шла в основном о кадетях) конструктивной оппозицией существующему строю; признавали их стремление не допустить в стране революцию и перевести народное возбуждение в мирное парламентское русло; оценивали либеральную тактику как конституционную, парламентскую, направленную на достижение компромисса с властью, а ее бесперспективность видели в нежелании царизма пойти на радикальные реформы; отмечали невозможность для либералов при опоре на широкие народные массы вступить на революционный путь. Конечно, различий между либеральной и социалистической парадигмами тоже немало, но и сходство вполне очевидно.

В послесталинское время историки получили доступ в спецхраны, и ссылки на эмигрантскую и зарубежную историографию стали обычным явлением. Разумеется, советские исследователи, воспитанные в рамках марксистской идеологии, вряд ли могли разделять взгляды консерваторов, а вот синтез либерально-социалистических идей не мог не оказать на них серьезного влияния. К этому нужно добавить довольно очевидное положение о том, что многие историки (как и вообще интеллектуалы) чаще всего идентифицируют себя именно с либералами. Поэтому среди крупных

дореволюционных историков было немало либералов, преимущественно кадетов. Наконец, не нужно забывать и общественно-политическую ситуацию первой половины 1990-х гг., когда либерализм оказался непосредственным преемником коммунизма на арене большой политики. Все эти факторы в совокупности и обусловили сравнительно быстрый переход многих отечественных исследователей на либеральные позиции.

Теория «властебоязни» либералов, распространенная в советское время, была отвергнута уже в начале 1990-х гг. и в современных работах почти не встречается. Историки признали элементарную, в сущности, мысль о стремлении либералов к политической власти, ибо без нее невозможно провести демократические реформы. Взаимоотношения либералов с властью до Манифеста 17 октября в полном соответствии с дореволюционной кадетской публицистикой определяются современными историками как борьба за конституцию, за правовое государство с использованием как легальных, так и нелегальных (характерных для Союза освобождения) средств. Как отмечает ведущий исследователь российского либерализма В.В. Шелохаев, в начале XX в. либералы «последовательно боролись за овладение рычагами политического управления, стремясь к демократическому преобразованию России, боролись, разумеется, своими методами и приемами»¹. При этом деятельность Союза освобождения характеризуется К.Ф. Шацкило как «решительная борьба с самодержавием»². Эта борьба серьезно изучается и на региональном уровне³.

Дореволюционная либеральная публицистика рассматривала Манифест 17 октября 1905 г. как свою победу, видя в нем удовлетворение требований Общероссийского съезда земских и городских деятелей 12 - 15 сентября 1905 г. Советская историография рассматривала Манифест как результат революционного натиска на самодержавие. Современные историки, не ставя это положение под сомнение, добавляют, что Манифест был вырван у Николая II усилиями не только революционеров, но и либералов, признавая тем самым существенный вклад либеральной оппозиции в освободительное движение. Манифест 17 октября не мог не повлиять на отношение либералов к власти. В.В. Шелохаев отмечает, что после Манифеста правые либералы изъявили готовность вступить в тесное сотрудничество с властью, в то время как левые либералы отнеслись к обещаниям власти весьма осторожно,

не имея полной уверенности в ее искренности пойти на серьезные реформы⁴.

Произошло изменение оценок тактики либеральных партий. Негативные оценки стали сменяться позитивными. Кадетская тактика парламентских реформ стала рассматриваться не с точки зрения задач революции, а с позиций необходимости реформирования общества в либеральном духе. Получили полное признание как стремление кадетов найти разумный компромисс с властью, так и их попытки сдержать революционный напор левых, не желавших считаться с нормами права. В.В. Шелохаев писал, что, признав Основные законы, изданные 23 апреля 1906 г., либеральная оппозиция на всем протяжении своей дальнейшей деятельности стремилась не выходить за их рамки, рассчитывая «по мере возможности» законодательным путем расширить права Думы, устранить «дефекты» в управлении государством. В Думах всех созывов предпринимались попытки «переплавить» программные положения либеральной оппозиции в законодательные акты, направленные на установление в стране гражданских и политических прав, на решение острых вопросов развития страны⁵.

В.В. Шелохаев в своих работах 1990-х гг. оценивал либеральную тактику как поиск середины пути между самодержавием и революцией. Он детально проследил, как менялась тактика либералов в соответствии с изменением политической ситуации в стране, как новые объективные обстоятельства влияли на их программные установки. Накануне созыва I Государственной думы либералы прилагали все усилия к тому, чтобы убедить, «с одной стороны, правительство выполнить обещания манифеста 17 октября, а с другой стороны, массы в "бесперспективности" и "обреченности" открытой вооруженной борьбы против старого строя»⁶. Отсюда и суть кадетской тактики, сформулированной П.Н. Милюковым, — направить революционное движение в русло парламентской борьбы. Шелохаев подчеркивает, что задача либералов была не в прямом подавлении революции, а в устранении причин, по которым революционные партии прибегают к насильственным методам. Поэтому легальная парламентская борьба должна явиться альтернативой революционным методам насильственного решения политических и социальных проблем. Государственная дума должна была не допустить конфликта между основными борющимися силами и путем проведения политических и социальных реформ устранить причины, вызывающие револю-

цию⁷. Однако все попытки кадетов в первых Думах убедить или уговорить ту и другую сторону прекратить конфронтацию закончились ничем.

Подходы В.В. Шелохаева к проблеме «либералы и власть» получили полное признание в современной историографии и в настоящее время являются господствующими. Исследователи признали необходимость выводить тактику либеральных партий из их программных установок. Так, в начале 1990-х гг. истоки тактики парламентских реформ проследил А.Н. Медушевский. По его мнению, в 1905 г. П.Н. Милюков сблизился с профессорами М.М. Ковалевским, С.А. Муромцевым, П.И. Новгородцевым, которые выступали за западный вариант конституционализма. Вместе они составили мозговой центр кадетов. Поскольку в ЦК ПНС вошли видные ученые того времени, А.Н. Медушевский называет кадетскую тактику продуктом серьезного научного анализа⁸.

В современной историографии показано, что кадетская партия в выработке тактической линии исходила, прежде всего, из доктринальной заданности своей программы, а также из учета конкретно-исторической ситуации, делая определенные подвижки в способах деятельности, но не меняя сущности концептуальных установок. Кадетская партия пыталась осуществлять свою деятельность в рамках эволюционной идеи общественного переустройства в основном мирным, парламентским путем. Однако при этом тактическая линия кадетов несла в себе противоречивые начала: с одной стороны, будучи конституционалистами и отстаивая примат права, они стремились действовать законными средствами, отстаивая парадигму эволюционизма. Но, с другой стороны, конкретные обстоятельства политической борьбы приводили к тому, что кадеты не могли полностью исключить возможности использования революционных методов и поддержки массовых антиправительственных выступлений, чем вызывали недовольство не только правых сил, но даже определенной части собственной партии. С.М. Барсуков, изучив в специальной диссертации тактические принципы деятельности ПНС в годы Первой российской революции, отметил, что уникальность кадетской партии определяла ее поведенческая линия как партии приближенно парламентского типа в непарламентской стране. Партия в основном за счет своего состава и своих лидеров продемонстрировала культуру и психологию парламентского поведения, которое можно назвать психологией контакти-

пишет он, — добивались "единения" партии и успокоения страны, но не на уровне восприятия этой проблемы правительственным лагерем, а на уровне успокоения с точки зрения расширения возможностей демократической работы»⁹.

Синтез либерально-социалистических идей, о котором мы говорили выше, получил яркое воплощение в работах А.В. Гоголевского, написанных под явным воздействием меньшевистской историографии, в частности взглядов Ю.О. Мартова. Анализируя кадетскую тактику в первых двух Думах, современный исследователь подчеркивает невыгодные для парламентских реформ обстоятельства: 1) кадеты не имели большинства в I Думе и были вынуждены считаться с позицией примерно 200 депутатов от крестьян, стремившихся к разделу помещичьей земли; 2) в стране продолжалась революция, что мало способствовало успеху парламентских реформ; 3) отношение правительства к законодательной деятельности Думы оставалось неясным, а следовательно, «не просматривались перспективы утверждения принятых в ней законопроектов Государственным советом»¹⁰. Кроме того, правящие круги наделили Думу такими правами, чтобы исключить возможность законодательного изменения самодержавного строя. В итоге установленная правительственная компетенция Государственной думы лишала конституционно-парламентскую тактику демократических либералов практического смысла, поскольку посредством ее было бы невозможно осуществить программные лозунги кадетов, давшие им победу на выборах.

Либеральная тактика парламентских реформ не имела перспектив, поскольку отвергалась не только левой частью Думы, но и упиралась в нелояльную позицию правительства. В роспуске I Думы А.В. Гоголевский видит коренной поворот в развитии русского либерализма, поскольку оказались несостоятельными надежды изжить самодержавный строй парламентской конституционной тактикой борьбы с режимом. Правительство считалось только с силой, а в широких массах либеральное думское законотворчество не находило понимания, хотя оппозиционность депутатов встречала поддержку. Во II Думе кадеты остались верны своим убеждениям и не пошли на компромисс с режимом, не сняв главный лозунг своей социально-экономической программы — принудительное отчуждение части помещичьих земель. Поэтому все усилия кадетского руководства реанимировать парла-

ментско-конституционную тактику во II Думе завершились ничем.

С принятием избирательного закона 3 июня 1907 г. Партия народной свободы заняла место малочисленной думской оппозиции, рассчитывая на эволюцию столыпинской системы. Но все ее усилия добиться реформ оказались тщетными. А.В. Гоголевский полагает, что перед парламентской конституционной тактикой непреодолимое препятствие воздвигла расстановка сил как в Думе, так и в правительстве. Октябристы составили с правыми думское большинство и не собирались подвергать сомнению курс П.А. Столыпина. Но даже если бы кадетам удалось вместе с октябристами принять реформаторский законопроект, у него не было бы ни малейшего шанса быть реализованным, поскольку на пути у такого законопроекта встал бы консервативный Государственный совет и непреодолимое вето царя. Кадеты осознали тупиковость реформаторского законодательства, по мнению Гоголевского, в половине пройденного III Думой пути. Поэтому логика политической борьбы вынудила их постепенно перейти в «решительную оппозицию не столько внутрисистемную, сколько внесистемную». Пытаясь предотвратить надвигающуюся социальную революцию, к которой неумолимо приближала Россию «твердолобая позиция двора», кадеты вновь обращали свой взор к народному представительству. Им казалось, что комбинация оппозиционной IV Думы и широкого антиправительственного общественно-политического движения сможет заставить режим уступить. Но эта стратегия партийного руководства уже не имела среди демократических либералов всеобщей поддержки. В их кругу отчетливо обозначилось правое крыло, склонное удовлетвориться ролью внутрисистемной оппозиции третьейиюньскому режиму. Но более решительно заявил о себе левый фланг, считавший думскую реформаторскую тактику бесперспективной, уповавшей на массовые акции протеста. Следовательно, к началу Первой мировой войны либерально-демократическое движение не смогло выработать взвешенную политическую позицию, оказалось идейно разобщенным и не имело иного средства политической борьбы, кроме «доказавшего свою несостоятельность парламентаризма»¹¹.

Взгляды А.В. Гоголевского представляют собой классический вариант синтеза на новом уровне леволиберальных и социалистических взглядов на проблему «либералы и власть». От первых он взял осуждение революционного радикализма, от вторых — признание абсолют-

ной бесперспективности парламентской тактики конституционных реформ. Общие положения – возложение на царизм главной вины за провал реформаторского курса, что с неизбежностью вело Россию к революции, и выведение октябристов за рамки либерального лагеря за слишком тесное сотрудничество с правительством. При таком подходе либералы (в данном случае кадеты) никаких шансов на успех не имели.

Признание современной историографией серьезности стремлений либералов добиться от власти проведения кардинальных реформ неизбежно привело исследователей к проблеме «либерализм и радикализм». Эта проблема активно обсуждалась в дореволюционной и эмигрантской литературе, но в советское время ее не замечали из-за господства теории «властобоязни». После крушения СССР по всем законам механики маятник резко качнулся от упреков в излишней умеренности либералов, столь свойственных советским историкам, к упрекам в излишнем радикализме. Причем в центре дискуссий опять оказалась кадетская партия, что говорит о восстановлении в наши дни на новом уровне дореволюционных и эмигрантских дискуссий о ее отношении к власти.

Если сопоставить доводы тех историков, кто дает суровую оценку либералам за их «излишний радикализм», с доводами тех, кто стремится оправдать этот радикализм конкретно-исторической ситуацией в стране, то бросается в глаза любопытный факт. Обличители кадетского радикализма, как правило, опираются или на общефилософские отвлеченные рассуждения, или на дореволюционную правую публицистику и эмигрантскую мемуаристику. При этом не учитываются следующие обстоятельства. Во-первых, кадеты как любая массовая партия, стремящаяся опереться на широкие народные массы, должны были учитывать настроения и требования этих самых масс, а они были весьма радикальными в 1905 - 1906 гг., во-вторых, кадетская партия родилась из нелегального Союза освобождения, в полной мере испытавшего на себе (как и многие либеральные деятели) полицейские преследования. Было бы весьма наивным считать, что после Манифеста 17 октября кадеты сразу же резко развернут свои паруса от борьбы с властью к сотрудничеству с ней. В-третьих, власть не только не спешила с проведением в жизнь обещаний Манифеста 17 октября, но и весьма часто прямо нарушала его положения. В таких условиях радикализм кадетов был абсолютно неизбежен.

В 1990-е гг. на волне осуждения революции началась реанимация консервативной идеологии, что не могло не отразиться и в историографии. Идеализация политики Николая II автоматически привела к осуждению либералов как той силы, которая «раскачивала лодку» и способствовала падению старого режима. Яркий пример этого – раздел о I Государственной думе в коллективной монографии «Россия в начале XX века», написанный А.Н. Бохановым. В духе правой публицистики времен Первой российской революции он утверждает, что кадеты «по сути дела выступали соучастниками террористических выступлений левых», обвиняет их в выдвигании политических требований самого крайнего характера, считая взгляды П.Н. Миллюкова по многим вопросам близкими взглядам В.И. Ленина (?)¹². Кадеты, по его мнению, намеревались придать Государственной думе функции Учредительного собрания и сокрушить существующий строй. Ни о каком сотрудничестве с властью они не помышляли ни тогда, ни потом, поскольку не были к нему готовы ни морально, ни психологически: «воспитанные в духе безусловного и тотального отрицания традиционных форм и норм, они, по сути, не изменились за все время своей открытой политической деятельности»¹³. При таком подходе главная вина за неудачу первого российского парламента возлагается на кадетов, которые, постоянно «бросая перчатку» власти, сделали законодательное собрание совершенно недееспособным. Причем, делая все эти широковещательные заявления, А.Н. Боханов не считает нужным их серьезно аргументировать.

С близких позиций выступает и С.Б. Павлов, считая, что после выборов в I Думу кадеты впали в победную эйфорию и «вместе с ясным представлением о действительности утратили и стоворчивость, зато повысили уровень претензий к власти». Кадетскую партию отличала «самодовлеющая оппозиционность режиму», которая передалась всей Думе. В итоге «при отсутствии склонности к какой-либо созидательной работе вся деятельность I Думы вылилась в сплошной антиправительственный митинг и противостояние с властью», Дума сама себя дискредитировала, и власти ничего не оставалось, как ее распустить¹⁴. Либералы, по его мнению, делали ставку на революцию, причем их давление на власть было тем смелее и демонстративнее, чем тяжелее было положение власти.

Возлагая всю вину за провал первых Дум на либералов, консервативная историография не замечает ответственности самой власти.

Совершенно очевидно, что Николай II пошел на введение народного представительства под огромным давлением снизу. Вынужденность этой меры наложила неизгладимый отпечаток на отношение императора к собственному парламенту, которое всегда отличалось подозрительностью и откровенной неприязненностью. Многие современные историки отмечают, что «дарованность» сверху парламента придала создаваемой системе во многом неестественный и нежизнеспособный характер, ибо она была сориентирована на сохранение, «обслуживание» самодержавия, а не на удовлетворение политических потребностей населения¹⁵. Поэтому первые Думы были изначально обречены, ибо не могли устранить назревших проблем политического, экономического, социального и духовного развития России.

В этих условиях кадеты в Думах следовали вполне разумному тактическому правилу: свобода должна быть добываема теми способами, которые сами по себе воспитывают массу в уважении к свободе и праву. Поэтому они стремились проработать в Думе как можно более длительное время, чтобы «укрепить корни» думской традиции «в народной почве» и подготовить законодательные основы для коренных преобразований в стране¹⁶.

Законодательную деятельность российских либералов в Государственной думе подробнейшим образом проанализировал Д.В. Аронов. По его мнению, нет никаких оснований сомневаться в искренности политико-правовых воззрений либералов, которые были выражением глубинного демократизма, гуманизма, открытости к диалогу с политическими оппонентами разных флангов. Радикализм либеральной концепции парламентского законодательства был следствием как отсутствия у российских либералов серьезного политического опыта, так и попыток левых либералов использовать радикальные политические движения с целью давления на правительство. Неудача либералов стала следствием отсутствия у них сколько-нибудь широкой социальной основы в обществе и полным отсутствием у исторической власти желания пойти на встречу либеральному движению, увидеть в нем реального союзника в деле преобразования страны. «Это обстоятельство, – констатирует исследователь, – не позволяет согласиться с точкой зрения, представители которой утверждают, что именно либералы отвергли протянутую им руку со стороны власти и стали главными виновниками будущей цивилизационной катастрофы»¹⁷.

Мы видим, что в современной историографии разброс мнений об отношении либеральной оппозиции к власти очень большой. Казалось бы, этот факт должен стимулировать научные дискуссии. Но никаких широких обсуждений спорных проблем не наблюдается. Как правило, авторы избегают вступать в полемику друг с другом, даже если их позиции кардинально расходятся. Философ А.И. Володин очень точно сказал об этом: «Авторы почти не слушают, не слышат друг друга; создается впечатление громкого "диалога глухих"»¹⁸. Даже в советское время, в условиях цензурных ограничений, уровень дискуссий оставался достаточно высоким. Не боялись спорить друг с другом и эмигрантские авторы – чего стоит хотя бы дискуссия между П.Н. Милоковым и В.А. Маклаковым о роли кадетской партии в политической жизни страны. Думается, что историкам разных направлений нужно научиться слушать друг друга, разбирать и анализировать разные точки зрения. Это, вне всякого сомнения, будет способствовать лучшему пониманию спорных проблем в российской истории.

Примечания

¹ Либеральное движение в России. 1902 – 1905 гг.: Сб. документов / Сост. Д.Б. Павлов. – М., 2001. – С. 8.

² Шацлло К.Ф. Русский либерализм в конце XIX – начале XX в. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX – XX вв.: Сб. ст. / Отв. ред. А.Н. Цамугали. – СПб., 1999. – С. 287.

³ См.: Кривонос М.А. Мятежное земство. – Тверь, 2001; Курсева О.А. Земский либерализм в провинции на рубеже XIX – XX вв. (по материалам Среднего Поволжья и Приуралья). – Уфа; Стерлитамак, 2003.

⁴ См.: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия / Под ред. В.В. Журавлева. – М., 1995. – С. 52.

⁵ Там же. – С. 56.

⁶ Секиринский С.С., Шелухаев В.В. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX – начало XX в.). – М., 1995. – С. 239.

⁷ Там же. – С. 240.

⁸ См.: Медушевский А.Н. П.Н. Милоков: ученый и политик // История СССР. – 1991. – № 4. – С. 29.

⁹ Барсуков С.М. Конституционно-демократическая партия: разработка программных, организационных и тактических принципов деятельности в ходе первой российской революции: Автореф. дис... канд. ист. наук. – Ростов-на-Дону, 1995. – С. 19.

¹⁰ Гоголевский А.В. Русский либерализм в последнее десятилетие империи. Очерки истории 1906 – 1912 гг. – СПб., 2002. – С. 74.

¹¹ Там же. – С. 227 – 228.

¹² См.: Россия в начале XX века / Под ред. А.Н. Яковлева. – М., 2002. – С. 437.

¹³ Там же. – С. 459.

¹⁴ Павлов С.Б. Взаимоотношения власти и легальной оппозиции (либералов и крайне правых) 1900 –

1907 гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. - М., 2000. - С. 17.

¹⁵ См.: Жиляев П.И. Региональный аспект развития российского парламентаризма (на материалах Оренбургской губернии 1906 – 1917 гг.): Автореф. дис... канд. ист. наук. - Оренбург, 2003. - С. 11.

¹⁶ См.: Барсуков С.М. Конституционно-демократическая партия: разработка программных, организацион-

ных и тактических принципов деятельности в ходе первой российской революции: Автореф. дис... канд. ист. наук. - Ростов-на-Дону, 1995. - С. 18.

¹⁷ См.: Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906 – 1917 гг.). - М., 2005. - С. 405.

¹⁸ См.: Либерализм в России / Отв. ред. В.Ф. Лустарников, И.Ф. Худушина. - М., 1996. - С. 421.

УДК 94 (47 + 57)

Р.С. Колокольчикова

Череповецкий государственный университет

КОНТИНГЕНТ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕКТОВ МЕТАЛЛУРГИИ И ХИМИИ г. ЧЕРЕПОВЦА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.

Вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг. - это время бурного развития металлургической и химической промышленности в Череповце. Выпуск продукции на Череповецком металлургическом заводе (далее ЧМЗ) за 20 лет (с 1965-го по 1985 г.) возрос в 2,3 раза, а предприятий минудобрений – более чем в 13 раз¹. Масштабы строительства требовали материальных ресурсов, в том числе трудовых. Удовлетворить потребность в трудовых ресурсах за счёт собственных возможностей 70-тысячный город (в 1965 г.) был не в состоянии. Наиболее острой кадровой проблема по ряду причин объективного и субъективного характера была в строительных организациях города, особенно на промышленных объектах металлургии и химии. Это обстоятельство заставляло руководство ЧМЗ, строительных организаций выезжать в районы и города Вологодской области, других областей, в военные части, проводить там разъяснительную работу, вербуя в основном колхозников, демобилизовавшихся солдат на стройки города. Одним из способов решения проблемы рабочих рук на строительстве стало направление Министерством внутренних дел СССР в Череповец в соответствии с разнарядками Госплана СССР или по поручению СМ СССР контингента пенитенциарных учреждений (условно осуждённых и условно освобождённых). Удельный вес этой категории рабочих на промышленных стройках города быстро начинает расти во второй половине 1960-х гг., особенно после того, как 29 мая 1969 г. СМ СССР утвердил проектное задание развития второй очереди ЧМЗ². С начала 1980-х гг. наблюдается сокра-

щение численности этой категории рабочих, а накануне ввода доменной печи № 5 – снова увеличение³. Если в конце 1960-х гг. в городе была одна спецкомендатура, то в 1978 г. – уже 6, где на учёте состояло 7736 условно осуждённых и условно освобождённых⁴. Размещали пенитенциарный контингент в каменных общежитиях в черте города. В основном это были дома «со всеми удобствами». Правда, в районе строящегося Череповецкого химического завода (в 20 км от города) специально для этой категории строителей был возведён посёлок барачного типа на 800 – 1000 человек. Городским УВД, прокуратурой, членами наблюдательной комиссии при горисполкоме систематически проводились проверки условий содержания и трудового использования «условников». Согласно актам проверок, пенитенциарный контингент содержался в удовлетворительных условиях. 15 июня 1976 г. решением Череповецкого горисполкома была утверждена специальная комиссия по размещению и трудовому использованию условно осуждённых и условно освобождённых⁵. Когда численность спецконтингента в городе увеличивалась (а это происходило, как правило, накануне сдачи в эксплуатацию готового промышленного объекта) и мест для расселения в общежитиях спецкомендатур не хватало, «условников» расселяли небольшими группами в общежитиях для вольнонаёмных. Большинство пенитенциарного контингента, направляемого на стройки Череповца, - это осуждённые за особо тяжкие преступления. Например, из 2500 человек «условников», находившихся в городе в 1975 г., были осуждены: 249 чело-

век – по ст. УК РСФСР 89 (кража госимущества), 63 человека – по ст. 103 УК РСФСР (умышленное убийство), 190 человек – по ст. 108 УК РСФСР (тяжкие телесные повреждения), 371 человек – по ст. 146 УК РСФСР (разбой), 145 человек – по ст. 145 УК РСФСР (грабёж), 213 – по ст. 144 УК РСФСР (кража против личности), 71 – по ст. 117 УК РСФСР (изнасилование). Некоторые имели до 5 судимостей⁶. В 1979 г. удельный вес спецконтингента и военнослужащих на стройках Череповца составил 48,5 % от общего количества работающих⁷. Кроме «условников» в 1970-е гг. в город на постоянное место жительства ежегодно прибывало до 750 лиц, освободившихся из пеницинарных учреждений⁸.

Безусловно, направляемый в город пеницинарный контингент оказывал большое влияние на результаты трудовой деятельности строительных организаций города, на морально-психологический климат в трудовых коллективах, на оперативную обстановку в городе. Эти обстоятельства стали основанием для разработки совместных комплексных планов мероприятий спецкомендатур Череповецкого ГУВД и администраций, общественных организаций ВО ЧМХС по приёму, размещению, трудоустройству, организации надзора и воспитательной работы с условно осужденными и условно освобождёнными.

По разнарядке МВД СССР и в соответствии с разнарядкой Госплана осуждённые на стройки Череповца поступали из исправительно-трудовых колоний Вологодской, Псковской, Владимирской, Мурманской, Ленинградской областей, Башкирской, Мордовской и Удмуртской АССР, часто большими партиями до двух тысяч человек. О прибытии спецконтингента ГУВД заблаговременно сообщало руководству ВО ЧМХС, которое, в свою очередь, оповещало администрацию строительных трестов и управлений. В дни приёма контингента пеницинарных учреждений инспекторы отдела кадров выезжали в общежития спецкомендатур, где изучали личные дела прибывших. Здесь осуществлялся медосмотр спецконтингента. Распределение по строительным организациям происходило в зависимости от потребности в рабочей силе, причём спецконтингент стремились распределить так, чтобы удельный вес его не превышал 40 % от общего количества работающих в организации. Учитывалось наличие строительных специальностей у осуждённых. Затем спецконтингент организованно доставлялся в подразделения ВО ЧМХС, где предстояло работать. Здесь (как правило, в красном уголке) совместно с пред-

ставителями исправительно-трудовых учреждений и строительных управлений проводилась беседа – знакомство со строительной организацией; вновь прибывшие узнавали о месте её в структуре ВО ЧМХС, о трудовых традициях и производственных задачах данного подразделения, знакомились с правилами внутреннего распорядка. Здесь, как правило, до слушателей доводилось содержание законодательства, касающегося их правового положения. Осуждённым разъясняли их права и обязанности, содержание ответственности за нарушение трудовой дисциплины и правил поведения. Затем вновь прибывшие получали первичный инструктаж по технике безопасности, распределялись по бригадам, получали спецодежду и возвращались в спецкомендатуру. Осуждённых, работавших в одной организации, по возможности старались селить в одном общежитии, чтобы обеспечить лучший надзор. В общежитии спецконтингент расселялся поэтажно по производственному принципу: этаж – отряд – управление. На следующий день эта категория рабочих приступала к труду. В бригадах «условники» закреплялись за кадровыми рабочими, с которыми должно было проходить их практическое обучение специальности. Теоретические знания по специальности спецконтингент получал при помощи инженерно-технических работников, которые закреплялись за бригадами для обучения и осуществления индивидуальной воспитательной работы с вновь прибывшими, или в учебном комбинате ВО ЧМХС. После окончания обучения, сдачи экзамена строители из числа спецконтингента получали разряд. За 1977 – 1978 гг. без отрыва от производства в учебном комбинате ВО ЧМХС 1209 человек из осуждённых получили строительную профессию. Многие из этих людей стали работать бригадирами и мастерами. Например, В.Д. Румянцев стал бригадиром комплексной бригады СУ «Коксохимстрой», А.Е. Кирина – бригадиром бетонщиков. Они нашли своё призвание и пользовались уважением в коллективах⁹.

Проводилась работа по вовлечению лиц из числа спецконтингента в члены профсоюза, на подготовительные курсы в техникумы, вузы, а молодых до 30 лет, не имеющих среднего образования, - в вечерние (сменные) школы. Для укрепления трудовой дисциплины ежедневно администрация строительных организаций и спецкомендатура проводили взаимную сверку выхода осуждённых на работу; в случае неявки принимались необходимые меры. Практиковались посещения руководством строительными организациями общежитий спецкомен-

датур, а начальниками спецкомендатур – строительных площадок, где работали осуждённые. Например, в СУ «Мартенстрой» в результате слаженной воспитательной работы в 1974 - 1975 гг. 9 «условников» переведены в постоянные кадры; все они получили строительные специальности, стали членами профсоюза. За 9 месяцев 1975 г. только 1 человек из спецконтингента был возвращён в места заключения¹⁰. Для поддержания надлежащего общественного порядка в общежитии и усиления воспитательной работы создавались самостоятельные организации из числа осуждённых. В общежитиях под руководством администрации спецкомендатур работали бытовые советы, товарищеские суды, редколлегии, группы содействия охране общественного порядка. По специально разработанным графикам в общежитиях проводились лекции, беседы, вечера вопросов и ответов. Упор делался на пропаганду правовых знаний, правил проживания в общежитии. Всё это повышало эффективность надзора и воспитательной работы. В организациях, где проводилась целенаправленная воспитательная профилактическая работа со спецконтингентом, отношение к труду было честным, многие становились передовиками производства, их активно поощряли благодарностями, почётными грамотами, денежными премиями. Например, в СУ «Заводстрой-1» за 9 месяцев 1975 г. было выдано денежных премий осуждённым – 68, почётной грамотой награждён 1 человек, объявлено благодарностей – 7, сняты досрочно ограничения в правах – с 6 человек¹¹. Учёба условно освобождённых и условно осуждённых в этом управлении в 1975 г. выглядела следующим образом: обучено новым специальностям – 26 чел., повысили квалификацию – 3 чел., учились в учебном комбинате – 11 чел., учились в школе рабочей молодёжи – 3 чел.¹² Поднадзорным, честно относившимся к труду, не допускавшим нарушений общественного порядка, по постановлению начальника Череповецкого ГУВД разрешалось совместное проживание с семьёй на частных квартирах. Одним из сильнейших средств в перевоспитании осуждённых явилось их досрочное освобождение от отбытия наказания и сокращение оставшегося срока. В 1978 г. за примерное поведение и высокие производственные показатели 312 чел. были освобождены досрочно¹³. Конечно, работа руководства строительных организаций ВО ЧМХС и ГУВД со спецконтингентом была не лишена серьёзных недостатков, обусловленных объективными и субъективными причинами. В результате общий возврат осуждённых

по спецкомендатурам города в места лишения свободы был достаточно высок. Так, в 1977 г. он составил 15 % от общего количества спецконтингента, в 1978 г. – 18 %, причём основная часть возвратов осуществлялась за правонарушения, совершённые в первые месяцы пребывания на стройках Череповца. В 1978 г. 90 % «условников» были возвращены в пенитенциарные учреждения за самовольное оставление строительных организаций в первые 2 - 3 месяца пребывания в спецкомендатуре¹⁴. Главными причинами правонарушений и, как следствие, возврата в исправительно-трудовые учреждения были: плохое качество спецконтингента (большое количество неработавших до осуждения, примерно 40 % прибывших – алкоголики, большое количество рецидивистов и т.д.), недостаточная подготовленность строительных организаций и спецкомендатур для приёма спецконтингента (многие осуждённые поступали, не имея на первое время денег, одежды по сезону; затягивалось на 3 - 5 дней прохождение медкомиссии, которую с 1976 г. осуждённые стали проходить самостоятельно в поликлинике ВО ЧМХС (в это время «условники» были «предоставлены сами себе»), хронический недокомплект персонала спецкомендатур, низкое качество индивидуально-профилактической работы, просчёты и нарушения в распределении осуждённых по строительным организациям (в некоторых из них спецконтингент составлял до 70 %; «условники», работавшие в одной организации, расселялись по разным спецкомендатурам)¹⁵. Однако в целом спецкомендатуры и администрация, общественные организации управлений и трестов справлялись с поставленными задачами. При участии контингента пенитенциарных учреждений в исследуемый период был выполнен огромный объём строительного-монтажных работ как на промышленных объектах, так и на объектах социально-культурного назначения. В 1978 г. прокурор г. Череповца старший советник юстиции Г.И. Лаврентьев отмечал: «Благодаря принимаемым мерам 70 % от числа осуждённых, направленных на стройки народного хозяйства (в г. Череповец. – Р.К.), добросовестно работают, ежедневно выполняют и перевыполняют нормы выработки»¹⁶.

Примечания

¹ Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее ВОАНПИ). Ф. 2522. О. 121. Д. 366. Л.1.

² Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 383. О. 2. Д. 1898. Л. 1.

³ РГАЭ. Ф. 385. О. 7. Д. 90. Л. 370, 382.

⁴ Череповецкий центр хранения документации (далее ЧЦХД). Ф. 7. О. 11. Д. (524) 172. Л. 146; Д. 667. Л. 120.

⁵ Там же. Ф. 7. О. 11. Д. 647. Л. 122.

⁶ Там же. Ф. 7. О. (11) 1. Д. (525) 173. Л. 162; Д. (442) 166. Л. 75.

⁷ ВОАНПИ. Ф. 2522. О. 83. Д. 299. Л. 4; Д. 12. Л. 18.

⁸ ЧЦХД. Ф. 7. О. (11) 1. Д. (443) 167. Л. 129.

⁹ Там же. Ф. 7. О. (11) 1. Д. 667. Л. 119, 46.

¹⁰ Там же. Ф. 7. О. (11) 1. Д. 538. Л. 78.

¹¹ Там же. Ф. 7. О. (11) 1. Д. 538. Л. 69.

¹² Там же. Ф. 7. О. (11) 1. Д. 538. Л. 68.

¹³ Там же. Ф. 7. О. (11) 1. Д. 667. Л. 119.

¹⁴ Там же. Ф. 7. О. (11) 1. Д. 667. Л. 120 - 121.

¹⁵ Там же. Ф. 7. О. (11) 1. Д. 667. Л. 56, 83, 120 - 124.

¹⁶ Там же. Ф. 7. О. (11) 1. Д. 667. Л. 119.

УДК 27-185-33

Н.В. Алексеева

Череповецкий государственный университет

ОБЫЧАИ И НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ СЕВЕРНОРУССКИХ КРЕСТЬЯН ПЕРЕД ИСПОВЕДЬЮ И ПОСЛЕ НЕЕ (XVIII – XIX вв.)

Изучение покаянной практики обязывает обратиться к максимально возможному выявлению норм поведения и обычаев, сопровождавших таинство церковного покаяния. Обряд же самого таинства, его чинопоследование, разумеется, регламентировался каноническими правилами Церкви.

По данным духовных росписей, обязательным временем для ежегодной исповеди был Великий пост. К духовенству и членам их семей требования были более строгими: они обязывались быть у исповеди во все четыре поста - Филиппов, Великий, Петров и Успенский. Контроль за исповедью церковнослужителей был налажен в конце 40-х гг. XVIII столетия. Его осуществлял специальный духовник, контролировавший посещаемость исповеди причтом и оформлявший соответствующие ведомости, которые регулярно отправлялись в духовное правление во время Филиппова и Успенского постов¹. О подобном контроле свидетельствуют указы, периодически направлявшиеся в отдельные церкви по поводу того, что «...из ныне присылаемых от духовников ведомостей не можно видеть, во все ли четыре поста церковнослужители исповедуются и приобщаются, для чего велеть благочинным, чтоб они приказали духовникам таковые ведомости за всякий пост по прошествии одного зараз подавать»². Таким образом, сельские священники в XVIII – XIX вв. должны были показывать своей пастве пример регулярного исповедания.

Покаянная дисциплина духовенства сопровождалась и соответствующей подготовкой. В идеале священник должен был быть хорошим психологом, чтобы найти правильный подход,

дать нужный совет кающемуся. В обучении в семинарии особый акцент делался на психологических особенностях прихожан. Для этих же целей в 60-е гг. XIX в. выпускались специальные пособия для священнослужителей. В одном из них верующие делились на группы по:

- «различию внутреннего состояния, то есть различию качеств их ума, воли и особых сердечных расположений». Были выделены типы людей: а) ученые и образованные люди; б) неверующие и «послабляющиеся» в вере; в) необразованные; г) тупые; д) благочестивые; е) охладевшие к делам благочестия; ж) находящиеся в опасности падения; з) исповедующиеся в тяжких грехах; и) падшие в первый раз; к) падшие по немощи; л) приобретшие навык к греху; м) новообратившиеся от порочной жизни;

- по «различию внешнего состояния, то есть различием возраста, здоровья, состояния жизни, имущества, пола и особенных отношений их», т.е. по возрасту, полу, социальному и общественному положению.

Отдельным пунктом стояло: «по различию особых качеств сердца - меланхолики, холерики, флегматики и сангвиники»³. Все эти наставления должны были ориентировать священника на глубокое изучение своей паствы. Он должен был не на словах, а на деле быть их истинным духовным отцом, знающим все их тяготы и имеющим к каждому свой подход. Этому же принципу были подчинены разъяснения в указах «Об увещании и исповедании колодников...»⁴ и «О наложении преступникам... епитимий»⁵, где предписывалось применять особую осмотрительность священникам

при наложении епитимий, «чтобы ни кающегося не обременить и не привести в отчаяние, ни в ожесточенном не произвести неуважения к Святым Тайнам, равно и к содеянному преступлению... паче же чтобы расколу не ослабить... Искренно раскаявшемуся от Церкви снисхождение оказывать нужно; однако и в сем иметь осторожность, дабы они не возымели повода притворством сего достигать, другим же, наипаче в важнейших преступлениях, не подавать виду послабления»⁶.

Основная масса прихожан шла на исповедь в Великий пост, в основном в первую, Крестопоклонную и Страстную седмицы. Материалы Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (1890-е гг.) сообщают, что некоторые крестьяне в течение поста ходили «на дух» по два раза⁷. В остальные посты без особой причины могли исповедоваться и причащаться либо престарелые, либо особо благочестивые прихожане. Об этом мы можем судить по данным исповедных и алтарных книг. Информатор из Вологодского уезда отмечал, что в их местности некоторые считают своим долгом исповедаться дважды в году – в Великий и Успенский посты, последний считая частью первого⁸. В таких случаях при записи имени исповедующегося обязательно отмечалось «в который раз». По этим записям можно, хотя и косвенно, судить о количестве особо благочестивых поселян в данном приходе.

Последним сроком для исповеди было Рождество Христово (для тех, кто по каким-либо причинам не смог это сделать в другое время).

Попытаемся далее представить тот ряд последовательных действий, которые до и после исповеди совершал православный крестьянин. Всеобщим правилом, как свидетельствуют практически все источники, было соблюдение перед исповедью строгого поста – молочные, мясные и рыбные продукты в пищу не употреблялись.

Все это время использовалось для осознания неправедности поступков, в которых предстояло покаяться. Приступать к исповеди можно было не иначе как примирившись со всеми окружающими, не держа «зла на сердце». Обычно на просьбу о прощении следовал ответ: «Бог простит!»⁹ Составными частями подготовки к исповеди были также чтение духовной литературы, милостыня и в семейной жизни – отказ от супружеских отношений.

Отметим попутно, что в отдельных районах Русского Севера вплоть до начала XX столетия сохранился описанный С.В. Кузнецовым обряд прощания с землей перед исповедью,

хорошо отражавший факт религиозного восприятия окружающего мира и религиозного осмысления земледельческого труда.

Начинался он следующим образом: отправляясь на исповедь, «должно наперво сделать пред иконами большой трехпоклонный начал. Затем следует прощание с домашними и испрашивается прощение у каждого члена семьи, а перекрестившись на часовенку, – у крещеного люда».

Сотворив крестное знамение и Иисусову молитву на улице, то же самое делали на задворках, после чего кланялись в пояс матушке-земле вокруг на четыре стороны. А кончив причет и сотворив Иисусову молитву, надо было встать на колени и умыть «землей или, если земля еще не растаяла, снегом себе руки». Руки не вытирались до тех пор, пока «кающийся не придет в храм и здесь не получит большого трехпоклонного начала».

Совершив на задворках обряд омовения рук, еще раз произносили Иисусову молитву и делали земной поклон. Потом, стоя на коленях и не оборачиваясь назад, кланялись во все стороны и причитали:

Еще раз, моя питомая,
Прикоснусь к тебе головушкой,
Испрошу у тебя благословеньица,
Благословеньица с прощеньицем,
Что рвала я твою грудушку
Сохой острою, расплывчатой,
Что не катом тебя я укатывала,
Не уразливим гребнем чесьвала.
Рвала грудушку боронушкой тяжелой,
Со железным зубьем да ржавым.
Прости, матушка питомая,
Прости грешную, кормилушка¹⁰.

Желающий исповедаться – «говеющий» – должен был в течение всей недели перед исповедью посещать все службы в приходской церкви. Готовящиеся к исповеди в Великий пост обычно ходили, по свидетельству корреспондента Этнографического бюро князя Тенишева, «в среду за утреню, за преждеосвященную обедню». На исповедь обычно шли всей семьей, чисто и аккуратно одевшись.

Материалы архива Тенишева дают возможность увидеть некоторые черты поведения исповедующихся и причастников в самом храме. После обедни в церквях читалось «зачало» (предначинательные молитвы к исповеди) и следовала исповедь, которая продолжалась иногда до глубокой ночи. Во время исповеди «говеющие» слушали повечерие и читали «правило» (каноны Иисусу Христу, Божией Матери, Ангелу-хранителю и вечерние молит-

вы)¹¹. Грехи, исповеданные и разрешенные ранее, повторять на исповеди не следовало, ибо они, как учит Церковь, уже прощены, но если исповедник снова повторял их, то в них нужно было опять каяться. Однако каялись не только в тех грехах, которые были совершены за время, прошедшее после последней исповеди. Необходимо было вспомнить, не забыл ли кающийся в чем-либо исповедаться в прошлый раз¹².

После «правила» крестьяне считали грехом пить и есть до самого принятия Святых Тайн¹³. В некоторых местностях домашние старались даже не разговаривать между собой до причастия. Исповедь повсеместно проводилась вечером в пятницу, а в Страстную неделю и в среду¹⁴.

Утром в субботу исповедавшиеся накануне шли к утренней службе, после нее слушали «утреннее правило» (молитвы перед причащением), а затем во время литургии приобщались Святых Тайн¹⁵. По сообщению информатора из Сольвычегодского уезда, в их местах исповедь начиналась в те же дни часа в два по полудни и совершалась в самой церкви, после нее для причастников служился молебен¹⁶.

По обычаям некоторых местностей Вологодской губернии девушкам следовало причащаться только в новых платьях и с распущенными волосами¹⁷.

Исповедь, по церковным канонам, считалась завершенной, а грехи отпущенными после исполнения таинства евхаристии, т.е. причастия Святых Тайн. Причащение означает духовное возрождение и обновление, поэтому в Борисоглебском уезде Ярославской губернии каждый исповедник считал своей обязанностью «поставить в день принятия Святых Тайн свечи перед иконами Спасителя, Божией Матери и иконой своего святого». Каждый исповедник старался «подать одну или две просфоры (одну - за здоровье себя и ближних, другую - за упокой)». После причастия считалось грехом ссориться, браниться и т.д.¹⁸

Однако после исповеди к причащению допускались не все. В исповедных книгах в таких случаях стоят пометки: «за нерачением себя» или «по совету духовника». Судя по данным исповедных книг, можно предположить, что подобное решение вопроса зависело от многих обстоятельств, например от пастырской строгости приходского священника. Именно тогда в исповедных книгах появляется запись «по совету духовника». В отдельных случаях количество таких недопущенных достигало чуть ли не половины прихожан¹⁹.

Были и такие, которые сами себя отлучали от Евхаристии. Ф. Бузолин отмечал, что есть крестьяне, которые, исповедавшись, не идут к причастию, удаляя себя «от соединения с Богом по глупому суеверию, что будто бы принявший святое причастие не должен в течение сорока дней плевать на пол, ходить в баню и иметь брачное ложе»²⁰. Для других отговоркой от посещения исповеди служило то обстоятельство, что нет приличной одежды²¹.

К тем, кто не ходил к исповеди по 2 - 3 года, односельчане относились настороженно и подозрительно. Даже в волостном суде мерилом надежности служило посещение исповеди и причастия. Свидетелям, которые редко «бывали на духу», не доверяли²².

Обычно в случаях отлучения от причастия священником за бытовые или духовные согрешения, не носящие уголовного характера, назначалась епитимья: молитва, поклоны, милостыня, чтение (если это было возможно) Священного Писания, Псалтири, житийной литературы.

Плата за исполнение таинства исповеди официально установлена не была. Но прихожане в разных приходах обычно жертвовали на исповедь от 1 до 10 копеек²³. Существовали приходы, где этих пожертвований не было вовсе²⁴. Причащение везде было бесплатным. Жертвовали и на молебен, который служили для причастников.

Рассмотрим теперь те мотивы, которые приводили крестьян к покаянию вне Святой Четырнадцатницы. Одним из них являлась подготовка к таинству брака. Священники при венчании требовали свидетельство о бытии у исповеди и Святого причастия в прошлый пост или накануне.

Резолюция из консистории от 28 октября 1843 г. в очередной раз напоминала священнослужителям, чтобы они постоянно заботились о том, чтобы невесты, т.е. «девицы 16-летние и более имеющие лет, ежегодно исповедывались и причащались Святых Тайн... чтобы обыски деланы были заблаговременно и в них требовали показания и документов о том, всегда ли жених и невеста исповедывались и причащались, а не исполнивших такого христианского долга заставляли исполнять за неделю до брака и без сего, яко подозревались в расколе, не венчали»²⁵. Вследствие этого к концу XIX в., когда контроль за исполнением обязательной ежегодной исповеди со стороны государства был ослаблен, молодые люди, которые ежегодно не исповедовались, все же «говели» в один из постов, если собирались вступить в брак в будущий мясоед²⁶.

Вторым наиболее распространенным мотивом исполнения таинства исповеди вне Великого поста служила болезнь. Причем исповедовавшихся перед смертью было гораздо меньше, чем исполнивших это таинство «в болезни», о чем свидетельствуют пометки «умре» в алтарных книгах. Нездоровье считалось карой Господней за содеянные грехи. Для верующего человека раскаяние и очищение души путем церковной исповеди было первым и основным шагом на пути к выздоровлению.

Одним из ключевых моментов, когда православный человек должен был обязательно исповедаться, было приближение смерти. Данные метрических книг позволяют говорить о том, что подавляющее большинство населения умирало от не скоропостижных болезней: оспы, лихорадки, водянки, горячки и т. д. Умирающие успевали исповедаться, причаститься и собороваться. В таких случаях покойного хоронили по всем церковным правилам, о чем делалась запись в метрической книге. Но были случаи и скоропостижных смертей: несчастные случаи, самоубийства, убийства и т. д. Для захоронения этих тел по церковному чиноположению на кладбище требовалось официальное разрешение консистории. При этом выяснялись все подробности смерти, какую жизнь вел человек и был ли в последний Великий пост на исповеди, и «жежели... не убит, не зарезан, и сам себя не умертвил, не опился пьянственного какого пития, или сам себя чем не удавил и если был правоверным, исправно посещал церковь, каждый раз ходил к исповеди и от Святых Таин не отстранялся, то мертвое его тело при оной церкви погребать по церковному чиноположению»²⁷. В противных же случаях тело погребали за пределами церковного кладбища - «за городом, в приличном месте, без надгробного отпевания»²⁸.

В народе бытовало мнение, что смерть без покаяния - наказание за неправедную жизнь, что такого человека на том свете ждут страшные мучения. Подобные взгляды не могли не оказать сильного эмоционального воздействия на поведение верующего человека. Небольшое количество смертей без покаяния, а по некоторым приходам Вологодской губернии за несколько лет даже полное отсутствие таковых убеждают в этом.

Итак, источники позволяют утверждать, что подготовка православного русского крестьянина к церковной исповеди в XVIII - XIX вв. была многоэтапной и состояла из нескольких устойчивых параллельных обычаев. Прежде всего, выявляется ряд обычаев, основанных на церковно-канонической традиции:

посте, усиленной молитве, чтении духовной литературы, отказе от супружеского общения, милостыне нищим и нуждающимся, примирении с ближними и соседями и т. д. Во-вторых, очевидно и устойчивое бытование обычаев, рожденных народным благочестием и призванных усилить покаянные чувства: облачение в новые или чистые одежды, полное голодание, молчание, особая строгость поведения. В-третьих, подготовка к исповеди включала обряды, сохранившиеся с дохристианских времен, но к XVIII - XIX вв. органично соединившиеся с православным миропониманием: прощание с землей, расплетание волос у девушек и пр.

Выявляются устойчивые нормы поведения и после исповеди и причастия (если исповедь не завершалась наложением епитимьи): подача просфор за здоровье и упокой, возжигание свечей перед образами Спасителя, Божией Матери и своего святого покровителя, сохранение норм строгого поведения в течение 40 дней. Таинство исповеди оставалось основной вехой в покаянной практике крестьян.

Примечания

¹ См.: *Нечаева М.Ю.* Монастыри в системе регуляции общественной и хозяйственной жизни Урало-Сибирского региона (1721 - 1764): Дис... канд. ист. наук. - Екатеринбург, 1994. - С. 199, 204.

² ГАВО. Ф. 1069. Оп. 3. Д. 9. Л. 2.

³ См.: Напоминание священнику об обязанностях его при совершении таинства покаяния. Ч. 1. - М., 1861.

⁴ ПСЗ-1. Т. XVII. № 12312; Т. XX. № 14996.

⁵ ПСЗ-1. Т. XXIV. № 18212.

⁶ ПСЗ-1. Т. XX. № 14996.

⁷ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 327. Л. 14.

⁸ Там же. Д. 153. Л. 8.

⁹ Там же. Д. 1826. Л. 17.

¹⁰ *Кузнецов С.В.* Религиозно-нравственные основания русского земледельческого хозяйства // Православие и русская народная культура. - М., 1994. - Вып. 1. - С. 36 - 37.

¹¹ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1826. Л. 17.

¹² См.: *Игнатий Брянчанинов, святитель.* В помощь кающимся. Введенская Оптиная пустынь, 1995. - С. 13.

¹³ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1826. Л. 17.

¹⁴ Там же. Д. 327. Л. 14.

¹⁵ Там же. Д. 1826. Л. 18.

¹⁶ Там же. Д. 327. Л. 14.

¹⁷ Там же. Д. 1826. Л. 18.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 3596; Ф. 515. Оп. 1. Д. 22; Ф. 1063. Оп. 3. Д. 8. Оп. 8. Д. 4, 16. Оп. 9. Д. 1, 13, 14. Оп. 12. Д. 2.

²⁰ Цит. по: *Курьянов А.И.* Русский город в первой половине XIX в. - М., 1995. - С. 38.

²¹ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 130. Л. 9.

²² Там же. Д. 153. Л. 8.

²³ Там же. Д. 151. Л. 1.

²⁴ Там же. Д. 327. Л. 15.

²⁵ Гааг. Ф. 361. Оп. 6. Д. 549. Л. 1.²⁶ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1826. Л. 17.²⁷ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 3191. Л. 1, 3 - 4, 9, 11, 12, 13 - 14.²⁸ Там же. Д. 2422. Л. 9

УДК 94(430) «19»

Б.В. Петелин

Череповецкий государственный университет

ХДС/ХСС И ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ (К вопросу о роли германской политики в 1989 - 1990 гг.)

Публикации новых документов и исследований по истории германского единства¹ вновь вызвали интерес к этому событию, ставшему, наряду с распадом СССР, ключевым в конце прошлого века. Если в выяснении причин и факторов распада СССР исследователи еще далеки от научного их обоснования, то объединение Германии большинство немецких авторов связывают с деятельностью федерального канцлера Г. Коля. Так, политолог А. фон Плато пишет в своей книге, что обретение национального единения Федеративной Республики, Берлина и ГДР стало главным приобретением в германской политике Г. Коля. Заслуга канцлера в том, что он, используя представившиеся возможности, максимально увязал процесс воссоединения с европейской интеграцией, европейской безопасностью, интересами США, СССР и восточноевропейских государств². Попытки представить объединение Германии как «счастье, свалившееся с неба», игнорируя тем самым германскую политику Г. Коля, лишены, на наш взгляд, каких-либо серьезных оснований³. Канцлер не только располагал высокопрофессиональной правительственной командой, но и использовал в процессе объединения партийный ресурс. Не стоит забывать, что Г. Коль был не только канцлером ФРГ, но и председателем Христианско-демократического союза (ХДС) – крупнейшей консервативной партии в Западной Германии, избранный на этот пост еще в 1973 г. По меткому замечанию немецкого политолога Г. Ланггута, ХДС была «базисом его власти»⁴.

Г. Коль, в отличие от первого канцлера К. Аденауэра, располагал «аппаратом германской политики». К нему следует отнести ХДС, фракцию ХДС/ХСС в бундестаге, правительственные структуры, прежде всего министерство по внутригерманским отношениям, Ведомство федерального канцлера. Основные

задачи возлагались на Ведомство федерального канцлера, являющееся институциональным органом исполнительной власти. К центральному руководству наряду с федеральным канцлером относился шеф Ведомства, который осуществлял общее руководство всеми остальными службами. В ноябре 1984 г. Ведомство возглавил В. Шойбле, один из ближайших помощников и советников Коля. Поскольку Шойбле стал государственным министром, его функции значительно расширились, а положение укрепилось. Новый статус позволял ему быть на равных в отношениях с другими министрами, а после кооптации в президиум правления ХДС принимать участие в работе фракции ХДС/ХСС в бундестаге и осуществлять координацию между центральным руководством партии и ее земельными организациями.

Наиболее значимым являлось «второе управление» (Abteilung 2), курировавшее внешние и внутригерманские связи, политику развития, внешнюю безопасность. «Управление» состояло из 5 «отделов», 2 специальных «групп»: «21», «23» и «рабочего штаба германской политики» (Arbeitsstab Deutschland-politik), который также имел свои «отделы» и «группу 22», занимавшуюся исключительно внутригерманскими отношениями и берлинским вопросом. Ранее руководство «вторым управлением» осуществлялось чиновником из МИДа. При Коле «управление» возглавил Х. Тельчик, ставший ключевой фигурой в проведении германской политики⁵. Проведение германской политики осуществлялось также через «постоянное представительство в ГДР», через «полномочного представителя федерального правительства в Берлине», через «личного уполномоченного канцлера». Содержание, порядок и характер работы «аппарата германской политики» показан в воспо-

минаниях Г. Коля, Х. Тельчика, В. Шойбле, Р. Зайтерса, М. Мертеса, а также в исследованиях политологов К.-Р. Корте, Г. Ланггута и др.

Политолог В. Ягер отмечал, что с конца лета 1989 г. «воссоединение» как главная цель ХДС/ХСС постепенно вводится в оперативную внешнюю политику ФРГ⁶. К этому подталкивали лавинообразные перемены в Восточной Европе, которые меняли установленный победителями во Второй мировой войне европейский порядок. В ХДС/ХСС, как и в других партиях ФРГ, развернулись дискуссии о возможности решения германского вопроса. При этом христианские политики не могли не затронуть территориальной проблемы, которая, по их мнению, оставалась нерешенной. «Мы должны исходить из того, – говорил видный деятель ХДС А. Дреггер, – что Германия расколота. Федеративная Республика Германия, западная часть государства Германии, не имеет совместной границы с Народной Республикой Польшей и не может заключить с ней договор, регулирующий границы. Западная часть германского государства также не правомочна еще и потому, что не обладает восточными землями. Что бы мы сказали, если бы восточная часть германского государства включала в себя западногерманскую область?»⁷

При этом политики из ХДС/ХСС вовсе не стремились к дестабилизации в Европе, понимая, чем это чревато. Тем не менее, Колю приходилось нелегко, чтобы удержать ситуацию под контролем. 5 сентября 1989 г. в бундестаге канцлер напомнил: «Отношение обоих немецких государств в Германии друг к другу является существенным элементом стабильности в Европе. Тех, кто не согласен, я хочу предостеречь: кто причиняет вред этой стабильности, должен знать, какие последствия имело бы это для всех участников»⁸.

Обзор документов из Ведомства федерального канцлера, относящихся к периоду до падения Берлинской стены, показывает, что германская политика приобретает наступательный характер. Руководство ФРГ, стремясь не допустить «неосторожных» действий в отношении ГДР, фактически становилось арбитром в разрешении ее внутренних проблем.

Проявлением оперативной германской политики стали поездки деятелей ХДС/ХСС, депутатов бундестага в Восточный Берлин и их встречи с представителями оппозиции в ГДР. Так, в начале октября 1989 г. в Восточном Берлине побывал министр Н. Блом, который встречался с одним из лидеров оппозиции пас-

тором Р. Эппельманом. Ранее в ГДР побывала группа депутатов бундестага от ХДС/ХСС во главе с Э. Линтнером, ведущим специалистом ХСС по германскому вопросу. Свидетельством интенсификации германской политики является также возросшая активность представительства ФРГ в Берлине, оперативно поставлявшего информацию о развитии событий в ГДР.

Важным направлением в германской политике руководства ХДС/ХСС стало участие в политическом процессе в ГДР, который быстро развивался в направлении формирования оппозиционных СЕПГ партий, союзов и движений. В «рабочем штабе германской политики» шло накопление информации о новых образованиях, таких как «Новый форум» («Neues Forum»), «Демократия сейчас» («Demokratie Jetzt») и др. В оппозицию режиму заносилась Евангелическая церковь ГДР, политическую роль которой в тот момент не следует преувеличивать. Не следует проходить и мимо того факта, что, начиная с 1989 г., представители ХДС добиваются установления связей с восточногерманской ХДС. Однако руководство ХДС в тот момент отказалось от самостоятельных действий⁹.

Интерес представляет информационная справка «Образование оппозиционных групп в ГДР», направленная в «группу 22» Ведомства федерального канцлера 20 сентября 1989 г. В ней сообщалось, что 19 сентября 1989 г. в Gethseman-Kirche состоялось учредительное собрание группы «Новый форум» (призыв к созданию движения «Новый форум» первоначально был опубликован в прессе ФРГ, что не отрицалось организаторами). Присутствовало около 200 человек, хотя, как заявила Б. Боляй, одна из 30 организаторов группы, учредительный манифест подписали уже 2000 человек. «Новый форум» намерен был получить официальное разрешение властей на ведение общественно-политической деятельности. На основании этой и последующей информации в Ведомстве федерального канцлера шел поиск и отбор будущих политических союзников и партнеров ХДС/ХСС. Что касается граждан ГДР, то они получали информацию о создании новых политических организаций преимущественно из западногерманских СМИ. Впрочем, по-другому и быть не могло, так как власти и органы ГДР рассматривали эти организации и движения как «враждебные» социалистическому государству¹⁰.

Еще одним проявлением оперативной германской политики следует считать начавшиеся 24 октября 1989 г. переговоры в Бонне между

Р. Зайтерсом и В. Шойбле (встречи проходили раздельно) с прибывшим сюда представителем СЕПГ А. Шальк-Голодковски. Предметом переговоров было предоставление новых кредитов ГДР, в чем она остро нуждалась. 7 ноября Р. Зайтерс сообщил Шальку решение Коля увязать предоставление финансовой помощи с гарантией допуска оппозиционных сил к свободным выборам. Это могло привести к ликвидации монополии СЕПГ на власть. Революционные события в ГДР прервали эту линию в германо-германских отношениях.

8 ноября 1989 г. Коль выступил в бундестаге с очередным и, как оказалось, последним «посланием о положении нации в разделенной Германии». Часовая речь канцлера стала дальнейшим развитием германской политики ХДС/ХСС в условиях неопределенности и хаоса в Восточной Германии. «Послание» состоит из семи разделов, объединенных одной германской проблемой. Канцлер, обращаясь к беспрецедентному бегству людей в центре Европы и многотысячным демонстрациям в Берлине, Лейпциге, Дрездене и других городах ГДР, заверил и участников демонстраций, и депутатов бундестага, что их голос «Мы – народ!» будет услышан. «Эти события перед глазами всего мира показали, – заявил Коль, – что раскол нашего отечества является естественным, что стена и колючая проволока не имеют больше срока на существование»¹¹.

Составители «послания», сохраняя традиционность в подходах к документам такого рода, акцентировали на этот раз на актуальности проблем, вставших перед ФРГ. Прежде всего, это перемены в Европе. На Западе – зримые очертания единого европейского рынка, создание которого намечалось завершить к 31 декабря 1992 г. На Востоке – процесс смены политической и экономической систем. Начатая Горбачевым политика преобразований дает надежду на преодоление конфликта между Востоком и Западом. Впервые после окончания Второй мировой войны, говорилось в «послании», открываются перспективы для осуществления прав народов на свободу и самоопределение. Канцлер выразил симпатию и поддержку реформам в Венгрии и Польше, куда он отправлялся на следующий день.

Коль предвидел, что в Варшаве, прежде всего, будут интересоваться «территориальным вопросом». Канцлер знал, какие мнения на этот счет имеются в его партии¹², но он в тот момент не мог допустить двусмысленности и недосказанности. Поэтому он процитировал соответствующие положения Варшавского договора и заявления бундестага от

17 мая 1972 г.: требуя осуществления права на самоопределение, ФРГ не поднимает вопрос ни о каких границах и территориях. В областях, по ту сторону западной польской границы, живут сегодня польские семьи, для которых эти земли стали родиной. Канцлер обещал, что ФРГ будет это уважать и никакого вопроса здесь больше не существует¹³. Вместе с тем Коль напомнил, что немецкое население в Польше ущемляется в правах, наблюдается языковая и культурная дискриминация, с чем нельзя мириться. Право на самоопределение, на свободу должно быть предоставлено всем немцам, и это является «нашим национальным стремлением».

Все остальные части «послания» посвящены германо-германским отношениям. Бегство из ГДР, а также приток лиц немецкой национальности из стран Восточной Европы и СССР стали дополнительной нагрузкой на экономику и социальную сферу в ФРГ. Тем не менее, отметил Коль, всех их принимают как «немцев», и ситуация сегодня лучше, чем это было после войны и в начале 50-х гг. Нам лишь не хватает, продолжал канцлер, оптимизма и согласия между поколениями, теми, кто создавал нашу республику, и теми, кто пользуется сейчас ее благосостоянием. Коль не говорил о каких-либо ограничениях на въезд, наоборот, он призывал власти ГДР устранить все препятствия на этом пути. Несомненной заслугой правительства и достижением германской политики явились сдвиги в отношениях с ГДР. Были названы конкретные результаты: от совместных проектов по охране окружающей среды до культурного и спортивного обменов. Отмечалось, что ликвидация имеющихся препятствий позволит расширить взаимную торговлю, повысить уровень кооперации, создание совместных предприятий. Причем, ГДР должна сама создавать предпосылки для этих изменений¹⁴.

Напомнив депутатам о главной цели германской политики – добиваться воссоединения страны через предоставление права на самоопределение, канцлер выдвинул ряд условий руководству ГДР. В политической области СЕПГ должна была отказаться от монополии на власть, должны быть легализованы независимые партии, гарантировано проведение свободных выборов. В экономической области – проведение экономических реформ, демонтаж бюрократической плановой системы, формирование структуры рыночной экономики.

Только в этом случае ФРГ пойдет на обширную экономическую помощь. Нужны глубокие преобразования, заявил Коль, – «косметическая коррекция нас не удовлетворит»¹⁵.

Выступление канцлера Г. Коля было обращено не только к депутатам бундестага и гражданам ФРГ. Самыми внимательными слушателями и читателями стали восточногерманские граждане. Собственно, это послание им и предназначалось. Поэтому слова канцлера воспринимались не только как «забота», но и как «надежда» на новое будущее, которое проступало в словах о «прогессе в решении германского вопроса в интересах людей».

Поворот в германо-германских отношениях, вызванный падением Берлинской стены, необходимо было осмыслить в политических партиях. Первым выступил баварский союз. 17 - 18 ноября 1989 г. в Мюнхене состоялся 53-й съезд ХСС. От ХДС были Г. Коль и Ф. Рюэ. Член руководства ХСС Э. Линтнер, отметив растущее стремление немцев к единству, подчеркнул, что единственная партия, которая всегда опиралась на эту силу в немецком народе, — это ХСС, выступавший без всяких оговорок типа «если» и «но»¹⁶. ХСС, осознавая неустойчивость и неопределенность ситуации (прошла только неделя после падения Берлинской стены), заявил о постепенности перемен и длительности пути в «поисках ответа на германский вопрос», который следует искать не в одиночку, а вместе с партнерами в Европе и нашими соседями на Востоке. Чтобы не разжигать ненужных страстей, в одном из решений съезда было записано о пользовании только официальными картами ФРГ¹⁷.

О «программе 10 пунктов», с которой Коль выступил в бундестаге 28 ноября 1989 г., сказано немало. В германской политике ХДС/ХСС она занимает важное место. Можно согласиться, что после ее публикации «боннская политика приняла интервенционистский характер», т.е. речь идет о переходе к массивному вмешательству во внутренние дела ГДР¹⁸. Но без подобного «вмешательства» процесс объединения был бы невымыслим. «Программа» не являлась «пропагандистским прикрытием» политики Коля, а была рассчитана на совместные действия властей ФРГ и ГДР, хотя последних в этом еще следовало убедить¹⁹.

Любопытна история ее появления. Ценными являются свидетельства непосредственных участников разработки «программы» Х. Тельчика и М. Мертеса (книга М. Мертеса о политической жизни современной Германии издана в России²⁰). М. Мертес в Ведомстве федерального канцлера возглавлял «группу спичрайтеров» («группа № 521»). Он пишет, что идея выступления канцлера в бундестаге с программным заявлением принадлежала Х. Тельчику. Это еще раз подтверждает значительную

роль ближайшего советника Коля в германском единстве. Эйфория от падения Берлинской стены в Ведомстве улеглась. Требовались конкретные предложения в развитии германской политики, которые привлекли бы внимание общественности как в ФРГ, так и в ГДР.

Определиться с идеей «помог» Х. Модров. Выступая 17 ноября в Народной палате с первым правительственным заявлением, он сказал о возможности «договорного сообщества» между ГДР и ФРГ, которому «следует выйти далеко за рамки Договора об основах отношений между ГДР и ФРГ, равно как и всех ранее заключенных договоров и соглашений между обоими государствами». Мертес по этому поводу замечает, что за этими словами у Модрова «ничего конкретного не было», но идея была привлекательна²¹.

Далее действия приобрели детективный характер. ФРГ посетил советник М. Горбачева, эксперт по Германии Н. Португалов, который 21 ноября 1989 г. встречался с Тельчиком и, как свидетельствуют об этом документы, между ними состоялся откровенный разговор (Португалов донес до Тельчика идею о том, что Москва намерена «переосмыслить многое в немецком вопросе», скрыто намекая, что советская сторона «не будет больше открешиваться от объединения двух немецких государств»²²). В ходе беседы Тельчику был передан документ с названием «Советский Союз и "германский вопрос"», о чем был информирован канцлер. Комментарии Тельчика от 6 декабря, предназначенные для канцлера, и сам документ были опубликованы в ФРГ и представляют несомненный интерес²³.

11 декабря 1989 г. состоялся «малый съезд» ХДС. Инициативная группа в составе Ф. Рюэ, Н. Блюма, Э. Альбрехта, Э. Дипгена, В. Шойбле, В. Вальманна, К. Тёпфера подготовила «германское заявление ХДС», созвучное с «программой 10 пунктов». Выделялись следующие задачи: объединение Европы, свобода, самоопределение и единство для всех немцев, сохранение доверительных отношений²⁴.

Руководство партии подчеркнуло, что идущая в ГДР мирная революция является продолжением той борьбы за свободу и демократию, которую вели христианские демократы с 1945 г. в советской оккупационной зоне. Отмечался также вклад ХДС в формирование и сохранение национального самосознания, чувства принадлежности к одной нации, что является предпосылками воссоздания немецкого единства. ХДС уверен, что его активная германская политика позволит преодолеть разделение Германии. За этот период экономиче-

ское и политическое присутствие ФРГ в ГДР возросло в несколько раз. Создавались совместные комиссии и органы по вопросам строительства и планирования городов, охраны окружающей среды, развития транспорта и культуры. Несмотря на сокращение объемов производства в ГДР, товарооборот с ФРГ значительно возрастал и составил в 1989 г. 15,5 млрд марок. Стремительно развивались контакты между землями ФРГ и округами ГДР, между отдельными городами. Фактически процесс объединения «снизу» уже начался и требовалось его политическое оформление. При этом ХДС, как и ХСС, не упускал возможности выступить с критикой своего главного оппонента в германском вопросе - СДПГ, изыскивающей, по словам экономического советника ХДС М. Виссманна, некий «третий путь» для ГДР²⁵.

Исходя из тех планов по объединению Германии, что появлялись в предыдущие «фазы» германской политики, отправным и решающим шагом должны были стать демократические свободные выборы. Через них восточногерманские граждане получали возможность реализовать свое право на самоопределение. Поэтому предстоящие выборы в Народную палату рассматривались всеми политическими силами как судьбоносные для ГДР. Постановлением Народной палаты, которое было опубликовано 28 января 1990 г., выборы сдвигались с 6 мая на 18 марта 1990 г. Предварительно этот вопрос обсуждался на заседании «круглого стола» с участием премьер-министра Х. Модрова. Председатель СЕПГ-ЛДС Г. Гизи поддержал перенос выборов, хотя это больше отвечало интересам политической оппозиции.

Федеральный канцлер не мог допустить провала своих планов из-за неблагоприятного исхода выборов в ГДР. ХДС ФРГ не надо было воссоздавать филиал своей партии, как это сделала СДПГ (Учредительный съезд СДП ГДР состоялся 9 октября 1989 г.). Такой партией был восточногерманский ХДС, который до осени 1989 г. входил вместе с другими партиями в единый блок с СЕПГ. Естественно, за годы раскола и социалистического строительства восточногерманский ХДС превратился в иную партию, далеко отстоящую по своим программным и идейным установкам от ХДС образца 1945 - 1949 гг. И, тем не менее, в Ведомстве федерального канцлера решили, что называется, закрыть глаза на сорокалетний период в истории ХДС ГДР. Тому есть свое объяснение. ХДС ФРГ и ХДС ГДР имели хотя и непродолжительную, но общую историю

возникновения и становления. Все эти годы в ФРГ существовал «ХДС в изгнании» (CDU-Exil), т.е. номинально сохранялась «единая христианско-демократическая партия»²⁶.

Еще один момент, который следует учитывать, состоял в том, что среди пяти правительственных партий ГДР ХДС после СЕПГ являлся самой крупной и влиятельной организацией, располагавшей собственной материально-технической базой. Существенным было и то, что руководство ХДС ГДР, в отличие от СДП ГДР и СДПГ, оказалось восприимчивым к идее национального единства.

Проблемой для Г. Коля и его советников был не выбор партии, а подбор политиков, которым можно было доверять и которые не претендовали бы на чрезмерную самостоятельность в предвыборной борьбе и, главное, после выборов. «Просмотр» восточногерманской оппозиции состоялся на «малом съезде» ХДС 11 декабря 1989 г. Возможность выступить получили представители «Демократического прорыва», «Объединения христиан католиков», восточногерманской ХДС²⁷. Лейтмотивом выступлений было скорейшее объединение Германии. Б. Кёглер из «ДП» заявила, что для них конфедерация не является конечной целью. Лучшее будущее – это федерация. Участники ставили вопрос о возможности вхождения пяти восточногерманских земель в состав ФРГ.

Накануне выборов в Народную палату ГДР руководство парламентской фракции ХДС/ХСС изложило собственную «директивную линию» в начавшемся процессе объединения. Прежде всего, обосновывалась возможность достижения единства с применением ст. 23 Основного закона ФРГ. Этот путь, говорилось в заявлении, не только отвечает интересам всех немцев, но и соответствует принципам Заключительного акта СБСЕ. Руководство фракции обратилось к населению ГДР с просьбой оставаться на своей родине, чтобы принять участие в ее возрождении. Значительное место в заявлении отводилось изложению германской политики канцлера Коля, которую руководство фракции разделяет и поддерживает. Фракция ХДС/ХСС в бундестаге подтвердила свою позицию в вопросе о польской границе, который должен быть закрыт с подписанием договора между общегерманским правительством и правительством Польши²⁸.

Избирательная кампания в ГДР была скоротечной. Вначале избиратели отдавали предпочтение социал-демократам, но затем ситуация изменилась. В немалой степени перелом внес сам канцлер Коль. Он выступил на мас-

совых митингах в Эрфурте, Карл-Маркс-Штадте, Ростоке, Котбусе, Магдебурге, Лейпциге: В общей сложности на митингах побывало не менее миллиона человек, т.е. почти 10 % от общего числа избирателей в ГДР²⁹. Активными были и другие политики от ХДС/ХСС.

Результаты выборов показали, что избиратели в ГДР разделились на два лагеря. Большинство (3/4 избирателей) отдали свои голоса тем партиям, которые выступали за государственное единство ФРГ и ГДР. Различия в этом лагере были разве что по темпам объединения. Меньшинство составили те, кто не верил или опасался объединения Германии, для которых утрата ГДР много значила. Но даже и они понимали, что экономическая и финансовая ситуация в ГДР такова, что следует примириться с неизбежностью объединения.

На наш взгляд, на исход выборов повлияли два существенных момента. Первый - желание большинства как можно скорее отойти от коммунистического режима СЕПГ (подобное наблюдалось и в других восточноевропейских странах). Второй – предстоящий переход на новую денежную единицу – марку ФРГ. Вне всякого сомнения, отмечает историк А. Гроссер, большинство граждан ГДР желало этого: западногерманская марка превратилась в символ благосостояния, надежду на быстрое улучшение жизненного стандарта (гарантом перемен выступал Г. Коль, который в 1990 г. не скупился на обещания)³⁰.

После победы «Альянса за Германию», по сути ХДС/ХСС, на выборах в Народную палату ГДР начался «процесс ликвидации», к которому подключились и великие державы, несшие ответственность за «Германию в целом» с окончания Второй мировой войны. Только теперь ключевую роль играли немцы несмотря на отдельные возражения со стороны руководства СССР, Великобритании, Франции³¹. Поэтому переговоры прошли в формате «2 + 4», что уже само по себе говорит о приоритете немецких интересов.

На наш взгляд, трудно согласиться с высказыванием английского историка Э. Хобсбаума, что германская политика ХДС/ХСС состояла из одних «дежурных фраз», а «объединение явилось побочным продуктом совершенно неожиданных событий вне Германии». Действительно, фраз, слов и речей о единстве Германии было произнесено с 1949 г. великое множество. В 80-е гг. наступило время их реализации. Основным концептуальным тезисом в германской политике ХДС/ХСС было предоставление всему немецкому народу права на

самоопределение, т. е. реализация одного из основополагающих принципов международного права. При этом в программных документах ХДС/ХСС не содержалось четкого определения, кто является носителем права на самоопределение и в каком конкретном статусе должна предстать единая Германия: национальном государстве или конфедерации. Необходимо выделить, что ведущие христианские политики отдавали приоритет свободе, отказом от которой они не могли поступиться в решении германского вопроса. В их понимание свободы входило признание права восточных немцев на государственность, если бы они могли действительно свободно и беспрепятственно решить вопрос о самоопределении к собственному государству.

Новым концептуальным подходом в германском вопросе стала политика «мелких шагов» и «уступка за уступку» канцлера Коля, которая путем расширения контактов и связей способствовала преодолению последствий раскола для граждан ФРГ и ГДР. Безоговорочной поддержки в христианских партиях она не имела: там были сторонники прежних «силовых методов» воздействия на Восточную Германию. При этом ХДС/ХСС не выступали «гарантом» сохранения ГДР, а расширяли возможности для осуществления демократических преобразований на Востоке. Подавляющее большинство немцев в ГДР в 1990 г. желало объединения Германии. Это было признано всеми политическими партиями, включая и ПДС. «Программа 10 пунктов» Г. Коля, ориентированная на постепенное формирование «конфедеративных структур», была отброшена не канцлером, а восточными немцами, решительно высказавшимися за немедленное объединение. Без этого «желания» вся германская политика ХДС/ХСС не имела бы успеха и не нуждалась бы в продолжении.

Примечания

¹ См., напр.: Михаил Горбачев и германский вопрос: Сб. документов. 1986 – 1991. - М., 2006; *Plato A. von. Die Vereinigung Deutschlands – ein weltpolitisches Machtspiel: Bush, Kohl, Gorbatschow und die geheimen Moskauer Protokolle.* – Berlin, 2002; *Plato A. фон. Борьба за Германию – борьба за единство Европы / Пер. с нем.* - М., 2007; Рец. на книгу фон Плато см.: *Петелин Б.В. Плато А. фон. Борьба за единство Германии – борьба за единство Европы // Вопросы истории.* - 2007. - № 11. - С. 169 - 171.

² *Plato A. von. Die Vereinigung Deutschlands – ein weltpolitisches Machtspiel: Bush, Kohl, Gorbatschow und die geheimen Moskauer Protokolle.* - Berlin. 2002. - S. 411.

³ См.: *Ференбах О.* Крах и возрождение Германии. Взгляд на европейскую историю XX века. - М., 2001. - С. 238 - 241; *Петелин Б.В.* «Счастье, свалившееся с неба», или Был ли план объединения Германии? // Россия и современный мир. - 2002. - № 4. - С. 162 - 170.

⁴ *Langguth G.* Das Innenleben der Macht. Krise und Zukunft der CDU. - Berlin, 2000. - S. 31.

⁵ Более подробно об «аппарате германской политики» см.: *Петелин Б.В.* Германская политика канцлера Гельмута Коля. 1982 - 1990 гг. - Вологда, 2004. - С. 27 - 38.

⁶ *Jäger W.* Die Überwindung der Teilung: der innerdeutsche Prozeß der Vereinigung 1989/90. - Stuttgart, 1998. - S. 16 - 17.

⁷ Ibid. - S. 176.

⁸ Ibid. - S. 17.

⁹ KAS. ACDP: Pressedokumentation. 1/20/6-1. 24. Mai. 1989.

¹⁰ В октябре 1989 г., как отмечает Д. Гроссер, в ГДР действовало семь политических групп и партий, противостоящих режиму СЕПГ: «Инициатива за мир и права человека», «Новый форум», «Демократия сейчас», «Демократический прорыв», «Социал-демократическая партия», «Партия зеленых», «Объединенные левые». Их деятельность после падения Берлинской стены была направлена на подготовку заседаний «круглого стола» с участием представителей СЕПГ. См.: *Grosser D.* Das Wagnis der Währungs-, Wirtschafts- und Sozialunion: Politische Zwänge im Konflikt mit ökonomischen Regeln. - Stuttgart, 1998. - S. 103.

¹¹ См.: Bericht der Bundesregierung zur Lage der Nation im geteilten Deutschland // Bulletin. Nr. 123. - Bonn, 1989. - S. 1053 - 1060.

¹² См.: Die Deutsche Frage als Strategischer Schlüssel / Herausgegeben von Heinz Kiefer. - München, 1988.

¹³ Депутаты бундестага после обсуждения речи канцлера приняли решение, в котором подчеркивалось значение Варшавского договора от 7 декабря 1970 г. в качестве «прочного фундамента в отношениях между Федеративной Республикой Германия и Польской Народной Республикой». Польский народ, говорилось в данном решении, как первая жертва гитлеровской Германии, имеет право проживать в безопасных границах, а для нас, немцев, ни сейчас, ни в будущем не должен вставать вопрос о притязаниях на отошедшие к Польше области. См.: Zur polnischen Westgrenze // Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland: Dokumente von 1949 bis 1994. - Köln, 1995. - S. 617.

¹⁴ Bulletin. - Nr. 123. - S. 1058.

¹⁵ Ibid. - S. 1059.

¹⁶ HSS. ACSP: LGF-PT. 17/18. 1989.

¹⁷ Ibid. PT-23. N 56.

¹⁸ См.: *Ференбах О.* Крах и возрождение Германии. Взгляд на европейскую историю XX в. - М., 2001. - С. 239 - 240.

¹⁹ См.: Михаил Горбачев и германский вопрос: Сб. документов. 1986 - 1991. - М., 2006. - С. 254 - 263.

²⁰ *Мертес М.* Немецкие вопросы - европейские ответы. - М., 2001.

²¹ Там же. - С. 105.

²² См.: *Петелин Б.В.* «Документ Португалова» о позиции советского руководства по германскому вопросу. 21 ноября 1989 г. // Вопросы истории. - 2005. - № 10. - С. 3 - 9.

²³ Deutsche Einheit: Sonderedition aus Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90. Dokumente zur Deutschlandpolitik. - München, 1998. - S. 616 - 618.

²⁴ KAS. ACDP: 1/20/6-1. 11. Dez. 1989.

²⁵ На съезде СДПГ 18 - 20 декабря 1989 г. В. Брандт сказал: «Воссоединения частей, которые никогда не были вместе, не будет... Основной закон тоже на моей стороне. В нем не говорится о «воссоединении», но о самоопределении, о единстве в условиях свободы - и о Европе». См.: *Brandt W.* Rede am Programmparteitag in Berlin 18. Dezember 1989. Programmparteitag in Berlin, 18.-20. Dezember 1989. - Bonn: Presservice der SPD, 1989.

²⁶ 14 - 16 апреля 1989 г. состоялся 20-й съезд «ХДС в изгнании». Председателем партии был избран З. Дюбель, вторым председателем стал Х. Леммер. См.: Begleittexte auf dem Weg zur Einheit. - Berlin, 1990. - S. 15.

²⁷ KAS. ACDP: Union in Deutschland. CDU-Dokumentation. - 1989. - № 40. - S. 1 - 8.

²⁸ KAS. ACDP: 1/20/6-1. Erklärung des Geschäftsführenden Vorstands der CDU/CSU- Bundtagsfraktion am 9. März 1990 in Dresden zur Deutschland- und Ostpolitik (A-B-D-E). - S. 6 - 9.

²⁹ KAS. ACDP: Pressedokumentation. 1/20/6-1. 22. März 1990

³⁰ О. Лафонтен, выдвинутый кандидатом в канцлеры от СДПГ на первых общегерманских выборах 1990 г., говорил: «У людей создалось впечатление, что когда выберут Коля, тогда потекут деньги». Цит. по: *Grosser D.* Das Wagnis der Währungs-, Wirtschafts- und Sozialunion: Politische Zwänge im Konflikt mit ökonomischen Regeln. - Stuttgart, 1998. - S. 267.

³¹ См.: Заявление МИД СССР от 14 марта 1990 г. // Михаил Горбачев и германский вопрос: Сб. документов. 1986 - 1991. - М., 2006. - С. 385 - 387.

Содержание

Раздел 1. Литературоведение

<i>Птицын И.А.</i> Христианская символика в стихотворении «Дурные дни» Б. Пастернака	3
<i>Трубицына М.Ю.</i> Русские встречи на Афоне Б.К. Зайцева	5
<i>Пономарева Т.А.</i> «Повесть об одной деревне» В. Белова в творческой эволюции писателя	8
<i>Киселева Л.И.</i> Стихотворение «О фонтанах» Р.М. Рильке и античная традиция	13
<i>Антонова З.В.</i> Драматургическое наследие У. Коллинза	15
<i>Соловьева Е.Е.</i> Русская тема в романе В. Вулф «Орландо»: История или миф?	24
<i>Буриштинская Е.А.</i> Мотив сна в поздней прозе И.С. Тургенева и П. Мериме	29
<i>Седов А.В.</i> Художественное воплощение концепции трех заветов в египетской диалогии Д.С. Мережковского	32

Раздел 2. Лингвистика

<i>Лаврова С.Ю., Бирюкова Е.О.</i> Игровое поведение языковой личности в телевизионном дискурсе (на материале ток-шоу «Школа злословия»)	37
<i>Павлова Н.П.</i> Слог в детском чтении	41
<i>Чернышева Т.А.</i> Стратегия персуазивности в колонке обозревателя	45
<i>Смулаковская Р.Л.</i> Языковые средства организации фрагментарной прозы (на материале романа А.Ф. Вельмана «Странник»)	49
<i>Бушнев Н.Т.</i> К разработке основ лингвистического анализа хиазма	54
<i>Межецкая Г.Н., Волкова Н.А.</i> Спектральный анализ безударных гласных в южнорусском наречии (тестовый материал елецких говоров)	58
<i>Цветкова Л.А.</i> Компьютерные игры-путешествия, предназначенные для обучения лексике английского языка	63
<i>Чиршева Г.Н.</i> Социолингвистические и этнопсихолингвистические аспекты детского билингвизма	67
<i>Короушикин В.П.</i> Категориально-понятийная система контрастивной социолектологии как автономной отрасли языкознания (на материале английского и русского языков)	73

Раздел 3. Социальные коммуникации

<i>Суботич М.</i> Сецессия в трактовке великих держав	86
<i>Чернов А.В.</i> Актуальные проблемы регионального медиаобразования	92
<i>Милошевич З.</i> Политические партии и коррупция	97
<i>Смирнова О.В.</i> Проблема свободы в русской религиозной философии	105
<i>Тишина Е.В., Тишин Ю.Н.</i> Рекурсивная структура вуза как предмет социально-философского анализа	108
<i>Филиппова В.И.</i> Художественный образ как продукт творческого процесса	112

Раздел 4. История

<i>Егоров А.Н.</i> Проблема взаимоотношений российских либералов начала XX в. с властью в современной историографии	116
<i>Колокольчикова Р.С.</i> Контингент пенитенциарных учреждений на строительстве промышленных объектов металлургии и химии г. Череповца во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг.	122
<i>Алексеева Н.В.</i> Обычаи и нормы поведения севернорусских крестьян перед исповедью и после нее (XVIII - XIX вв.)	125
<i>Петелин Б.В.</i> ХДС/ХСС и объединение Германии (К вопросу о роли германской политики в 1989 - 1990 гг.)	129

Лицензия А № 165724 от 11 апреля 2006 г.

Подписано в печать 08 г.
Тир. 300. Уч.-изд. л. 15. Усл. п. л.
Формат 60 × 84 ¹/₈. Гарнитура Таймс.

Череповецкий
государственный
университет

ISSN 1994-0637

9 771994 063357 >